

ЗАГАДАТЬ ЖЕЛАНИЕ

Ольга Кай

Ольга Кай

Загадать желание

«Accent Graphics communications»

2014

Кай О.

Загадать желание / О. Кай — «Accent Graphics communications»,
2014

Мир этот полон чудес: лунными ночами водят хоровод русалки, сидят под болотными кочками кикиморы, бредут сквозь буреломы величественные хозяева лесов, а в небе, рассыпая искры, летит огненный змей. Чужой мир похож на старую сказку, но попавшим в него людям предстоит узнать, что и сказки бывают недобрыми. Дружба здесь проверяется ревностью и завистью, ссорами и наветами, а скрепляется кровью и звоном оружия, битвой плечом к плечу и готовностью, взявшись за руки, шагнуть в неизвестность. Верность здесь становится самым дорогим сокровищем, а любовь – неожиданной наградой. И уже не важно, с чьей стороны упал последний камушек на весы – равновесие нарушено, миры переплетаются, расползается пустошь и вырастают черные скалы на месте исчезнувших городов. И, чтобы спастись, каждому из этих миров нужно одно-единственное настоящее чудо.

© Кай О., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Книга 1	6
Часть первая. Стеклоанное чудо	6
Глава 1. Мир-ловушка. Двенадцать лет спустя	10
Глава 2. Говорящий со змеями	17
Глава 3. Раслава	28
Глава 4. Сын воеводы	36
Глава 5. Зимние дороги	41
Глава 6. Рождество в аномалии	51
Глава 7. Расставание	57
Часть вторая. На заповедной земле	69
Глава 1. Дочь леса	73
Глава 2. За живою водою	81
Глава 3. Клад королевы ужей	87
Глава 4. Ворота предгорья	96
Глава 5. Подарок водяного	100
Глава 6. Тайны Заповедного леса	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ольга Кай

Загадать желание

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга 1

Часть первая. Стеклоанное чудо

Под куполом серого неба город казался унылым и пыльным. Пламя осени уже коснулось листьев, но было еще по-летнему тепло. Обычный рабочий полдень, время обеденного перерыва... На остановке торговка громко расхваливает свои пирожки, а люди безразличной толпой проходят мимо нее, спускаются по ступенькам в подземный переход, и лишь немногие останавливаются, чтобы купить – с капустой, с картошкой, с мясом – попутно уточняя: не с кошачьим ли?

Старичок в поношенном пальто, некогда темно-зеленом, а теперь грязно-сером, устроился возле бордюра. На маленьком раскладном столике перед собой выложил стеклянные шары с заключенными внутри роспесками краски. На первый взгляд ничего необычного, но стоило присмотреться – и под прозрачной поверхностью угадывалось движение: медленное, плавное, словно дыхание спящего.

Прохожие редко обращали внимание на торговцев сувенирами, разве что перед праздниками. Но в ближайшее время всеобщих праздников не предвиделось, к столику со стеклянными шариками подходили только дети, да и те – ненадолго. Старичок начал было поклевывать носом.

– Ух ты, гляди!

Громкий восхищенный возглас заставил торговца поднять голову. Перед его столиком остановилась ватага мальчишек-школьников.

– Смотри, смотри, оно двигается! – один из ребят, кучерявый рыжик, протянул руку, но отдернул, опасаясь тронуть столь хрупкую и необычную вещь. – А что это?

– Это чудо, самое обыкновенное, – старичок усмехнулся, глядя на растерявшихся мальчишек. – Оно может исполнить желание...

– Здорово! – перебил его рыжий, удивленно присвистнув.

– ...но только загаданное не умом, а сердцем.

– Это как? – недоуменно спросил светловолосый мальчик в очках, а рыжик насупился, пытаясь осмыслить услышанное. Остальные трое притихли, подались ближе и поглядывали с некоторой настороженностью и на шарик, и на их хозяина.

– А так, – старик поднял шарик и протянул мальчику. – Возьми. Просто положи его на ладонь, вот так... и сожми, чтоб не выкатился. А теперь подумай о том, чего тебе хочется.

Школьник думал. Сосредоточенно поправлял съезжающие очки, думал снова – и ничего не происходило.

– Наверное, не о том думаешь, – покачал головой старичок. Взял шарик и протянул его рыжику: – Попробуй ты.

Тот, покраснев, осторожно, словно боясь обжечься, сжал гладкое стекло пальцами и зажмурился. Некоторое время он стоял так, изредка поглядывая одним глазом то на шарик в своей ладони, то на ребят – и снова ничего.

– Дай-ка мне! – темноволосый паренек, все это время наблюдавший за своими товарищами, тоже попытался зажмуриться, когда взял в руки стеклянное чудо. Но внезапное напоминание торговца его остановило:

– Только самое сокровенное, – негромко подсказал старичок. И уже шепотом добавил, словно отвечая мыслям незнакомого мальчишки: – И не желай невозможного.

– А невозможное – это какое? – тут же уточнил рыжик.

– Ну, наверное, чтобы Земля стала плоской, – улыбнулся старичок, и уже серьезно добавил: – Или вернуть того, кто ушел навсегда.

Темноволосый мальчик поспешно отвел глаза и снова уставился на цветные разводы под стеклянной поверхностью зажатого в пальцах чуда.

– Ну что там, Валька? Не получается? – поинтересовался рослый конопатый парнишка. – А ну, дай я...

Он уже протянул руку, когда ленты красок в стеклянном шаре завились, сплетаясь в новые узоры, а потом рассыпались мелкой пылью, повисшей мерцающим туманом, подсвечивая сжатые Валькины пальцы.

– Что это? – он поднял круглые от удивления глаза на хозяина стеклянных чудес.

– Это значит, что ты загадал правильное желание. И оно вот-вот исполнится.

Мальчик нахмурился и рассеянно, даже слегка испуганно огляделся по сторонам. Кругом ничего не изменилось – как прежде, люди шли по своим делам, ехали автомобили, зазывала покупателей торговка пирожками...

– Мама! Мама! – тонкий детский голос послышался рядом. Девочка лет четырех стояла посреди людского потока – глаза широко раскрыты, по щекам текут слезы. – Мама! Мама-а-а-а!

– Привет! – Валька присел рядом и, когда девочка удивленно взглянула ему в лицо, спросил: – Что случилось?

– Я... маму потеляла, – всхлипнув, ответила девочка.

– Где потеряла?

– Потеляла, – повторила она. – Мы сли, сли, а потом я на тютютоцьку отосла... и потеляла!

Валька растерянно почесал пятерней затылок. Его товарищи подошли ближе и смотрели, не зная, чем помочь. Девочка вновь надумала реветь, поэтому Валька поспешил перебить ее плач вопросом:

– А где ты живешь? Если хочешь, мы отведем тебя домой.

– Плавда? – улыбнулась малышка. И, сосредоточившись, быстро произнесла заученную по наущению взрослых фразу: – Калина Дмитриива, улиса Кленовая пятнасть, квалтила два-сать сетые.

– Карина Дмитриева? – переспросил Валька. Опустил руку, нащупал в кармане брюк тяжелый стеклянный шар, который не успел отдать старику. Вот как? Неужели его желание действительно исполнится, надо лишь отвести сестричку домой... к ней домой. Но только...

– Карина! Карина, где ты? – встревоженный женский голос донесся от здания универмага и утонул в уличном шуме.

Схватив девочку за руку, Валька быстро пошел сквозь толпу. Как назло, людей словно стало больше, приходилось едва ли не проталкиваться. Он взял малышку на руки и побежал на удаляющийся голос.

– Карина, ты где? Карина! Кариночка!..

Женщина в длинной юбке и строгой светлой блузе остановилась напротив магазина игрушек, отчаянно огляделась по сторонам и замерла, увидев Вальку со своей девочкой на руках. В следующий миг она подлетела, едва не вырвав дочурку у мальчика, который как раз ставил малышку на тротуар.

– Это ты? Ты ее увел? – прижав девочку к себе, женщина зло уставилась на Вальку.

– Она просто... потерялась, – растерянно ответил мальчик.

Видимо, ему не поверили. Мать осмотрела свое дитя, и убедившись, что девочка цела и здорова, взяла ее за руку и решительно развернулась, чтобы уйти.

Пальцы сжали в кармане стеклянный шарик.

– Мама!..

Получилось тише, чем Валька хотел, но его слышали. Женщина замерла на миг, но не обернулась и пошла вперед.

Стекло внезапно стало горячим и жгло пальцы.

– Мама!

Собирались люди, привлеченные неожиданной сценой. Женщина остановилась, вернулась. Девочка пыталась выглянуть из-за складок колышущейся черной юбки, но у нее не очень-то получалось.

– Я не желаю иметь ничего общего ни с твоим отцом, ни с тобой, – прозвучал тихий голос. Темные глаза матери смотрели сердито и как-то странно блестели. – Понятно?

– Папа умер, – также тихо ответил Валька.

Она удивилась, приподняла брови. Кивнула, отвечая каким-то своим мыслям. Ни слов сожаления, ни вопросов – где и с кем Валька теперь живет... Устало вздохнула, выпрямилась.

– Тебе нужны деньги? Подожди... – открыла сумочку, достала кошелек, вынула из него несколько пестрых бумажек и протянула мальчишке. – На, возьми.

Валька беспомощно смотрел на предложенные бумажки, потом медленно отступил.

– Не надо. Не надо, – шаг, еще шаг. Голос сорвался на крик: – Мне ничего не надо!

Пропускать мальчишку не спешили, пришлось проталкиваться, не обращая внимания на возмущенные возгласы, лишь бы оказаться подальше, подальше... Глаза щипало от подступивших слез, но не реветь же: не девчонка, и не малолетка. стыдно!

– Валька, стой! – окликнул его кто-то из ребят, увязавшихся следом. – Стой!

Споткнувшись, Валька остановился, поднял голову и обнаружил вдруг, что очутился возле того самого перехода. На раскладном самодельном столике ловят блики вынырнувшего из-за туч солнца стеклянные шары с замершими под прозрачной поверхностью роспесками краски. Чудеса. Неисполненные желания.

Лучше б их и не было, этих желаний!

Мальчик вынул из кармана стеклянный шар, наполненный мерцающим голубоватым туманом... «Увидеть маму». Но разве этого он хотел? Разве такой встречи? Разве?..

– Нет, не надо! – старик предостерегающе вскинул руку, но было поздно: Валька в сердцах швырнул стеклянное чудо на асфальт.

Легкий, едва слышный звон. Мерцающий туман поднялся облачком, сияющая пыльца зашекотала ноздри. Мальчишка громко чихнул и... исчез.

Люди все так же шли мимо.

– Валька! Эй, Валька! – кричал рыжик, оглядываясь по сторонам.

– Наверное, домой пошел, – решил светловолосый мальчик в очках. Приятели с ним согласились, и вскоре школьники скрылись среди прохожих, их голоса поглотил городской шум.

Старичок стоял на коленях, собирая мельчайшие осколки с пыльного асфальта. Руки его дрожали.

– Прости меня, мальчик, прости...

Глава 1. Мир-ловушка. Двенадцать лет спустя

Пальцы нащупали в кармане монетку – плоскую кругляшку, едва ощутимо прохладную. Почему-то считалось, что именно такие монетки – простой медячок, разменная мелочь – могут спасти от поселившейся за старой пристанью нечисти. Правда, требовалось еще, чтобы знахарка Марфа нашептала на монетку, заговаривая оберегать хозяина, но... как-то мало верилось в действенность старушечьего бормотания над ненужной, подобранной в грязи мелочевкой.

Только другого выхода не оставалось. Пока Алина сама не выздоровеет, она никого лечить не сможет, да и не почувствует, если вдруг появится возможность хоть ненадолго оказаться в городе нашего с ней родного мира. К тому же сейчас ее помощь так нужна Леону...

Нет, Алинке болеть нельзя никак. Запасы в аптечке уже на исходе, а народной медицине, особенно здешней, у меня доверия нет.

Алина – это моя подруга. Лучшая. И, пожалуй, единственная. На два года младше меня, невысокая, стройная, светловолосая и кареглазая. Как говорится, умница и красавица. Не знаю, простят ли когда-нибудь меня ее родители за ту поездку, которая практически отняла у них дочь?

Эта история началась почти год назад, весной... В Иванцово – разросшийся за последние десятилетия город – мы поехали на выходные: в ботаническом саду как раз цвели мои любимые тюльпаны – знаменитейшая коллекция множества сортов и расцветок. В воскресенье после

обеда, когда мы с подругой уже стояли на автостанции Иванцово в ожидании обратного рейса, случилось это... Поначалу никто ничего не понял, просто вдруг пропало электричество – разом во всем городе. Отключилось радио, телефоны, мобильники показывали полное отсутствие покрытия. В связи с этим странным происшествием наш рейс задержали сначала на десять минут, потом на двадцать, а после пришел водитель и сообщил, что произошло какое-то ЧП, город оцеплен, и нас отсюда не выпустят.

Не знаю, сколь долго мы бы прожили в Иванцово, ночуя на автостанции и ежечасно проверяя мобильные телефоны, только на следующий день из города ушли крысы. И перепуганные люди последовали примеру животных. Молодой аккуратный городок был оставлен мародерам и пожарам.

Сперва люди держались вместе, разбившись на довольно многочисленные группы, к одной из которых примкнули мы с Алиной. Но уже через день встретились с местными.

Крестьяне, мирно обрабатывавшие поле, очень испугались, увидев нагрянувшую из леса толпу. Они истово крестились, при этом чертыхаясь и сплевывая через плечо. Кто-то кричал: «Колдуны!» Кто-то назвал нас лесной нечистью. Объясниться нам не дали – схватились за вилы и косы. И вот тогда началось... Никто из нас еще не догадывался, что судьба – то ли в подарок, то ли в насмешку – подарила каждому из заброшенных в чужой мир свой особый дар: кто-то мог вызывать молнии на головы врагов, кто-то – валить деревья прикосновением пальца, кто-то – лечить любые раны и болезни... Но тогда, повторюсь, этого еще никто не знал, и на окраине злополучной деревушки в тот день и молнии сверкали, и камни летали, и трескалась земля. До сих пор непонятно, как мы с Алиной выбрались из того ада. К сожалению, оказалось, что швыряться огненными шарами ни она, ни я не умеем, а потому бояться приходилось не только чужих, но и своих.

Тьма сгущалась. Монетка, зажата в ладони, стала почти горячей. А может, я слишком сильно сжала пальцы, и простенький узор в виде рясных калиновых гроздьев до боли впечатался в ладонь. Здешней нечисти я по-прежнему опасалась, хотя и знала, что почти с любым относительно разумным созданием этого мира можно договориться, но из покинутого людьми города по окольным землям расплзлось зло – неведомое, чуждое всему живому. Да и творения колдунов-самоучек – бывших жителей и гостей злосчастного города Иванцово – подчас впечатляли, причем не в лучшем смысле этого слова. То ловушку поставят – чужой жизненной силой поживиться, то слепят из старых вещей чучело и отправят гулять по окрестностям, пугать крестьян. Судьба поигралась, наградив многих пришельцев из нашего мира способностями прямо сказать зловещими, как, например, людей в каменные статуи превращать, со змеями говорить... Хотя последнее, как я убедилась, иногда может оказаться полезным.

– Куда идешь, полоумная!

Если б я вовремя не закрыла себе ладонью рот, на мой визг непременно слетелась бы вся окрестная нечисть. Сердито оборачиваюсь, уже зная, кого увижу.

Темная фигура оказалась всего в трех шагах позади. Лица не видно, только глаза поблескивают. И «руки – в боки». Ругаться будет, как всегда, хотя права меня отчитывать ему никто не давал.

Это Горыныч. Дядька неплохой, но сердитый.

– Как узнал?

– Нашептали, – усмехается. Еще бы, его тут каждая змея знает, и все, небось, ежечасно с докладами ползает. Мимо нашего с Алиной дома, потому что Горыныч – наш ближайший сосед. Он вообще-то не любит, когда его Горынычем называют, но прозвище прилепилось крепко, пришлось смириться. В глаза да при хорошем настроении я зову его Арисом.

– Чего это тебе среди ночи за водичкой приспичило? – спрашивает.

– Так за ней только ночью и ходят.

– Ага. И в одиночку, – поддакивает Арис. – Небось, что-то хищное в лесу завелось, вот и подкармливают помаленьку его всякими дурочками, чтоб оно, сытое и довольное, в деревню не сунулось.

Обижаться на него бесполезно. И не спровадишь уже, придется вместе идти. Ну, оно и лучше, не так страшно. Разворачиваюсь и, как ни в чем не бывало, продолжаю путь. Ладно, сходим вдвоем, заодно и узнаем, что там за нечисть и насколько она опасна. А если вода Алинке не поможет – еще раз схожу, и тогда очень постараюсь, чтоб ни одна змея в округе о том не прознала.

Арис идет за мной, не отставая, но и не обгоняя – чтобы никто со спины не напал.

– Нету там никакой живой воды, – сообщает безразличным тоном, – обычный источник. Был.

– Почему – был?

– Потому что я давно туда не ходил, не знаю, как сейчас... Раньше у пристани нечисть водилась, но тихая.

– Это они змей твоих боялись, вот и не трогали.

Здесь Горынычу возразить нечего: того, кто говорит со змеями, лесные жители нередко принимают за своего. А люди сторонятся: как местные, так и пришельцы. Дело в том, что еще до Иванцово здесь появлялись люди из нашего мира – немного, всего сотни две человек. Арис был одним из них, попал сюда еще мальчишкой. Сейчас он немногим старше меня, но жизнь здесь другая, она меняет.

Около полугода назад

Последние домики остались позади, а вскоре асфальт под ногами сменился побитой колежкой.

– Женя, стой!

Алина отстала, но только чуть-чуть – за последнее время, много путешествуя пешком, подруга научилась быть выносливой, а вот на подъеме, как обычно, устала. Что ж, мы отошли достаточно далеко, можно и отдохнуть.

Я остановилась и обернулась, поджидая подругу. Алина подошла, сбросила рюкзак на землю и встала рядом.

Город лежал перед нами, как на ладони – нарядные домики, купола церквей, башенки стилизованных под замки гостиниц, несколько высоток в восточном районе и стрелы подъемных кранов на западе. Уходить отсюда не хотелось, но аномалия и так продержалась довольно долго, и вот-вот... По спине пробежал холодок, а где-то в животе сжался тревожный комочек. Что это значит, я уже знала.

– Жаль, хороший был город.

– Да, – тихо согласилась подруга.

Очертания домов дрогнули, поплыли пятнами акварели и растворились в прозрачном осеннем воздухе. Теперь на месте города были зеленые холмы и маленькое озерцо в центре. В зарослях у берега шевельнулось что-то темное, блеснуло глянцевым боком и пропало. Все так же плыли сияющие перламутром облака в осеннем небе, и лес тихо шелестел за спиной.

Нарядный пейзаж не радовал. Город исчез, а мы снова остались в этом чужом мире, в котором не было ни водопровода, ни газовых плит и централизованного отопления, ни радио, ни телевизора. Ни кофе. Пачки, лежащей в моем рюкзаке, надолго не хватит, как и сахара. Здесь же сладости дорогие, а кофе и чай еще не завезли из далеких стран.

– Как же мне все это надоело! – Алина пнула носком мягкой кроссовки свой рюкзак – далеко не легенький, хотя и не такой тяжелый, как у меня. – Ходим, ходим...

– Может, в Раславе и останемся, – предположила я.

Раслава – единственное в округе место, откуда пришельцев не гонят, и даже наоборот – приглашают поселиться. Тамошний воевода сразу понял, что из наших способностей вполне можно извлечь неплохую выгоду, и за короткое время превратил захолустную Раславу в богатый и процветающий город, куда с окрестностей стекаются люди в поисках чуда. Причем чудеса требуются самые разные: то болото осушить, то замок построить такой, какой здешним технологиям не под силу, а то и просто вылечить кого-то, признанного безнадежным больным. За подобные чудеса платят, обычно, не скупясь, и часть своей прибыли пришельцы сдают в городскую казну.

Мы с Алиной как раз решили перебраться в Раславу, но по дороге подруга почувствовала аномалию – проявившийся город из нашего мира – и было решено свернуть к нему. Почти две недели мы провели, наслаждаясь спокойной жизнью на съемной квартире, удобствами, которые когда-то давно казались само собой разумеющимися и такими привычными. К сожалению, съездить домой возможности не было – за границей аномалии мы попадали обратно, в этот мир-ловушку, но зато родителям удалось вырваться к нам, пожертвовав отпусками ради возможности в кои-то веки повидаться с детьми.

До Раславы путь был неблизкий – неделя времени, если пешком. В дороге приходилось осторожничать: местные относились к пришельцам с опаской, считали колдунами, причем непременно злыми. И если появлялась возможность отплатить чужакам за свой страх – редко ее упускали. Нас с Алиной частенько выручала охранная грамота, выданная ей как лекарке, но и на силу этой бумаги тоже не стоило полагаться всецело.

Подруга отрешенно смотрела на озеро, блестящее под ярким солнцем. Ее длинные светлые волосы трепал ветер, тонкие брови над карими глазами были слегка нахмурены.

– Ну что, идем? – окликнула я ее.

Алинка вздохнула, унимая раздражение и, нехотя взвалив на плечи свой рюкзак, поплелась вверх по тропинке.

К счастью, подъем закончился скоро, и дальше дорога все больше виляла между холмами, огибая крутые склоны. Лес подступал с обеих сторон, пахло дубравой. Вскоре мы с Алиной стали замечать, что в зарослях ходят грибники. Видимо, урожай был хорош – несколько человек, возвращавшихся с «тихой охоты», несли объемистые котомки, набитые доверху.

– Похоже, где-то рядом город или село, – я огляделась, послушала, нет ли кого поблизости и, сойдя с дороги, сбросила на землю рюкзак.

Чтобы не привлекать излишнего внимания, нам с Алиной пришлось одеваться в привычную для местных одежду, разве что обувь менять не хотелось, но кроссовки – неброские, под кожу, – почти полностью скрывались под широкими штанинами.

На пустынной дороге одиноким девушкам небезопасно, и мы специально не прятали наши пестрые рюкзаки, а то и надевали спортивные курточки. Возможно, опознав чужаков, бандиты десять раз подумают – а стоит ли нападать? Ведь неизвестно заранее, насколько сильным и страшным даром обладают странствующие колдуньи. А вот в поселках и городках мы скрывали рюкзаки под серыми чехлами и надевали длинные, до пят, юбки из грубого сукна. Прямо поверх штанов. Стройности это не добавляло, и поначалу Алина протестовала против такой маскировки. Но, во-первых, она и так довольно худенькая, и смотрелась изящно даже в столь нелепом наряде, а во-вторых... с ее красотой нам нечего было и надеяться остаться незамеченными.

Зато, приближаясь к спрятанному за лесом поселку, мы выглядели, как заправские грибники, спешащие домой с наполненными торбами.

Неподалеку мычала корова, слышался собачий лай.

– Ночлег искать будем или все-таки дальше пойдем? – спросила я.

– Опять ночевать в лесу? – Алина страдальчески вздохнула. – Нет уж. Нас в Раславе никто не ждет. Значит, можно не спешить.

– Да, но... – неожиданно для самой себя я согласилась. – Посмотрим, что там за поселок. Может, попутчиков найдем. Походим сегодня, поспрашиваем, кто в Раславу едет.

Подруга удовлетворенно кивнула и... остановилась. А потом с визгом отскочила на несколько метров назад.

– Женья, отойди, скорее! Там! Там!.. – она вытянула руку, указывая дрожащим пальцем на землю передо мной.

Я глянула под ноги и едва удержалась, чтобы тоже не закричать. Змеи – штук пять-шесть – угрожающе вились по земле, не приближаясь, но и не уползая с дороги. Потом из зарослей выползло еще несколько, и я поспешила отойти назад. Холодная волна страха запоздало пробежала по телу, принося слабость.

– Я туда не пойду, – прошептала Алина, словно подозревая во мне твердое намерение сунуться в самое змеиное кубло.

Заросли рядом были достаточно густыми, чтобы нам не захотелось в них лезть. Но зато, вернувшись немного, мы увидели ответвление дороги, уходившее вправо. После недавнего дождя на нем остались следы колес, да и вышедший из леса грибник, поправив наполненный до краев короб за спиной, свернул на эту дорожку. Мы решили последовать его примеру.

Почти одновременно с нами к развилке подошел дедок с тощей котомкой за плечами. Покачал головой:

– Не здешние, чтоль? Хорошо, что вернулись. Прямо нельзя ходить, опасно там.

– Почему? – тут же поинтересовалась Алина. – Из-за змей?

– Каких змей? – удивленно спросил он.

– Там, на дороге, – объяснила подруга, бледнея от одного воспоминания о пережитом страхе.

– Ну, про змей не знаю... – дедок поправил котомку. – Змеи тут дело обычное. Если ходить осторожно – не тронут. А опасно там потому, что колдуны эти, – он суеверно поплевал через плечо, а мы с Алиной украдкой переглянулись, – ловушек своих понаставили. Прямо на дороге, как паутину. А мы у них за мух, значит...

О ловушках я уже слышала, но ни разу не видела – и слава Богу! Мало кто их умеет ставить, и едва ли не меньше тех, кто смог бы обезвредить, потому как обычный человек ничего не почувствует и не поймет, пока не свалится недвижимый на землю, отдавая все силы неизвестному злодею. Говорят, что с помощью этих ловушек колдуны становятся всемогущими и почти бессмертными.

– Ужас, – почти одновременно сказали мы с Алиной, всем видом выражая сочувствие несчастным жертвам произвола наших земляков.

– И верно, ужас, – согласился старичок. – Ребятишки в лесу частенько играют, попервах они и попадались. Пока смекнули мы, что к чему, семь человек померло. И чтоб хоть один колдун! Так нет – все тутошние, остаповские да криничанские.

Да, после таких рассказов начинаешь по-настоящему понимать, отчего пришельцев, мягко говоря, не любят.

– А нельзя попросить другого колдуна ловушку прибрать? – я вопросительно глянула на старичка, тот хмыкнул невесело.

– Если б оно так просто... Мало кто за такое дело возьмется. И опасно ведь. А если хозяин ловушки узнает – и того хуже, – он замолчал, потеряв седую бороду. – Кума говорила, что староста будто нашел кого, но меня тут с месяц не было, не знаю – может, уже и нет никакой ловушки, только лучше уж пока туда не ходить. В обход-то оно дольше будет, зато вернее.

Дорога вынырнула из леса, открыв расположенное в долине между холмов село – большое, с базарчиком, постоянным двором и корчмой на окраине. На зеленом склоне, где паслось деревенское стадо, красовалась церковь: нарядная, с яркими снежно-белыми стенами и серебряным куполом.

С попутчиком мы попрощались на первом же перекрестке и пошли вдоль заборчиков, из-за которых доносился собачий лай – звонкое тьяканье мелюзги и хриплое бухканье цепных псов. В трактире останавливаться не хотелось, там зачастую и компания собирается не из приятных, и достаточно умников, способных узнать в нас с Алиной пришельцев. Пришлось стучаться в калитки, пока молодая хозяйшка не подсказала попроситься на ночлег к одинокой вдове, живущей на другом краю села, недалеко от церкви.

Воздух постепенно напывался запахом осени. Листья еще не пожелтели и держались на ветвях, и не было дымных костров, но ощущение ушедшего лета становилось все отчетливей.

– Жень, – позвала Алина, – я бы хотела зайти в эту церковь.

– Зачем?

– Просто, – откинув с лица длинную прядь, подруга смотрела на церквушку. Улица, по которой мы теперь шли, упиралась прямо в низенькие ворота, гостеприимно распахнутые.

– Если «просто», то не стоит.

Идея посещения церкви мне не нравилась. Церковники вообще относились к нам крайне агрессивно: мол, исчадия ада, наделенные дьявольской силой. Колдунов и ведьм здесь не жгли, но вполне могли забить камнями, заколоть вилами или привязать в лесу диким зверям на поживу. Последнее называли божьим судом, объясняя, что справедливости ради хищники не тронут несчастного, если он невиновен в сговоре с бесами, наведении порчи и других богомерзких деяниях.

– Ну, Жень, нас ведь не узнали! – возразила Алина.

– Это еще ничего не значит! Знаешь, что сделают с ведьмой, пойманной прямо в церкви? Вот-вот, я тоже предпочитаю этого не знать, – взгляд зацепился за зеленые ворота, украшенные красочной росписью. Под забором цвели бордовые астры. – Нам сюда!

Я постучала в калитку, из-за которой в ответ послышался лай. Пёс, захлебываясь, рвался с цепи, но на диво быстро примолк – стоило лишь появиться хозяйке. Вдова была не молодой, но еще далеко не старой: миловидная женщина лет сорока. На вопрос о ночлеге ответила приглашением войти и, шикнув на встрепёнувшегося пса, повела нас в дом.

В хате оказалось чистенько и уютно, лавки застелены синими ткаными ковриками с рыжей отделкой, на окнах – беленькие занавесочки. Гостевая комнатка маленькая, но приятная и вполне удобная, с двумя кроватями и столиком. Хозяйка обещала нас покормить, а еще рассказала, к кому можно напроситься в попутчики до Раславы – ее сосед как раз собирался ехать на большой рынок, торговать яблоками и поздними грушами, и мог довезти нас почти до самого города.

На радостях, что завтра не придется идти пешком, Алина помогала хозяйке готовить ужин. Я вышла во двор, стараясь прятаться в тени старой сливы, чтобы не видели с улицы.

Вечерело. Над селом разнесся колокольный звон, и вверх по дороге потянулись люди, все больше женщины в платках, тщательно скрывающих волосы. Наша хозяйка почему-то не вышла, и хорошо – значит, не будет удивляться, что и мы с Алиной не торопимся на службу.

Ужинали голубцами. Вдова ела немного, больше говорила, пересказывая местные сплетни. Видно, давненько не было у нее столь терпеливых слушателей, готовых выслушать любые новости, пусть даже годичной давности. В конце концов, Алина решила перевести разговор на более интересную тему.

– Мы слышали, что тут в лесу, недалеко от деревни, какой-то колдун ловушку поставил.

– Да, верно, – женщина как-то сразу погрузилась. – Была ловушка.

– Значит, ее уже нет? – уточнила подруга.

– Как будто нет, – было видно, что эта тема хозяйке не по душе. Она задумчиво посмотрела в темное окно, оглянулась на образа. Вздохнула. – Неприятная история вышла.

Мы с Алиной молчали, всем видом демонстрируя крайнюю степень заинтересованности. Женщина поднялась и, перекрестившись, повесила иконы пестро вышитой занавеской.

– Было дело вот как, – тихо начала она, присаживаясь за стол. – Три дня назад староста привел колдуна, чтобы тот ловушку убрал, да место от злой силы очистил. Ну, колдун послушал, узнал, что, где и как, и на рассвете в лес пошел. А к вечеру вернулся страшный весь, волосы попалены, шатается, словно пьяный, и глаза такие дикие, будто умом тронулся. Наши мужики испугались, вилы похватали, жерди – кто до чего дотянулся. Колдун, хоть и совсем как не в себе был, увидел их да остановился у опушки. Тут как раз наш батюшка Георгий подоспел. Молитву стал читать да крестным знамением колдуна осенил, отчего тот сразу и свалился замертво.

Женщина замолчала, глядя на нас с Алиной округлившимися темными глазами и ожидая реакции. Что ж, меня рассказ действительно впечатлил, потому как впервые я слышала, чтобы колдуны так боялись крестного знамения, что умирали на месте.

– И что вы с ним дальше сделали? – осторожно поинтересовалась я.

– С кем?

– С колдуном этим... то есть с трупом?

– А... – женщина снова вздохнула, косясь на прячущую иконы занавеску. – Закопали его. Мужики в лес утащили. Кузнец наш, Михай, с ними ходил, копать помогал. Ну, наши-то после все думали, как бы проверить – правда ли колдун этот ловушку убрал. Ходить-то боязно. А тут еще змей напоззло – шипят, на дорогу не пускают. Видать, охраняют колдунову могилу.

Она замолчала, да и мы с Алиной тоже не спешили нарушать тишину, молча переваривая услышанное. История была не то чтобы неприятной, но походила на страшную сказку, какую впору рассказывать темными вечерами. Да только в этом мире страшные сказки и реальность порой слишком тесно переплетались друг с другом.

Видимо, наша реакция удовлетворила рассказчицу. Женщина поднялась из-за стола, развела руками:

– Вот так-то. Дорогой той не ходим, потому как и змеи, и непонятно, есть ли ловушка. Наш-то батюшка, поди, не проверял... И человека, прости Господи, сгубили. Даром что колдун – все равно жаль. Может, он ничего плохого и не хотел... – вдова отдернула занавесочку в молитвенном углу и перекрестилась на образа.

* * *

Рано утром, с первыми петухами, хозяйка разбудила нас с Алиной и, быстренько накормив, получив оговоренную заранее плату за еду и ночевку, провела до конца улицы, где уже стояла груженная телега, запряженная двумя серыми лошадками. Поздоровавшись с усатым мужчиной, сидевшем на облучке, мы торопливо устроились между мешков. Телега сразу же тронулась с места, подпрыгивая и покачиваясь. Алина смотрела на уплывающую вдаль церковь, и теперь я немного жалела о том, что мы туда не зашли: стоило бы посмотреть на того батюшку, который крестным знамением смог свалить с ног нашего земляка. А то и убить, если, конечно, это правда, и несчастного колдуна не добились после лопатами в лесу. Страшно и подумать, что все это произошло в таком тихом и мирном местечке совсем недавно – и трех дней не прошло.

Церковь ярко сияла белизной стен на фоне зеленого склона. Приятная и гармоничная картина, но я облегченно вздохнула, когда и деревня, и церковь скрылись из виду, заслоненные лесом.

День был ясный, солнечный, а к обеду стало парить, и возница озабоченно поглядывал на небо.

– Как бы погода не испортилась, – пробурчал он.

– Вы думаете, будет дождь? – удивилась Алина.

– Все может быть...

И верно, спустя час небо посерело, заплакало холодными каплями. Вскоре дождь превратился в настоящий ливень. Возница подхлестывал лошадей, стремясь поскорее добраться до ближайшего поселка и спрятаться от непогоды на постоялом дворе, а мы с Алиной укрывали мешки, едва удерживая равновесие на раскачивающейся повозке.

Наконец, телега въехала в распахнутые ворота, лошади завезли ее под широкий навес и встали.

– Ну, вылезайте! Приехали! – грубо крикнул извозчик, огорченный тем, что товар, скорее всего, подмок, и теперь его придется продавать куда дешевле, чтобы разобрали раньше, чем фрукты начнут гнить. Я подобрала неудобно длинную юбку и прыгнула на землю. Алина спустилась следом, зябко поежилась.

– Пойдем внутрь!

– Пойдем, – нехотя согласилась я. Выбора все равно не было.

Хозяин мне не понравился сразу – неприятное, хитрое лицо, цепкий взгляд, которым он как будто пересчитывает монеты, еще лежащие в чужом кармане – вот уж кого смело можно принять за колдуна!

– Нам комнату на двоих. Поскромнее и подешевле.

В ответ на мои требования он уточнил, сколько мы готовы заплатить за комнату, брезгливо поморщился, но махнул рукой, приглашая следовать за ним. Под лестницей, ведущей на второй этаж, была небольшая дверка. За ней оказался тесный чулан с низеньким топчаном и маленьким окошком под потолком.

– У меня свободных комнат мало, – равнодушно произнес трактирщик. – А погода сейчас такая, что народу скоро прибавится, да и скупиться не станут.

– Но это даже не комната, а кладовка какая-то! – возмутилась Алина.

– Не нравится – милости просим на улицу, – последовал спокойный ответ. Я вздохнула.

– Хорошо. Мы остаемся, если вы за эти деньги нас накормите ужином.

Трактирщик усмехнулся, и стало ясно – нет, не накормит. Он прекрасно понимал, что сегодня мы уже никуда не уйдем.

Глава 2. Говорящий со змеями

Дождь, не переставая, лил вторые сутки. Денег не хватало, пришлось отказаться от нормальной еды и жевать голый хлеб.

Мы сидели за пустым столом у окна, с улицы доносился монотонный шелест. За другими столами было веселее – люди ели и пили, и все чаще поглядывали на нас. Вернее, на Алину. Ее, как всегда, заметили сразу, и уже не один мужчина приглашал нас за свой столик, но интуиция подсказывала, что лучше не соглашаться.

– Мы умрем с голоду, – мрачно констатировала Алина, украдкой поглядывая на соседний стол, заставленный снедью.

– Ничего, не умрем. Разве что похудеем немного.

– Только это меня и утешает, – вздохнула подруга, и даже немного приободрилась. Но тут же снова погрузилась в тоску. – Под этими тряпками сколько ни худей – видно не будет.

– Ничего. Вот приедем в Раславу...

– Прошу прощения!..

Мы с Алиной одновременно обернулись. Рядом с нашим столиком, приветливо улыбаясь, стоял мужчина лет двадцати восьми, с темно-русыми волосами, влажными от дождя, в коричневом дорожном костюме, с переброшенным через локоть промокшим серым плащом.

– Прошу прощения, вы не будете возражать, если я присяду за ваш столик?

– Не будут, – ответил за нас подошедший трактирщик. – Девушки уже поели и с радостью уступят вам место.

Сдерживая возмущение, я быстро огляделась и поняла, что свободных столов уже попросту нет.

– С радостью, – сердито подтвердила я и глянула на Алину. В принципе, можно было и подвинуться, сделав исключение для вежливого молодого человека, но...

– Нет-нет, не стоит, – незнакомец успокаивающе поднял руки, полы висящего на локте плаща шевельнулись, приоткрыв длинные ножны, прикрепленные у пояса. – Я найду себе другое место. Извините.

– Ничего страшного, – Алина улыбнулась и очаровательно взмахнула ресницами. – Присаживайтесь, пожалуйста. Мы не против.

Мужчина поблагодарил и опустился на свободный табурет.

– Меня зовут Леон, – сказал он. Странное имя для здешних мест, а на иностранца вроде не похож.

– Алина, – ответила моя подруга.

Я не одобряла знакомства, но тоже представилась:

– Женя. Евгения.

– Очень приятно, – ответил наш новый знакомый, при этом было видно, что не врет. Еще бы, сейчас ему наверняка завидовали очень многие мужчины в этом зале, которым так и не выпало счастья познакомиться с моей подругой. – Путешествуете?

– Вроде того, – рассказывать ему больше в мои планы не входило, но Алина неожиданно поддержала разговор и на последовавший вопрос о цели путешествия честно ответила:

– Мы едем в Раславу.

– В Раславу? – переспросил он. – Я там живу. Надеюсь, город вам понравится.

– Мы тоже надеемся, да, Жень? – Алина улыбнулась. – Нам рассказывали много интересного о вашем городе.

– Что у нас живут одни пришельцы? – мужчина хмыкнул. – Это неправда, но пришельцев у нас действительно много.

– И вы их не боитесь? – поинтересовалась подруга.

Он пожал плечами.

– А чего бояться? Люди как люди.

– Так ведь колдуны? – я ехидно прищурилась, ожидая реакции, но Леон лишь покачал головой.

– И все-таки, это просто люди, которым не повезло оказаться в неподходящее время в неподходящем месте.

В словах мужчины было слишком много правды. Оставалось надеяться, что Леон – не единственный в Раславе, кто относится к пришельцам столь доброжелательно. Или он сам из наших?

Я пригляделась к нему пристальней – благо вниманием мужчины целиком завладела Алина – красивый, лицо приятное, прямой нос, густые резкие брови над темными глазами. Костюм добротный, похоже, не из дешевых, меч в ножнах... Я не знаток оружия, но понимаю, что носить меч себе позволит далеко не каждый. Хотя, может статься, его родители полжизни копили на такую покупку! Руки красивые, с длинными пальцами, слишком чистые и светлые для крестьянина – у тех кожа грубее даже на вид. Итак, перед нами странствующий рыцарь? Нет, рыцари в этих землях не водятся. И Леон куда больше смахивает на отпрыска мелко-дворянской фамилии, отправившегося в поездку по делам благородного родителя...

На этом мои размышления были прерваны – Леону принесли заказанную еду. Мы с Алиной честно отвели глаза, потому как пожирать взглядом чужой ужин как бы неприлично, а

не смотреть не получалось: полная тарелка каши в подливке с кусочками мяса притягивала взгляды. Но Леон оказался достаточно проницательным и тут же снова подозвал трактирщика:

– Еще две порции, пожалуйста!

– Сию минуту, господин, – поклонился тот.

Мы с Алиной быстро переглянулись.

– Нет-нет, не надо, пожалуйста, – возразила подруга. – Если это для нас, то мы не голодны. Правда, Жень?

Ответить я не успела. Дверь трактира отворилась, и в помещение влетел немолодой мужчина в промокшем плаще. Увидев хозяина, он быстро подошел к нему и негромко спросил, нет ли среди его постояльцев лекаря.

– Может и есть, мне не докладывали, – ответил трактирщик.

Пришедший растерянно огляделся и, прокашлявшись, произнес, стараясь, чтобы голос его звучал громко:

– Прошу прощения, уважаемые... Мне нужен лекарь. Здесь есть лекарь?

Алина и я смотрели друг другу в глаза. Она сомневалась, я тоже. Конечно, в другое время мы бы откликнулись, не мешкая, но раскрываться сейчас неосмотрительно, и клятву Гиппократу моя подруга не давала.

– Здесь есть лекарь? – повторил мужчина и уже без особой надежды добавил: – Я заплачу.

Алина вынула из внутреннего кармана охранную грамоту лекаря и поднялась.

* * *

Мастер-часовщик, Арсений Осипович, открыл перед нами дверь дома, приглашая войти. В помещении было чисто и уютно, и хотя нам предложили не разуваться, мы все же сняли грязные кроссовки, оставив их сразу за порогом.

Свет пробивался из-за приоткрытой дверцы, откуда доносились голоса – слабый мужской, скорее даже детский, и приглушенный до шепота женский. К этой-то дверце часовщик подошел, заглянул в нее и сказал только одно слово:

– Нашел.

Мгновение было тихо. Потом дверь открылась, пышная седовласая женщина в домашнем платье, с теплым платком на плечах появилась на пороге, посмотрела на нас как-то робко, словно не веря глазам.

– П-проходите, – ее голос дрожал.

Я вошла следом за Алиной. Внук хозяина дома, молодой худощавый парнишка, лежал на кровати бледный, и только на щеках алел неестественный кровавый румянец.

– Что с ним? – спросила Алина.

– Наш лекарь сказал: пурпурная лихорадка, – ответил часовщик.

– Гадость, – пробормотала я, предчувствуя тяжелую ночь. Безусловно, пареньку повезло: здесь скарлатина считалась почти что смертельной болезнью. Если б мы решили отмолчаться...

Алина подошла к кровати, села на подставленный хозяином стульчик. Улыбнулась пареньку и, прикрыв глаза, положила ладони на его горячие щеки. Потом Алинкины руки мягко соскользнули на его грудь.

Хозяева смотрели во все глаза и ждали, затаив дыхание. Мужчина придерживал жену за плечи, она же вцепилась пальцами в край теплого платка и закусил губу. Я тоже смотрела и ждала. Уже научилась определять – то ли по движению ресниц, то ли по бледнеющему лицу подруги – когда нужна помощь. И вот – подошла, положила руки ей на плечи, позволяя собственным жизненным силам перетекать в тело той, кому они были сейчас нужнее.

Мы вышли из комнаты в обнимку: Алина почти лежала на моем плече, едва переставляя ослабшие ноги. Такие болезни – не то что рана или перелом – лечатся куда трудней, и больше сил забирают. Я-то еще держусь, но вот подруга...

Речи о том, чтобы мы возвращались в трактир, даже не заводили. Нам постелили в хозяйской комнате, а когда я уложила Алину на кровать, часовщик вручил мне мешочек, приятно звякнувший о ладонь. Посчитать, сколько там, я еще успею – не до того. Подруга отключилась сразу. Я решила последовать ее примеру. Легла, подбила плечом подушку, подтянула одеяло – и внешний мир утонул в омуте глубокого крепкого сна.

* * *

Была глухая ночь. Я проснулась с гудящей головой и неприятным ощущением прерванного отдыха. Стук повторился, на этот раз не во сне, а наяву.

– Вот черт, – поднялась, быстро проверила рюкзаки, прикинула на глаз, сможем ли мы в случае чего выбраться через окно. Чувство опасности становилось все сильнее, хотелось убежать... Но не босиком же! Так, Алину разбужу позже, сперва кроссовки.

Хозяева уже стояли у двери наготове: женщина держала свечу, мужчина – топор.

– Кто там? – спросил часовщик. Я молча взяла нашу с подругой обувь и прислушалась.

– Свои! – донеслось снаружи.

– Кто? – повторил мужчина.

В дверь тяжело ухнули кулаком.

– Эй, хозяин, а ну-ка открывай, если не хочешь красного петуха под крышу!

Понимая, что медлить нельзя, я скрылась в комнате. Обуваясь, потормошила спящую Алину. Подруга пробормотала что-то, но не проснулась.

– Алина! Алина, вставай! Бежать надо, срочно! Эй, ты слышишь?

Без толку. Кое-как я ее обула и с обреченным видом вернулась в горницу, впору чтобы услышать, как неизвестные за дверью требуют выдачи им «бесов нечистых» и «сатанинских отродий». Проще говоря, колдунов, то есть нас.

«Господи, если ты все-таки есть, и если ты меня слышишь – помоги! Пожалуйста. Хотя бы ради Алины – она ведь верит в тебя, молитвы знает, в церковь ходит»... Я перевела дыхание и неуверенно сказала:

– Открывайте.

Они не боялись – это я сразу поняла. Четыре противно ухмыляющиеся рожи, в руках у одного – нож, у другого – дубинка, да и остальные наверняка что-то припрятали.

– Ну, чего надо?

– А где подруга? – гаденько-сладким голосом спросил тот, что стоял ближе всех.

– Спит, – сурово свожу брови и скрещиваю руки на груди, демонстрируя фальшивую уверенность в собственных силах. – Чего надо, спрашиваю?

– Ты, детка, буди свою подружку, – угрожающе посоветовал бородач с дубинкой. – С нами пойдете.

– Чего ради?

– А того, что в нашем поселке колдуньям не место!

– Вот как? – улыбаюсь. – И с чего это вы такие смелые? Не терпится на собственные потроха посмотреть?

– Ты бы не кривлялась, детка, – снова подал голос бородач. – Не на тех нарвалась. Давай, тащи сюда подружку свою, и шмотки прихвати. И чтоб быстро!

Уверенности этим четверым не занимать. Словно знали, что не будет ни громов, ни молний, ни прочих неприятностей. Но – откуда?

– Последний раз предупреждаю! – я подняла руки, еще не зная, как закончить этот бездарный спектакль. Четверо смотрели с ухмылками, потом один вдруг захрипел и тяжело свалился в грязь.

Остальные обернулись на звук и пропустили тот миг, когда из-за угла дома вылетела черная тень и метнулась к ним. Клинок мелькнул, поймав отблеск света, и еще один незванный гость упал прямо у крыльца. Двое оставшихся, почуввав опасность, бросились бежать. А неожиданный заступник быстро вытер меч о чужую одежду и поднялся. Свет из приоткрытой двери упал на лицо, я узнала Леона.

Как управилась с двумя рюкзаками – до сих пор понять не могу. Леон вынес Алину из дома и быстро, едва ли не бегом, направился к трактиру. И я... тоже побежала. Проклинаю тяжесть своей ноши и упрямо не желая ее бросить. Мы оказались у знакомого навеса, где стояла привезшая нас из Остаповки телега. Со стоном уронив Алинкин рюкзак на землю, я услышала голос Леона:

– Тише. Только не кричите. Подруга вам все объяснит.

Это он говорил очнувшейся Алине. Посадив ее прямо на телегу, мужчина ушел, пообещав, что скоро вернется. Подруга изумленно огляделась и уставилась на меня:

– Женя, что происходит?

Отдышка все равно не дала бы мне внятно ответить на этот вопрос.

– Потом, ладно?

Леон вернулся быстро, оседлал гнедого жеребца и тихую серую кобылку, закинул один рюкзак себе за спину. Потом посадил Алину, сам сел на гнедого позади нее и указал мне на вторую лошадь. Признаваться, что ездила верхом лишь раз в жизни, было поздно и неуместно. Сунув ногу в стремя, я заскочила в седло и, следуя примеру Леона, стукнула пятками в лошадиные бока.

* * *

Выдержать бешеную ночную скачку было нелегко. Поэтому, когда Леон осадил гнедого, останавливаясь, я уже не думала о погоне и была рада передышке.

На свежем воздухе Алина немного пришла в себя. Леон усадил ее на бревнышко, закутав в свой плащ. Я же достала из рюкзаков теплые куртки, одну протянула подруге, вторую надела сама. Дождь прекратился, в лесу было влажно и тихо. Сперва мы слушали, как срываются с листьев капли, потом Алина пододвинулась ко мне, прижимаясь боком.

– Женечка, ты мне все-таки расскажешь?..

Во время скачки мы с Леоном в общих чертах объяснили ей, что надо оказаться как можно дальше от нехороших людей, которым очень не понравились две молодые и практически беззащитные колдуньи. Теперь мне пришлось рассказать ей более подробно о произошедшем.

– Кстати, – я вдруг вспомнила, что оставила Леона без слов благодарности. – Спасибо. Не знаю, откуда ты появился, но очень вовремя.

– Если честно, я за вами следил, – он развел руками, словно извиняясь. – Когда вы вышли из трактира, пошел следом и ждал возле дома, собираясь проводить вас обратно.

– Зачем?

– К пришельцам не везде относятся так, как в Раславе, – его взгляд остановился на лице Алины, что-то мелькнуло в нем, похожее на сожаление. – На дорогах теперь небезопасно, особенно для таких, как вы. Поэтому я очень прошу позволить мне сопровождать вас до Раславы.

Несмотря на вежливый тон сказанного, создавалось впечатление, что отказа он не примет, и уже знает, как уговорить нас согласиться на и без того заманчивое предложение.

– Мы будем очень рады, – ответила Алина за двоих.

– Спасибо, – он кивнул, словно поклонился, и присел рядом с нами на бревно. Алина вернула ему плащ, и мужчина завернулся в него, прячась от пробирающей сырости. – Только мне придется попросить вас сделать небольшой крюк.

Мы с Алиной переглянулись и согласились, что нисколько против этого не возражаем.

Вот только утром, когда рассеялся влажный туман, я вдруг поняла, что узнаю дорогу. Три дня назад по этой ухабистой колейке, теперь размытой дождем, нас везла из Остаповки груженная мешками телега. Подозрения усиливались с каждой минутой, а вскоре я заметила, что Алина тоже вертит головой, растерянно оглядываясь по сторонам. Потом обернулась к Леону, который по-прежнему сидел на гнедом позади нее:

– А куда мы едем?

– В Остаповку. Это недалеко...

– В Остаповку? – хором переспросили мы, и подруга изумленно добавила: – Мы как раз недавно оттуда.

– Да? – мужчина повернулся ко мне, словно ища подтверждение сказанному. – Тогда, может, вы знаете... Возле Остаповки в лесу была ловушка.

– Да, была, – подтвердила я. – Женщина, у которой мы останавливались, рассказывала, что несколько дней назад их староста привел кого-то, чтобы эту ловушку уничтожить.

– И что дальше? – настороженно спросил Леон.

Алина молчала – ей не хотелось пересказывать услышанную нами мрачную историю. Пришлось мне.

Мужчина слушал.

Неотрывно смотрел прямо, на дорогу, хмурился, и очень-очень внимательно слушал, а когда я закончила, молчал долго, и мы, видя, что рассказ этот его расстроил, тоже молчали, лишь переглядывались украдкой.

– Значит, там были змеи? – наконец уточнил он. – Тогда он может быть еще жив. Поспешим.

Солнце поднималось выше и нещадно жарило, словно отыгрываясь за два дня ненастья. Дорога быстро просыхала. В просвете между деревьев показалась деревня и белоснежная церковь на зеленом склоне, но мы свернули на узенькую дорожку, огибая Остаповку лесом. Потом повернули еще раз и оказались в очень знакомом месте.

– Здесь, – сказала я, указывая вперед, на землю.

Леон спешил, прошел несколько шагов вперед и остановился. Перед носками его высоких сапог в редкой траве вились змеи, негромкое угрожающее шипение достигало слуха, и любому нормальному человеку хотелось убежать как можно дальше от этого странного скопления гадов. Но Леон остался на месте. Прислушался и, видимо не услышав того, чего хотел, крикнул:

– Эй, Горыныч, ты здесь?

Я вздрогнула и принялась озираться по сторонам. Если б сейчас из зарослей, с треском ломая ветки, выбрался упитанный трехголовый змей, я бы, пожалуй, не удивилась. Но в лесу было по-прежнему тихо, и... мы ведь искали человека? Мужчина подождал немного и снова крикнул:

– Это я, Леон! Если ты меня слышишь, убери своих сторожей! Дай мне подойти!

Кто бы там ни был, кто бы ни сидел сейчас на месте бывшей ловушки или на могиле убитого местными колдуна – он явно не собирался подпускать нас к себе.

Лошади возмущенно фыркали, не желая приближаться к кублу. Люди оказались менее разумными: угадав, что Леон в любом случае пойдет туда, пусть даже придется прыгать по змеиным головам, я соскочила с перепуганной кобылы и сделала несколько шагов вперед. Алина подошла сзади, вцепилась в мою руку, словно собиралась чуть что – силой тащить меня назад.

– Не слышит, – прошептала она и, вздрогнув, прижалась к моей спине: – Женя, смотри!

Гладкие змеиные тела заструились в стороны, освобождая проход.

Дорога сузилась, тень от листвы стала гуще. Мы шли осторожно, глядя под ноги, проверяя, а нет ли впереди еще одного шипяще-ползущего сюрприза. Внезапно Леон остановился.

У дороги стоял деревянный столб, обугленный дочерна. Возле него в траве что-то темнело, и сперва показалось, что снова змеи, но это была всего лишь цепь. Один конец обмотан вокруг толстого ствола векового дуба, второй убегал под кустарник, в тень. Несколько секунд мы всматривались, потом Алина вскрикнула и отшатнулась.

Цепь заканчивалась железными браслетами, замкнутыми на почерневших руках. Неподвижное тело, полностью покрытое грязью, почти сливалось с еще влажной после ливня землей. Вот вам и труп колдуна. Только цепи зачем? Видно, колдун был еще жив, когда местные доброхоты под руководством священника затащили его в лес и щедро наградили за оказанную услугу.

Леон молча полез под кусты. Вытащил тело на дорогу, уложил и вдруг тряхнул за плечи.

– Арис! Арис, чтоб тебя!.. Открой глаза, Арис! Ты меня слышишь?

Лицо оставалось неподвижным, только на нем появились вдруг две щелочки глаз. Я вздрогнула от неожиданности, потому как до сих пор не верила, что человек жив. Мутный взгляд остановился на нас с подругой. Стало жутко. На обочине в траве что-то зашевелилось, и на дорогу поползли змеи.

– Леон!

Мужчина обернулся на мой голос, мгновенно сообразил, что происходит, и резко, наотмашь, ударил колдуна по лицу.

– Арис, прекрати!

Помогло. Взгляд пришедшего в сознание человека стал осмысленным. Змеи остановились почти у наших ног и, словно растерявшись, некоторое время елозили на месте. После поползли прочь.

Убедившись, что нам с Алиной больше ничего не угрожает, Леон коротко бросил: «держишься», поднялся и, вынув меч, рубанул цепь. Его товарищ попытался что-то сказать, но у него толком не получилось даже открыть рот. Леон наклонился, поднял Ариса за плечи и потащил к лошадям.

Расположились мы прямо посреди заброшенной дороги. Леон пытался напоить Ариса водой из фляги. Алина опустилась рядом на колени и, поведив руками над телом колдуна, осторожно приподняла пальцами край грязной рубахи.

– Ранен, – сообщила она.

Рана была несерьезная – глубокий порез с воспалившимися краями. Это вам не скарадина... Моей подруге вылечить такое – дело нескольких минут. Если постараться, то не останется даже шрама.

Алина замерла, держа у раны ладонь, но, вопреки обыкновению, ничего не происходило. Я села на корточки рядом с ней.

– Что случилось?

– Не знаю, – подруга испуганно и немного виновато смотрела то на меня, то на Леона. – Может, у меня сил не хватает?..

– Это у него сил не хватает, – перебил мужчина.

– Если дело только в этом... – хватаю грязное запястье, киваю Алине. Подруга вновь склоняется над раной, прикрывает глаза, а мне остается делать то единственное, что умею – делиться.

* * *

Солнце клонилось к закату. Небо над вершинами деревьев рыжело. Гнедой жеребец и серая лошадка, впряженные в раздобытую Леоном в Остаповке повозку, мирно трусили по наезженной дороге. Алина, еще не отдохнувшая после ночи и вновь потратившая силы на лечение, очень старалась не заснуть, но, в конце концов, устроилась в уголке, подложив ладони под щеку. Леон, сидящий на передке, то и дело оборачивался, с улыбкой поглядывая на нее и, тревожно, на неподвижным грузом лежащего в повозке Ариса.

Спасенный нами человек больше не терял сознание – он смотрел в небо, изредка прикрывая глаза, словно для отдыха. Иногда я ловила его отрешенный взгляд на себе, но не могла понять – видит ли он меня на самом деле или смотрит сквозь, не замечая.

Прошло много времени, прежде чем Арис таки пошевелился. Повернул голову, уперся взглядом в спящую Алину, приподнял руку, опустил и хрипло позвал:

– Леон...

Мужчина осадил лошадей, останавливая повозку, и перебрался к нам.

– Ты как? Есть-пить хочешь? – спросил он, склоняясь над лежащим. Тот отрицательно качнул головой.

– Леон... Ты не один?

– А ты не видишь? – удивился мужчина.

– Я много чего вижу, – взгляд Ариса вновь обратился к моему лицу, потом скользнул куда-то в сторону и наконец остановился на Алине.

– Со мной две девушки, – ответил Леон, стараясь говорить спокойно, хотя странный вопрос его взволновал. – Вот, Алина и Евгения.

– Ясно, – Арис закрыл глаза.

Подождав немного, Леон снова взялся за поводья, и повозка, покачнувшись, тронулась.

– И что это было? – тихонько поинтересовалась я, но ответа не дождалась. Лежащий в повозке мужчина вдруг принялся взволнованно ощупывать грудь.

– Где... где мой змей?

Я не удержалась и спросила:

– Змей Горыныч?

– У него была ручная змея... или змей, – отозвался Леон. – Не знаю, как он их различает.

Тем временем, не найдя своего ползучего друга ни за пазухой, ни поблизости, Арис протянул руку и стал тихо постукивать по бортику согнутым пальцем. Потом попытался приподняться.

– Останови. Я пойду, поищу.

– Не дури! – бросил через плечо Леон.

И тут повозка резко остановилась. Лошади испуганно ржали, били копытами, пытались пятиться. Когда я глянула вперед, поняла – почему. Снова эти змеи, снова... Не дожидаясь, пока наш спутник во второй раз попытается привести товарища в чувство пощечиной, я схватила Ариса за ворот и с силой тряхнула.

– Либо ты сейчас же уберешь своих гадов, либо...

Над ухом раздался визг Алины – она проснулась и увидела окружающих нас змей. Наверное, этот звук вывел Ариса из дремотного ступора. Ползучее воинство растеклось по сторонам, спеша убраться с дороги.

– Что это было? – шепотом спросила подруга.

– Черт его знает, – я разжала пальцы. Наш змеиный воевода закрыл глаза и, кажется, заснул.

Уже затемно мы въехали в небольшой, примостившийся у дороги поселок. Гостинный дом был наполовину пуст, комнаты нашлись сразу – и для нас с Алиной, и для мужчин. О еде, цене и прочих условиях договаривался Леон. Мы подождали его в комнате, карауля спящего Ариса, для которого служки принесли деревянную бадью с теплой водой.

– Надо будет помочь... – Алина с сомнением разглядывала спящего, отмыть которого представлялось задачей чрезвычайно сложной. – Как думаешь, Жень?

– Согласна отдать ему последние силы, только чтобы не помогать, – я устало опустилась на низенький табурет и прислонилась спиной к стене. – Будем надеяться, Леон с ним справится сам. Хватит нам змей на сегодня...

– Женечка, ты знаешь, я боюсь оставлять Леона здесь, с ним, – подруга оглянулась на дверь и, понизив голос, добавила: – Вдруг он снова?..

Что именно «снова» – объяснять не приходилось. Перспектива проснуться в змеином кубле не улыбалась никому.

Лунный свет серебрил пол у окна. Алина не спала, все прислушиваясь к тому, что происходило за стеной. Но на улице разыгрался ветер: стучали ветви, поскрипывала форточка, шум не позволял расслышать ни плеска воды, ни голосов в комнате Леона. Я закрыла глаза и поудобнее подбила подушку, очень надеясь, что змеи – ни во сне, ни наяву, – не помешают мне выспаться.

* * *

Проснулась рано. Было скучно, и очень хотелось заглянуть к Леону, узнать, все ли в порядке, и не превратилась ли за ночь соседняя комната в кубло ползучих гадов. Но идти одной было как-то неудобно, а потому пришлось почти час ждать, пока мои нарочито громкие шаги и скрип молний на рюкзаке разбудят Алину.

Без четверти восемь мы с подругой уже стояли у соседней двери. Леон открыл сразу и, приложив палец к губам, жестом пригласил внутрь.

Змей не было. На полу темнели непросохшие пятна от вчерашнего купания. В углу беспорядочной кучей валялась грязная одежда. Сапоги и пояс Ариса, вычищенные, лежали на полу у кровати, на которой, по уши завернувшись в пестрое одеяло, спал сам колдун.

– Все в порядке? – шепотом спросила я Леона, тот кивнул.

– Да, спасибо. Если б не вы, я бы, наверное, не довез его живым.

Мужчина глянул на спящего и, предложив нам сесть, продолжил:

– Место, в котором находилась ловушка, еще какое-то время может вытягивать силу. Прохожий почувствует лишь легкую усталость, но если остаться там надолго, можно умереть.

– А за что его там приковали?

Леон пожал плечами.

– Проснется – спросим.

В это время человек под одеялом зашевелился. Повернулся к нам лицом, открыл глаза и резко сел.

Он был темноволосый и загорелый, подбородок покрыт черной щетиной, густые брови сведены к переносице. Взгляд серо-зеленых глаз, изучив наши с Алиной лица, вопросительно обратился к Леону.

– Это Алина и Евгения, – ответил тот. – Помнишь? Вчера они тебя лечили.

– Значит, не померещилось, – пробормотал Арис и вздохнул как будто с сожалением. – Мне надо подняться...

– Помочь? – с готовностью предложил Леон.

– Нет! – рявкнул его товарищ, прямо как заправский Змей Горыныч – не хватало только пламени и дыма из ноздрей. Потом добавил спокойнее: – Пусть уйдут.

Алинка первой сообразила, что новый знакомый просто хочет одеться без нашего присутствия, и потащила меня к двери. Уходить мы не собирались и остались поджидать в коридоре. Вскоре дверь отворилась, Арис в одежде Леона, которая была ему чуть узка в плечах и длинновата, смерил нас с подругой недружелюбным взглядом и, пошатываясь, направился к лестнице.

– Стеснительный какой! – фыркнула я, обиженная его неблагодарностью. И прислушалась: – Сейчас грохнется.

Судя по тому, что грохота мы не услышали, колдуну удалось таки спуститься по лестнице и выйти во двор. Подруга вздохнула и вернулась в комнату, я последовала за ней.

– Он всегда такой, – объяснил мужчина, словно извиняясь за Ариса.

Алина поправила одеяло на кровати Леона и села, сложив руки на коленях.

– Он – твой друг? – спросила.

Мужчина кивнул, а я удивленно покачала головой: и как такие разные люди находят общий язык?

Горыныч вернулся довольно скоро, все такой же мрачный. Пересек комнату и с явным облегчением уселся на кровать. Молчание затягивалось, Леон первым решил его нарушить.

– Арис, я бы хотел узнать, что произошло.

– А они? – косой взгляд в нашу сторону.

– Они спасли тебе жизнь, – прозвучал мягкий упрек.

– Не помню, – Горыныч отвел глаза. Я уже собиралась предложить Алинке гордо удалиться, но друг Леона все же решил не обращать на нас внимания.

– Ничего не случилось, – он говорил с неохотой. – Наверное, золота пожалели. И решили, раз такое дело, можно не платить...

– Ты же ранен был, – перебил Леон. – Зачем пошел?..

– Я что, похож на идиота? – огрызнулся Арис. Глянул на нас с Алинкой, медленно перевел дыхание, успокаиваясь. – Какая-то зараза в лесу возле ловушки пряталась. Меня подстрелили, когда я середину нашел и поджег. Надо было сразу уйти, но пламя разгорелось, могло на лес перекинуться. Пришлось подождать...

– А потом?

Арис пожал плечами:

– Не помню.

– Совсем? – Леон нахмурился. – Ведь кто-то же их надоумил оставить тебя в лесу, наверняка... Иначе бы просто убили.

Колдун кивнул, соглашаясь.

– Может, там был кто-то из ваших?

– Не помню, – повторил Арис.

– Ну хоть что-то?..

Колдун поежился, словно от холода, и на этот раз промолчал.

– Ладно, – Леон поднялся. – Я распоряджусь насчет завтрака. Думаю, будет лучше, если его принесут сюда.

День прошел относительно спокойно. Арис-Горыныч после еды снова уснул, и вылеживался почти весь день. Мы с Алиной так и не дождались от него благодарности. Леон пытался оправдать его поведение тем, что, после нескольких дней, проведенных на грани смерти, Арис еще не пришел в себя, но мне казалось, что одно единственное спасибо не лишило бы его последних сил.

На следующее утро собирались в путь. Леон где-то раздобыл лошадей – еще двух, чтобы каждый из нас мог ехать верхом. Серая кобылка Сойка, смирная и покладистая, вновь досталась мне, как самой неопытной наезднице. Подобное расточительство настораживало, тем более что наш благородный спутник взял на себя все расходы по оплате проживания и еды

в трактире. Мы с Алиной чувствовали себя неловко, но решили подумать об этом позже. В Раславе. К тому же лошадей мы вернем, а деньги, чтобы расплатиться за остальное, лежат в маленьком мешочке, полученном от часовщика.

Леон ехал впереди, я украдкой смотрела в его спину – прямую, с широко развернутыми плечами. Не знаю, по каким чертам можно отличить хорошего наездника, но в данном случае все было ясно по той гармоничной картине, которую представляли собой всадник и его конь.

Алинка старалась держаться поближе ко мне и тоже смотрела на Леона. Потом осадила коня, чуть приотстав.

– Скажите, Арис, а вы из какого города?

Надо же, я почти забыла о том, что позади нас едет еще один всадник! Он молчал и выглядел столь неприветливо, что желания обратиться к нему с расспросами лично у меня не возникло. А вот Алина решилась.

Он ответил, хоть и не сразу. Оказалось, мы почти что земляки – из соседних областей.

– А как вы сюда попали? – продолжила расспросы подруга. – Тоже из Иванцово?

– Нет. Я... – он кашлянул, – я давно здесь.

– Давно? – переспросила Алина. – Мы с Женей слышали о том, что люди из нашего мира появлялись здесь и раньше, но еще никого не встречали, – она подождала немного, и видя, что собеседник не горит желанием развивать тему, повторила вопрос: – Так как вы сюда попали? Если это не секрет, конечно...

Арис помедлил с ответом, и я уже отчаялась услышать объяснение, но разговор неожиданно поддержал Леон.

– Это не секрет. Все, кто попадал к нам в то время, рассказывали о волшебных стеклянных шарах. Стоило разбить его – и человек оказывался в нашем мире. Эти шары должны были исполнять желания, если взять в руку и загадать.

– И как, исполняли? – поинтересовалась я.

Леон промолчал, мы с Алиной выжидательно уставились на Ариса.

– Да, – нехотя ответил тот.

– А зачем же ты его разбил?

На этот раз ответа мы не получили. Ну и ладно, и так было о чем подумать. Интересно, а сохранились ли в этом мире такие шарики-порталы? Если да, то вот она – возможность вернуться домой. Но мы-то с Алиной желаний на стеклянные шарики не загадывали и уж тем более не разбивали их. Так почему?..

Подруга опередила меня, озвучив этот вопрос.

– В вашем городе... Иванцово, да? – Леон задумчиво нахмурил брови. – Там было такое место, где ученые мужи проводили опыты. Под землей. Откуда-то к ним попало несколько таких шаров, их собирались изучать... Они говорят, что не замыслили ничего плохого, просто не знали, с чем имеют дело.

* * *

Короткий привал, еще несколько часов пути и ночевка в Ручейном, на постоялом дворе, хозяин которого знал обоих наших спутников. Но если с одним поздоровался почти по-дружески, то на второго, Ариса, зыркнул с неприкрытым опасением, словно боялся запустить свинью в посудную лавку.

Вместе с наполненными аппетитным кушаньем тарелками Леону принесли свиток.

– От воеводы, – сообщил хозяин. – Вам наказывали отдать, ежели объявитесь.

Леон читал недолго, потом передал Арису. Тот прочел, пожал плечами и вернул послание.

– Поеду, – коротко сказал он.

– Уверен?

– Деньги все равно нужны, – колдун почесал затылок, окончательно растрепав волосы. – И дело, похоже, не терпит... Только скажи воеводе: если снова не заплатят, с него потребую.

– Лучше не надо, – посоветовал Леон после недолгого размышления. – Скажешь мне, я все улажу, хорошо? А стражу я предупрежу, чтобы тебя пропустили в город.

Мы с Алиной молча переглянулись, но рассудили, что не слишком прилично интересоваться чужой корреспонденцией и совать нос в дела, нас не касающиеся. А потому сосредоточились на еде.

Наутро Арис доехал с нами до развилки. Прежде чем свернуть на дорогу, убегающую в поля к видневшейся вдалеке деревушке, мрачно предупредил Леона:

– Будь там осторожней, – и, скользнув взглядом по нам с Алиной, наконец-таки выдал: – Спасибо.

Глава 3. Раслава

Леон обещал, что уже сегодня мы будем ночевать в Раславе, и не обманул. Городская стена – высокая, сложенная из ювелирно подогнанных массивных каменных глыб – иллюстрировала преимущества союза с пришельцами, а также неслабую оборонную способность города, главным оружием которого были колдуны, собранные здесь в невиданном для этого мира количестве. Перед въездом в город налево от дороги располагался огромный шумный рынок. Хотелось пройтись по рядам, и я с трудом подавила в себе это желание – после, когда обоснуемся на новом месте, тогда и станет ясно, сколько можно потратить, и что необходимо купить в первую очередь, а что – во вторую. Алина тоже смотрела с сожалением. Леон заметил это, предложил свернуть, но мы твердо отказались и поехали к воротам.

Город показался на удивление чистым и светлым – мощенные брусчаткой улицы, стены двух-трехэтажных домиков выкрашены в радостные цвета. Наверняка, все это не без помощи наших. Главное, что небоскребов не настроили... Я вдруг поняла, что в Раславе вполне может быть и водопровод, и другие удобства – есть ведь, кому строить, и ничего придумывать-изобретать не надо.

Мы проехали через центральную площадь, свернули в боковую улицу с нарядными невысокими зданиями. Леон остановил лошадь у калитки аккуратного голубенького домика и, поднявшись на крыльцо, позвонил в колокольчик.

Дверь открыла женщина, которую, несмотря на солидный возраст и снежно-белые волосы, язык не поворачивался назвать старушкой. Румяная, пахнущая сдобой, в белой блузе и пышной синей юбке, из-под подола которой кокетливо выглядывали рюши. Она радушно поздоровалась с нами, сказала, что у нее как раз есть несколько свободных комнат. И если нам с Алиной понравится и жилье, и цена, мы можем выбрать любую на свой вкус.

Неширокая деревянная лесенка с резным поручнем уходила вверх. Я сразу решила, что лучше смотреть комнату на втором этаже, и поднялась по ступенькам. Дом был опрятный, на светлых стенах – цветочный рисунок, очень напоминающий обои. Наверняка, тоже работа наших земляков. Комнаты обставлены просто, но уютно. И – самое невероятное и радостное – в доме действительно был водопровод! Замечательная ванная комната – хоть и одна на весь этаж, но вполне современная по нашим меркам.

– Для этого мира – условия класса люкс, – заключила Алина. И подмигнула: – Ну, почти.

– Этот люкс может быть нам не по карману, – шепотом напомнила я.

Но цена оказалась на удивление небольшой. Мы тут же договорились с хозяйкой и отправились «заселяться».

Леон проводил нас до дверей. Заглянул в комнату, удовлетворенно кивнул.

– Арина Павловна – женщина хорошая. Никто из жильцов еще не жаловался. Особенно хвалят ее стряпню, – он улыбнулся. – Мне пора, к сожалению. Я зайду завтра, узнаю, все ли у вас хорошо. И еще – надо будет сходить в городское управление, записаться в учетный список. Такие у нас правила.

Хозяйка и вправду готовила отменно. Она с удовольствием составила нам с Алиной компанию за столом, ничуть не смущаясь общества двух пусть и молодых, но колдуний. Ни о чем не расспрашивала, зато говорила сама, и в этот вечер мы узнали о Раславе довольно много – о магазинах, парках, аптеках, о местных мастерах и колдунах. А также получили заверения, что в этом городе пришельцы могут ходить свободно, не таясь, и что после того, как мы запишем свои имена в управские списки, нас смогут находить клиенты, и появится возможность заработать.

Переваривая полученную информацию, я долго не могла заснуть. Алина лежала на своей кровати, глядя в темно-синее небо за окном.

– Жень, – позвала она. – Скажи, а как тебе Леон?

– Ну, – вопрос застал врасплох, потому как об этом я предпочитала не задумываться, – он вроде хороший человек.

– Хороший? – подруга улыбнулась. – Это все, что ты можешь сказать? А знаешь, Жень, ты права. Он – хороший, по-настоящему. Уверенный такой, мужественный. И... красивый, правда?

Не согласиться было сложно, я предпочла уйти от ответа:

– Радость моя, ты, случайно, не влюбилась?

– Я об этом как раз подумываю, – хихикнула Алина. – Ты заметила, его здесь все знают и уважают.

– Может, наш Леон – главный мафиози этого города?

– Не похож! – весело возразила подруга. И тут же: – Жень, скажи, он тебе нравится? Хорошо, что мы его встретили, да?

– Да, – отворачиваясь к стене, натягиваю на плечи одеяло. – Я – спать. Спокойной ночи.

* * *

Леон, как и обещал, зашел за нами утром. Город уже проснулся, на улице было полно людей и, к моему удовольствию, внимания на нас с подругой почти не обращали, разве только здоровались с нашим спутником. В Раславе колдуны действительно не таились, но и не выпячивали свою принадлежность к пришельцам, предпочитая носить местную одежду, делая исключение, например, для любимой курточки или кроссовок. Частенько на глаза попадались интересные вывески: «Живые куклы», «Строительные работы любой сложности», «Микстуры от любой болезни», «Иллюзии: от зеленых гномиков до драконов» и прочие, и прочие. Встречались и скромные надписи: «Пекарня», «Обувная мастерская», «Пошив одежды на заказ».

– Наверное, здесь много врачей, – вздохнула Алина.

– Совсем нет, – отозвался Леон. – Всего трое на весь город.

– Не много, – согласилась я. – Но и не мало. Потому что их уже знают, и пойдут скорее к ним, чем к нам.

– Есть еще приезжие, – напомнил мужчина. – Люди съезжаются за помощью со всей округи. И... может, вы захотите указать в списках еще какие-то способности, кроме тех, о которых я знаю? Если нет – ваше право.

– К сожалению, у нас больше нет талантов, которые могли бы помочь заработать на жизнь, – я почти не соврала. Способность Алины чутать аномалии мы пока держали в секрете, не зная, насколько опасным может быть для этого мира доступ в наш. Как-то не хотелось,

чтобы местные головорезы ко всему прочему обзавелись огнестрельным оружием и другими «благами» современной цивилизации.

Как использовать собственный дар с выгодой – я пока не придумала, но... напишу в анкете, пусть будет на всякий случай.

Тем временем мы вышли на широкую площадь, окруженную нарядными двухэтажными зданиями из светлого камня. Одно из них – с колоннами и барельефами, стояло посреди небольшого огороженного сада и смотрелось при этом довольно строго. Туда-то мы и направились.

Стражники уважительно здоровались с Леоном и вежливо – с нами. В огромном зале было светло, широкая лестница напротив входа поднималась на второй этаж, но мы не пошли туда – свернули направо и, пройдя вслед за нашим спутником по коридору, оказались в просторном помещении с длинными стеллажами, заставленными папками разной толщины.

У самой двери, за деревянной стойкой сидел человек и что-то писал. Нехотя оторвавшись от своего занятия, он поздоровался, узнал, зачем мы пришли, и принес бумаги, которые надо было заполнить. Он уже знал, что большинство пришельцев так и не научились правильно писать по-здешнему, только читать, и поэтому предложил помощь, но Леон вызвался сам заполнить под диктовку наши бумаги, и мы с Алиной не возражали.

Указать требовалось имена, способности и адрес, по которому нас можно найти в Раславе. И обязательно подписать договор не использовать свой дар во вред или вопреки принятым в городе законам. Мы справились со всем этим минут за пятнадцать (больше всего времени заняло чтение мною договора).

Мы уже возвращались, направляясь к выходу, когда басистый окрик заставил обернуться.

– Леон! – бородатый мужчина, широкоплечий, немалого роста и с мощной фигурой, спускался по лестнице. Он выглядел именно так, как должен был выглядеть воевода, поэтому я сразу поняла, кто перед нами. Одет он был в простую, удобную одежду с дорогой отделкой, у широкого пояса – ножны: в одних меч, из других – коротких, изогнутых полумесяцем – торчала рукоять с замысловатым витым узором. Взгляд воеводы уперся в лицо нашего спутника. – Хорошо, что ты мне попался. Дело есть.

Леон кивнул. Воевода перевел взгляд на нас и улыбнулся. В уголках его глаз веселыми лучиками собрались тонкие морщинки.

– Это и есть те самые путешественницы? Что ж, рад приветствовать. Лекарям мы рады особенно.

Алина смущенно потупилась и одновременно со мной, только тише, сказала:

– Спасибо.

Мужчина хмыкнул и произнес, обращаясь к Леону:

– Проведешь – и возвращайся. Тогда поговорим.

– Это и был воевода? – уточнила я, когда мы покинули здание городского совета.

– Да, – Леон кивнул. – Алексей Леопольдович, воевода раславский.

– Приятный человек.

– Верно, – с улыбкой согласился наш спутник. – Если у вас будут какие-либо неприятности, и вы не сможете меня найти – смело обращайтесь прямо к нему. Он, конечно, человек занятой, но к безопасности жителей Раславы относится очень серьезно.

Город кипел и бурлил. Мы с Алиной хотели погулять и домой пока не собирались, поэтому поспешили заверить Леона, что не заблудимся и без труда найдем дорогу к своему новому жилищу. Мужчина лишь спросил осторожно, есть ли у нас деньги и, получив заверение, что на первое время хватит, попрощался и быстрым шагом пошел в сторону главной Раславской площади. А мы с Алиной, сверяясь с рисованной картой города, отправились сперва на базар, потом погуляли в большом саду, который здесь называли парком, прошли мимо вит-

рин магазинов, изредка заглядывая внутрь, чтобы прицениться. Несколько раз нам попались объявления о сдаче комнат. Я обратила внимание Алины на то, что указанные цены значительно выше той, которую Арина Павловна потребовала с нас. Подруга беззаботно пожала плечами.

– Наверное, это Леон с ней договорился.

Странно, почему это не пришло мне в голову с самого начала?

– Вряд ли она бы взяла нас себе в убыток. Боюсь, он еще и доплатил.

– Возможно, – Алина понизила голос. – Но ведь мы об этом не знаем, правда?

– Даже не догадываемся, – мрачно согласилась я.

– Наверное, мы ему понравились, – подруга озорно подмигнула, останавливаясь возле магазина с вывеской «Сладости». Я встала рядом. В витрине, на фоне пышных тортов и кремовых пирожных, отражались двое: одна невысокая блондинка с точеными чертами лица и фигуры, в скромном крестьянском платье, вторая – бледная сероглазая пацанка в рубаше и штанах, с медно-русыми выющимися волосами, торчащими в разные стороны.

Я машинально постаралась пригладить волосы ладонью. Вряд ли Леон столь заботливо относится к любому случайному встречному. Наверное, мы ему действительно понравились. Вернее, одна из нас. И можно было не сомневаться, кто именно.

А что? Из них получилась бы красивая пара.

* * *

Четвертый день нашего пребывания в городе ознаменовался грандиознейшим событием – утром, едва рассвело, в дверь голубенького домика на улице Светличной постучал мужчина и, спросив лекарку, поджидал в горнице, пока мы с Алиной в жуткой спешке оденемся и соберемся. Оказалось, у него сын упал с дерева и сломал руку. А кто-то из знакомых ему рассказал, что у Арины Павловны лекарка поселилась, и ему было ближе заглянуть к нам, чем к кому-то еще. К тому же мужчина надеялся, что у новенькой цены будут поменьше.

На радостях, что у нее появился первый клиент, Алина действительно не потребовала много. Видя, что она еще не вполне разобралась в расценках, мужчина добавил несколько монет и присовокупил к ним корзинку рогаликов из собственной пекарни.

Корзинка распространяла пьяняще-сладкий аромат свежей сдобы и каких-то специй.

– Если мне каждый раз будут давать выпечку в качестве премии, я растолстею, – пожаловалась Алина, когда мы, голодные, но довольные, набросились на аппетитные рогалики, заменившие нам в этот день полноценный завтрак.

Назавтра мы почему-то ожидали, что больные повалят толпой, но этого не случилось, и прошло еще два дня, прежде чем Алинкино лечение понадобились сначала соседской хозяйке, потом – немолодому скорняку с улицы Семеновской. Потом... Так уж получилось, что клиентов было немного, но на проживание денег хватало, мы даже подкупили кое-какую одежду. Те, кто привык таскать все свое барахло за спиной, учатся обходиться малым, но... Леон приходил к нам почти каждый день, устраивал интересные и познавательные прогулки по городу, и ради этих прогулок Алина надевала новенькое платье нежно-персикового цвета с белой отделкой и мягкие кожаные туфельки. Я же давно смирилась с тем, что недостатков внешности платье не исправит, и даже нарядившись, как барышня, буду чувствовать себя рядом с изящной подругой неуклюжим бегемотом. А потому оставалась верна штанам и любимым кроссовкам.

Однажды вечером мы возвращались с прогулки. Алина разглядывала похожий на маленькую розочку цветок, который, следуя внезапной прихоти, сама купила за пару медячков. Леон украдкой наблюдал за ней, а я, обогнав их на несколько шагов, поглядывала на расцветное в сиреневой палитре вечернее небо. Отворив калитку, я первой заметила незнакомого

человека, уютно устроившегося на лавке сбоку от нарядного резного крылечка. Фигура в черном плаще резко выделялась на фоне светлой стены. Увидев нашу троицу у калитки, мужчина поднялся, и веселая улыбка мгновенно разрушила мрачность образа.

– Наконец-то! Леон! Я уже думал, что не дождусь.

Незнакомец быстро прошел посыпанной гравием дорожкой и остановился рядом. У него были коротко стриженные каштановые волосы, слегка отливающие медью, и лучистые глаза – светлые, почти голубые.

– Прошу прощения, дамы, – мужчина отвесил нам шутливый поклон. – Я целый день ищу вот этого молодого человека, и очень рад найти его в столь прекрасной компании.

Леон ответил на приветствие, пожал руку и, повернувшись к нам, сообщил:

– Это Максим, мой хороший знакомый. А это – Алина и Евгения.

– Очень приятно, – глаза Максима не переставали улыбаться. – Я остановился вон там, – он указал на двухэтажный домик, стоящий почти напротив нашего. – Так что будем соседями!

– Ты по срочному делу, или просто – поздороваться по приезду? – спросил Леон.

– Поздороваться.

– Ну хорошо. Думаю, Арина Павловна не будет против, если мы поужинаем все вместе.

Хозяйка гостям обрадовалась. Она заставила стол перед нами кушаньями, посидела немного, поговорила с Леоном и Максимом, и тактично удалилась, решив не мешать разговорам.

Приятель Леона оказался человеком общительным и веселым. Он попал в этот мир, как и мы – из Иванцово, куда приехал по работе. О своих способностях молчал, да мы и не спрашивали – знали, что сохраненная тайна порой может спасти жизнь. После ужина, когда мужчины собрались уходить, Максим попросил нас без стеснения, по-соседски обращаться к нему по любому поводу и первым вышел за дверь. Леон задержался.

– Завтра я уеду ненадолго, – сказал он. – Сейчас в Раславе спокойно, но все-таки... будьте осторожны.

На едва тронутую желтизной листву с тихим шелестом упали первые дождевые капли. Леон нахмурился, словно вспомнил о чем-то.

– Снова зарядит на несколько дней. И Ариса все нет. Странно...

* * *

Вечерние сумерки за окном нагоняли скуку. Книги, наверное, спасли бы ситуацию, но здесь они были дорогими, да и читали мы пока слабо, много времени уходило, чтобы распознать в непривычном написании знакомое слово. А вытащить книги из аномалии – лишняя тяжесть в рюкзаке.

Леона не ждали – он уехал два дня назад, и еще не должен был вернуться. Мы с Алиной уже подумывали, а не лечь ли спать пораньше, когда в дом постучался мальчишка лет двенадцати и сказал, что его послали за лекаркой, просили срочно привести, потому как человеку очень уж плохо.

Когда я спросила, куда надо идти, мальчик неохотно признался, что в западную часть города, почти к самой стене. Арина Павловна, услышав, куда мы собираемся, только руками всплеснула:

– Ясно, почему за вами прислали. Думают, девушки здесь недавно, города не знают... Там, у стены, сплошная беднота живет да жулье всякое. Не ходили бы.

Мальчишка стоял на пороге, смущенно комкая фуражку.

– Что там за больной? – строго спросила я его.

– Там... это... – мальчик упрямо не поднимал глаза. – Мужики подрались, Веньку, нашего соседа, порезали сильно. Но... вы не думайте, мы заплатим! Обязательно заплатим!

Мы с Алиной переглянулись, и подруга решительно взяла меня под руку:

– Идем!

На улице было совсем темно, и очень не хотелось идти неведомо куда, особенно после вздохов и причитаний, которыми нас провожала хозяйка. Мальчишка шел впереди, глядя под ноги, и едва не налетел на встречного прохожего.

– Извините, – буркнул наш провожатый, намереваясь обойти препятствие, но человек неожиданно преградил дорогу нам с Алиной.

– Вот уж не ожидал! – воскликнул он, и я, уже нащупав рукоять припрятанного ножа, облегченно выдохнула, узнав Макса.

– Куда это вы собрались на ночь глядя? – поинтересовался он.

– К пациенту, – отозвалась Алина.

– Да? – Максим задумчиво хмыкнул, смерил подозрительным взглядом мальчишку. – Надеюсь, не на окраины? Вы не будете против, если я пойду с вами? Нет-нет, никаких благодарностей! Просто если Леон узнает, что я в такой час отпустил вас одних – голову оторвет.

Идти действительно пришлось на окраину. На плохо освещенных улицах, оглядываясь и провожая настороженным взглядом прохожих, прятавших свои лица, я благодарила судьбу, этим вечером так удачно столкнувшую нас с Максимом. Конечно, мы с Алиной его почти не знаем, но Леон ему как будто доверяет. В любом случае со спутником-мужчиной было спокойней.

Мальчик подвел нас к двухэтажному дому, чьи окна слабо светились, и, толкнув дверь, пробормотал:

– Сюда... пожалуйста.

Максим первым заглянул внутрь, пожал плечами и пропустил нас с подругой вперед.

Помещение было большим и почти без мебели – пара скамеек да столик у стены. Несколько свечей отчаянно боролись с темнотой, вползающей в окна. На дощатом полу на кое-как уложенных в ряды тюфяках лежали люди. Кто-то храпел, кто-то, очнувшись от дремоты, разглядывал негаданных гостей. Мальчишка-провожатый ждал нас у дальней стены, и я, старательно скрывая брезгливость, пошла по узенькому проходу.

Раненый лежал под стенкой, бледный, как выбеленная простыня. Повязки на его теле казались черными от крови. Я посторонилась, пропуская подругу. Алина опустилась на колени...

Те, кто не спал, приподнявшись, наблюдали за происходящим, потом кто-то встал, подошел ближе, за ним – еще один. Максим что-то сказал – тихо, сквозь зубы, – и придвинулся к нам. Стало совсем неудобно.

– Все, – выдохнула Алина, поднимаясь. – Только вот шрам, наверное, останется.

Тот, кого она лечила, привстал, изумленно осматривая собственное тело с розоватыми следами затянувшихся ран. И принялся благодарить – растерянно, сбивчиво. Алинка ответила усталой улыбкой и привалилась к моему плечу. А я, сжимая ее запястье, никак не могла набраться решимости и потребовать заработанные подругой деньги.

– Госпожа лекарка! – мы обернулись. Мужчина, уже немолодой, худющий и лысоватый, несмело и как-то жалобно, словно нищий на паперти, смотрел на Алину. – Госпожа лекарка, я вот... болит в груди сильно. И давно уже, мочи нет терпеть. А это... другие лекари уж больно дорого просят.

Подруга перевела дыхание, выпрямилась.

– Пожалуйста, подойдите ближе, я посмотрю.

Новый пациент на радостях принялся стягивать с себя рубашку, а за ним вдоль стены выстраивалась длинная очередь. Понимая, что подруга, пока хватит наших с ней общих сил, не откажет в помощи никому, я положила Алине на плечи ладони, надеясь, что Максиму не придется тащить обратно нас обеих на руках.

* * *

Возвращались под утро. Вопреки ожиданиям, и Алина, и я еще держались на ногах. Город просыпался, тишина все чаще нарушалась окриками, скрипом дверей и хлопанием оконных створок. Воздух казался не по-осеннему сладким, а ясное небо обещало солнечный день.

На центральной площади людей было больше, чем везде – многие спешили по делам, а у ворот перед зданием управы уже собралась очередь. Равнодушно скользнув взглядом по сонной веренице людей, я побрела дальше, следом за Алиной и Максом.

– Какой, к чертям, пропуск? У меня срочное дело к воеводе!

Прохожие обернулись на окрик, очередь возмущенно ахнула. Стража на воротах сурово перекрыла вход, заступив дорогу человеку в пыльной дорожной куртке.

– Горыныч? – удивленно пробормотал Максим. Мы переглянулись и все вместе направились к воротам.

– Срочное или нет – насчет вас особых указаний не поступало, – невозмутимо произнес один из стражников.

В это время на дорожке скромного парка, окружавшего управу, появился внушительного вида мужчина в кольчуге, с тяжелым мечом в ножнах, высокий и широкоплечий, с длинными пшеничного цвета усами.

– И кто это здесь шу... – он осекся, кустистые брови сошлись на переносице. – Ты?

Мы уже подошли достаточно близко, чтобы видеть лицо Горыныча. Серо-зеленые глаза, обведенные темными кругами бессонницы, смотрели исподлбья.

– У меня срочное дело к воеводе, – упрямо повторил он.

– Да как ты посмел явиться в город, змееныш? – богатырь угрожающе упер кулаки в бока и, казалось, едва удерживался от рукоприкладства.

Арис поморщился.

– Мне еще раз повторить, для тугоумных?

От последовавшего за этой фразой удара тяжелого кулака он увернулся и отступил на пару шагов. Усач не стал за ним гоняться.

– Убирайся! Чтобы духу твоего здесь не было, понял? Я еще узнаю, кто пропустил тебя в город!..

– Леон приказал меня пропустить, – негромко ответил Арис. Похоже, ему стоило больших усилий заставить себя остаться на месте и продолжать разговор, не прибегая к кулакам или оружию.

– Врешь! – не поверил усач.

– Нет, не врет! – неожиданно крикнула Алина, и все – усатый богатырь, Арис и стоящие в очереди – обернулись к нам. Подруга отпустила руку Максима и подошла ко мне, поймав пальцами мою ладонь. Ее силы, наверное, были на исходе, придется снова поделиться, но... еще немного, и я просто свалюсь на брусчатку.

– Он, правда, не врет. Мы сами слышали, как Леон сказал, что попросит стражу пропустить его в город. Да, Жень?

– Так и было, – подтвердила я.

Неожиданное заступничество повергло светлоусого богатыря в замешательство, но пропускать Ариса ему явно не хотелось. И неизвестно, чем бы закончилось разбирательство, если б в это время к воротам не подъехал очень знакомый всадник на гнедом жеребце.

– Что здесь происходит? – спросил Леон, спрыгивая на землю.

Взгляды присутствующих красноречиво сошлись на мрачной фигуре Горыныча.

С переменным успехом борясь с усталостью, мы ждали у ворот. Усач, оказавшийся ни кем иным, как начальником городской стражи, наотрез отказался пропускать Ариса внутрь иначе как по личному приказу воеводы. Леон ушел добывать этот приказ, а мы остались.

Горыныч сторонился, словно не желал иметь с нами ничего общего, но Максим предпочел не замечать этой отчужденности.

– Привет! – весело поздоровался он, получил в ответ тяжелый взгляд, но ничуть не смутился. – Давно не виделись! А где твоя змея? Опять в кармане прячется, или оставил где?

Очередь качнулась и отступила назад. Глянув на обеспокоенных людей, Арис злорадно ухмыльнулся.

Леон вернулся через четверть часа. Вид у него был разочарованный.

– Пойдем, – негромко сказал он Арису, предлагая отойти от ворот. Видно, хотел увести друга по-тихому – не получилось.

– Вот как? – Горыныч сжал кулаки. – Ну так передайте вашему воеводе, пусть катится к лешему!

Кто-то ахнул, пораженный неслыханной дерзостью. Арис повернулся и зашагал прочь.

Усач хотел было приказать остановить его, но Леон покачал головой и сам пошел догонять товарища. Собрав последние силы, я побежала за ними.

– Хватит! – голос Ариса я услышала раньше, чем обогнула угол дома и увидела мужчин, остановившихся посреди улицы. – Я не милостыню просить пришел! И не собираюсь...

– Подожди, – перебил его Леон, – Арис, ты не так понял! У него сейчас посланник митрополита, воевода еще полдня занят будет, и просил тебя прийти вечером, чтобы можно было спокойно поговорить, – он улыбнулся. – А твое пожелание прогуляться к лешему ему передадут, не сомневайся.

Горыныч опустил взгляд, пряча замешательство.

– Пусть передают, с меня не убудет.

* * *

Спать хотелось очень, но любопытство заставило нас с подругой остаться вместе со всеми, в уютной светлой гостиной, за накрытым хозяйкой столом. Горыныч с волчьей прожорливостью поедал все предложенные кушанья, Максим пытался над ним подтрунивать, не смущаясь мрачных взглядов, бросаемых исподлобья.

Нам с подругой было любопытно, что же за срочное дело у Ариса к воеводе. Но Леон решил при посторонних (то есть при нас и Максе) его не расспрашивать, и был, вероятно, прав. Арина Павловна выделила Горынычу комнату, в которую он отправился отсыпаться с дороги, а Леон ушел, пообещав, что ближе к вечеру сам зайдет за Арисом, чтобы провести в городской совет.

Я собиралась проваляться в постели до самого вечера, но так уж вышло, что пришлось подняться... Пробираясь в уборную по коридору мимо лестницы, увидела в гостиной Горыныча. Он подошел к вешалке и, сдернув куртку, выбежал за дверь.

Было уже темно. Мы с Алиной как раз спускались вниз, когда Леон не вошел – ворвался в гостиную. Резким движением руки сбросил капюшон и уперся взглядом в вышедшего из своей комнаты Ариса. Когда тот успел вернуться – я не слышала. Наверное, проспала.

– Ты не выходил из дома? – строго спросил Леон.

– Выходил, – нехотя признался Арис.

– Надеюсь, ты был не в северном районе? – холодно уточнил Леон.

Горыныч нахмурился.

– Что случилось?

– Значит, видели действительно тебя... – мужчина на мгновение прикрыл глаза, но тут же тряхнул головой. – Тебе надо уходить из города. Сейчас же!

– Что, опять? – вопрос прозвучал как-то почти обреченно.

– Да, опять! – прокричал Леон. – Опять! И на этот раз совершенно ясно, что змей не просто подбросили. Им указывали, что делать, их вели! – он выдохнул и понизил голос. – Я верю, что это не ты. Верю, правда...

– Спасибо, – хрипло поблагодарил Арис. Кашлянул. Глянул на нас с Алинкой. – Так, слушай... В городе зреет бунт. Церковники договорились с кем-то из колдунов... Раславу хотят уничтожить. Подбили местных на захват власти, и если во время беспорядков город не будет разрушен, сами доведут дело до конца. И еще... – он прислушался и торопливо продолжил: – Пусть воевода не покидает города. Его пригласят к митрополиту – это ловушка.

Такое обилие новостей потрясло бы кого угодно, но Леон коротко кивнул, Арис забрал куртку и пошел в комнату за вещами. Его не было слишком долго. Встревоженный Леон отправился за ним – поторопить, но... комната оказалась пустой: ни Горыныча, ни его дорожной сумки. Только окно приоткрыто, ветер качает прозрачные занавески.

Глава 4. Сын воеводы

Осень словно проснулась и напомнила о себе. За две недели листья полностью пожелтели и упали. Голые ветви мокли под проливными дождями, а вскоре пришли первые заморозки.

Леон бывал у нас нечасто. Не знаю, в какой должности он состоял при воеводе, но времени ему порой не оставляли даже на сон. Появляясь у нас под вечер, он обычно усаживался на голубенький диванчик в гостиной и грелся, грелся... Не столько теплом, сколько возможностью отдохнуть, спокойно поговорить за чашкой малинового отвара. А еще Леон был так на удивление тактичен, что я до сих пор тешила себя надеждой, будто он приходит сюда не ради Алины. Или, хотя бы, не только ради нее.

А вот подруга точно влюбилась. Правда, не раз обжегшись в прошлом, старалась держать себя в руках и не давать воли чувствам.

Горыныча искали, но вяло – всем было ясно, что он сразу ушел из города, и вряд ли рискнет вернуться. Из Раславы разослали весть о розыске, однако мало кто верил, что беглый колдун найдется.

Леон рассказал нам с Алиной, что два года назад несколько человек погибли от змеиных укусов. Один из них был племянником того самого богатыря, начальника городской стражи. Арис тогда жил в Раславе и пользовался расположением воеводы. Прямых улик против него не было, доказать ничего не смогли, но... Говорящий со змеями был один, о других никто раньше не слышал, да и подписанный им договор в архиве почему-то не нашли. Поэтому Горынычу пришлось уйти из города.

Воевода как будто верил в его невиновность и изредка, через Леона, передавал известия о ловушках в окрестностях Раславы. Но ловушек появлялось все больше, и Ариса подчас приходилось долго искать, чтобы сообщить место. История со змеями позабылась, воевода разрешил Горынычу вернуться в город. Вот только Алексей Леопольдович полагал, что тот вернется тихо и незаметно. А вышло иначе.

Что случилось в тот вечер: провокация или Арис действительно сводил старые счеты? Леон полагал, что кто-то очень хотел помешать его другу встретиться с воеводой. Несмотря ни на что, предупреждение о готовящемся бунте сам Алексей Леопольдович воспринял серьезно, хотя ему и намекали, что не стоит верить пригретой на груди змее, которая уже не раз укусила...

Максим, наш веселый сосед, уехал как раз во время листопада, и вернулся, когда колдуны стали готовиться к празднику Нового Года. А после уехал снова. Куда и зачем – мы не спрашивали, уважали чужие секреты.

Раньше я частенько задумывалась над тем, какое применение в мирной жизни находят колдуны с более агрессивными способностями – разные там взрыватели, сжигатели... В канун праздников городская власть собрала всех этих пиротехников и объявила им приглашение участвовать в представлениях на центральной площади. Естественно, не задаром.

Владельцы магазинов с диковинками также подготовились вовсю. Живые куклы пели «В лесу родилась ёлочка» прямо с витрины. Неподалеку, в соседней лавке, красовались празднично вызолоченные статуи, в натуральную величину изображавшие собак, кошек, мышек, змей и всякую мелкую живность. Мимо этой лавки я старалась пройти быстрее, потому как подозревала, что предприимчивый колдун попросту превращал в камень бедных животных. Хотя... позолоченные тараканы меня позабавили.

– Не понимаю, почему ваши люди празднуют начало года в разгар зимы? – не переставал удивляться Леон. По мере приближения праздника он становился все более мрачным и уставал все сильнее. И дело было вовсе не в том, что он не одобрял выбранную пришельцами дату праздника. Просто Леон ждал неприятностей, и по его убеждению, лучших обстоятельств для бунта, чем шумное многолюдное празднество, не придумаешь. И все же... Мало вероятности, что наши захотят испортить праздник и себе, и семьям. К тому же каждый живущий в Раславе колдун подписал договор – не преступать закон, не вредить городу. И нарушение этого договора, мягко говоря, чревато последствиями.

* * *

Сколько к Новому Году ни готовься, он всегда приходит как-то вдруг. Так случилось и тогда. Однажды утром мы с Алиной проснулись и поняли, что праздник – вот он. Что это сегодня ночью будет играть музыка, небо расцветет огнями, а на главной площади выступит знаменитый на всю округу театр иллюзий, и его представление в кои-то веки можно посмотреть бесплатно.

Полдня мы помогали Арине Павловне готовить праздничный ужин, а когда стемнело – оделись потеплее и вышли на улицу.

Да, колдуны постарались на славу! Гирлянды разноцветных огней на деревьях были так похожи на обычные электрические...

– Как дома, – прошептала Алина, смагивая слезы.

Я промолчала. Праздничное настроение улетучилось, и, наверное, никогда за последние месяцы так сильно не хотелось домой.

Уютные домики обрамляли тихую улицу, словно застывшую в ожидании. Окна почти все были темны – жители покинули дома ради представления на центральной площади. С неба падали редкие снежинки.

Следующая улица упиралась в площадь, и сперва мы с Алиной увидели зарево огней, потом стали различимы фигуры людей. Звуки веселой музыки изредка перерывались смехом или на диво слаженным пением. Подруга ухватила меня за руку и потащила вперед.

На помосте, подготовленном для театра, кружились две среброкожие девушки в одеянии из цветов, впрочем, довольно целомудренном. То и дело рядом с танцующими иллюзиями прямо из воздуха возникали пестрые бабочки – порхали и рассыпались сверкающей пылью. В другой стороне, забравшись на бочку, колдун-факир играл с огненными шарами. Пламя пере-скакивало на его пальцы, ползло по плечам, охватывая все тело, а молодой человек лишь улыбался, успевая посылать воздушные поцелуи стоявшим поблизости девушкам. И вот... в небе

над воротами городского совета появились огромные часы. Минутная стрелка постепенно приближалась к двенадцати.

– Шампанское! Кому шампанское? – кричал кто-то неподалеку. Несмотря на то, что его напиток лишь отдаленно напоминал традиционное для праздников игристое вино, возле прилавка толпились люди и, не скупясь, платили за наполненные до краев кубки.

Бом.

Все, как один, повернулись к часам. Алина крепче сжала мои пальцы, и мы стали ближе. Плечом к плечу.

Бом. Бом.

Золотистый дракон, оставляя искристый след, пролетел высоко над площадью.

Бом. Бом. Бом.

Дракона сменили запряженные оленями сани.

Бом.

На театральном помосте выжидательно замерли Дед Мороз и Снегурочка, такие знакомые, словно списанные с какой-то старой почтовой открытки.

Бом.

Над зданием городской управы взметнулось пламя – невероятно высокое, алое.

Бом.

Огонь разгорался, пожирая строение, полностью скрыв стены и крышу. Мимо опеших людей к воротам подбежали с десятков колдунов. Стража была сметена снежным вихрем. Иллюзии на подмостках и в небе растаяли, но сквозь нарастающий гул еще можно было слышать последние удары часов:

Бом. Бом. Бом.

Наступил Новый Год.

Толпа качнулась от ворот. Нас едва не вжало в ограду, но, к счастью, между мной и решеткой, оказался еще кто-то – очень полный и мягкий. Отовсюду слышался треск и грохот, пламя над зданием совета гудело. Осмелев, люди снова потянулись к воротам.

Дышать стало легче. Выбираться, надо срочно выбираться, пока не случилось еще что-нибудь. Выбираться...

Сжимая запястье подруги, я проталкивалась сквозь толпу. Мне тоже было интересно, что же происходит там, возле горящего здания, но если нас в этой давке размажут о брусчатку... Ну уж нет!

Кто-то крикнул: «Разойдись!» Чтоб его!.. Толпа вновь торопливо задвигалась, и чтобы нас с Алиной опять не прижали к какой-нибудь стене, я потащила подругу к центру площади. Там как раз образовался проход – группа людей пробиралась к управе.

– Разойдись! – сочный бас, казалось, перекрыл все звуки, и люди смолкли.

Я сделала еще несколько шагов, бесцеремонно отпихнув стоявших впереди людей. Еще трое частично закрывали обзор, но не помешали мне увидеть городскую стражу, остановившуюся посреди освобожденного людьми пятачка. Перед ними – подозрительно знакомая фигура в сером плаще.

– Леон! – прошептала подруга.

Он стоял почти спиной к нам: сосредоточенный, неподвижный, с оголенным мечом. Только полы плаща слабо колыхались от ветра. Навстречу ему из распахнутых ворот вышли с десяток человек, и, похоже, все из наших. Пришельцы то есть. На их лицах читались уверенность и самодовольство. При мысли, что каждый из них сможет воспользоваться своим даром, становилось неуютно, ведь кто знал, может первой прихотью бунтовщиков станет превратить всех жителей города в ледяные скульптуры? Просто так, чтобы под ногами не мешались. Рядом кто-то горестно вздохнул:

– А договора-то сгорели... Что ж теперь будет?..

Действительно, что? Я вспомнила молодого факира, хваставшего сегодня своим искусством. Что если ему вдруг захочется сжечь город? Или не город, а дом соседа, который, скажем, невесту у него увел?

Колдуны расступились, выпустив вперед человека невысокого, с круглым лицом. Он ничем не выделялся внешне, и даже одет был, как местный – в полотняные штаны, сапоги на меху и тулуп, в распахнутом вороте которого виднелась простая рубаха. Незнакомец, вежливо наклонив голову, улыбнулся и произнес:

– Доброй ночи, уважаемый Леопольд Алексеевич, – что-то знакомое было в этом имени, но к кому обращались – непонятно. – Прошу прощения за недобрые вести в сей праздничный вечер, но ваш отец... – горестный вздох, сожаление, похожее на гримасу плохо скрытой радости. – Воевода погиб при пожаре.

– Ложь, – спокойно ответил Леон. Пожалуй, даже слишком спокойно. – Мне известно, что воевода жив, – короткая пауза. – Кто вы? Что вам понадобилось в Раславе? И с какой целью вы подбили мирных жителей на бунт?

– Никто никого не подбивал, – ответил колдун, растягивая слова. – Просто ни вы, ни ваш отец не хотели замечать недовольства людей. Тех, кто не мог применять свои способности, тех на кого косились, кого шарахались, словно прокаженных. Не было надобности никого подбивать – люди просто ждали, чтобы кто-то извне пришел и помог им. Тот, с кем вы не подписали договор.

– Вы их обманули, – Леон обвел взглядом собравшихся, не заметив ни меня, ни Алину. – Воевода старался сделать Раславу самым мирным городом. И самым гостеприимным. Мы принимали всех, ни о чем не спрашивая, помогали, насколько могли, и единственное, что просили взамен – не вредить городу. Неужели это так много? Или каждому из вас так необходимо право на подлость?

– Красивые слова ничего не изменят, – незнакомец наконец-то перестал улыбаться. – Город сделал свой выбор.

– Город? – усмехнулся Леон. – Или жалкая кучка жаждущих власти безумцев? Люди хотят мира и безопасности. Они никогда бы не пошли на такое. Потому что каждый знает – если не будет договоров, начнется настоящий...

Голос оборвался. Со звоном упал меч. Плащ колыхнулся и плавно осел на едва припорошенную снегом брусчатку. Из-под него выглядывали пустые рукава куртки. Тут же, рядом, валялись сапоги.

В следующий миг прогремела команда: «Вперед!» Вслед за своим начальником, стража рванула с места, миновав распластанный на земле, словно крылья мертвой птицы, серый дорожный плащ. Но на середине пути они остановились – замерли в различных позах, с обнаженным оружием. Людей больше не было – только камень, серые безжизненные статуи. Одна из них, покачнувшись, упала. Каменная алебарда сломалась, прядь застывших волос рассыпалась крошкой.

Я не заметила, как разжала пальцы. Запястье подруги выскользнуло из моей хватки. Алина метнулась вперед, оттолкнула опеших людей и упала на колени рядом с лежащей на земле одеждой. Наполненную ужасом тишину разорвал тонкий, отчаянный вопль:

– Леон!

Подруга подняла голову, огляделась, словно надеялась увидеть его где-то рядом, живого и невредимого.

– Где? Где он? Где Леон? – ее голос срывался на рыдания.

Я принялась проталкиваться вперед, к ней, недоумевая, почему все стоят, почему ничего не делают, ведь среди нас достаточно сильных колдунов... Или нет? Или все они перешли на сторону бунтовщиков? Нет, быть не может!

Наконец-то я вырвалась из толпы и опустилась на колени рядом с Алиной, растерянно ощупывающей одежду Леона.

– Здесь что-то... – прошептала подруга, – что-то шевелится...

Мы одновременно вздрогнули и отшатнулись. Из ворота Леоновой куртки выползла змея – простой ужик, черненький, с желтыми «ушками»... Он медленно и как-то вяло пополз вперед, оставляя едва заметный след на поседевших от снежной пороши камнях, но почти сразу остановился и замер.

Видимо, нам с Алиной в головы пришла одна и та же мысль, потому что иначе подруга вряд ли решилась бы взять змею. Осторожно, двумя руками... Обмякшее черное тельце висело макарониной, и Алина все никак не могла уместить его в своих ладонях.

– Женечка, Женечка, что же это, что... Это... это он?

– Наверное, – шепотом ответила я.

Что-то происходило вокруг, но мы с Алинкой не обращали внимания на суматоху и голоса, пока кто-то не крикнул над самым ухом:

– Бегите! Эй, вы! Бегите!

Я резко подняла голову, пытаясь сообразить, что происходит. У ворот, в опасной близости от замершей стражи, сражались несколько колдунов. Снежные вихри схлестывались с огненными шарами, кто-то отчаянно бросился врукопашную, многие пытались удрать подальше, и, толкая друг друга, пробирались к краям площади.

Я тронула подругу за плечо:

– Алина, бежим!

– Стойте! – визгливый голос принадлежал тому самому приезжему колдуну. – Стойте! Держите белобрысую! У нее – сын воеводы!

Подруга прижала неподвижную змейку к груди и бросилась бежать.

За нами гнались, и им было легче пробираться сквозь толпу – перепуганные люди уступали дорогу. Но внезапно я краем глаза заметила нас с Алиной... или каких-то других девушек, похожих на нас так, что не отличишь. Преследователи их тоже увидели, не смогли решить – где настоящие, разделились. Потом разделились снова – иллюзий становилось все больше, и все бежали в разные стороны. Я подхватила замешкавшуюся подругу под локоть, толкая вперед... пальцы сомкнулись, поймав опустевший рукав. Алина исчезла.

Огромный кроваво-красный дракон пролетел сквозь меня, дохнул пламенем. Ненастоящим. Помощник, кто бы он ни был, все еще пытался отвлечь погоню иллюзиями. Упав на колени, я быстро нашла под Алинкиным тулупчиком черного ужа-Леона, потом подняла за ворот платье, тряхнула. Подхватила выпавшую из него пеструю змею. Сняла шапку, сунула в нее своих друзей и побежала дальше.

Оказавшись на улице, я вдруг сообразила, что понятия не имею, куда бежать. И как? Зимой, без вещей, без денег... Домик с голубыми стенами, окна гостиной призывно светятся, на крыше и карнизах весело перемигиваются огоньки новогодней гирлянды... Господи, сегодня Новый Год! Невероятно!.. А домой нельзя. Догонят. Найдут.

Шаги за спиной услышала слишком поздно. Времени не хватило ни оглянуться, ни убежать. Чья-то рука резко схватила за плечо, развернула.

Незнакомый паренек был одет, как раславский стражник.

– В городе вам нельзя оставаться, – быстро сказал он. – Поскачете в Ручейное. Тамошний трактирщик Силантий – человек надежный. Я сам возил к нему послания от воеводы, – парень повернулся и потащил меня следом за собой, по улице. – Лошадь ждет вон там, за углом.

Ехать одной, неизвестно куда...

– Может, вместе?

Он покачал головой.

– Но... у меня с собой ни вещей, ни денег, – запротестовала я, глядя, на приближающиеся окна гостеприимного домика Арины Павловны.

– Некогда! – отрезал стражник. Снял с пояса кошель, сунул мне в карман. – Буханка хлеба – в сумке у седла. Поторопись!

Он был прав. К сожалению. Я не слышала погони – в ушах шумело от быстрого бега, – но знала, что меня ищут. И не отпустят, пока не заберут Леона. Что с ним будет после этого, и оставят ли нам с Алиной возможность уйти – неизвестно.

Нога уже привычно нашла стремя, я запрыгнула в седло и не успела ни сказать спасибо неожиданному помощнику, ни попрощаться. Парень увесисто шлепнул лошадку по крупу и крикнул вслед:

– Поторопись!

Перед поворотом я все же оглянулась. Темная фигура стояла посреди пустой улицы согнувшись, словно подрубленное дерево, опираясь на тускло блестящую серповидным лезвием алебарду.

Глава 5. Зимние дороги

Снегопад начался еще до рассвета. Мороз, мягкие пушистые хлопья кружатся, медленно опускаются вниз, на земле – сплошное белое покрывало. Погода самая что ни есть новогодняя.

Дороги не видно. Лошадка бежит себе вперед, недовольно фыркая, а я уже не пытаюсь подгонять. Мы наверняка сбились с пути, но... куда-то же мы обязательно приедем. Возле Раславы не одно Ручейное – много других сел. Скорее бы только добраться. Вот ведь жалость – такая красота вокруг, а я, вместо того чтобы любоваться, шурюсь и пытаюсь разглядеть сквозь пелену снегопада хотя бы один огонек, хотя бы одно маленькое окошко, в котором горит зажженная свеча.

Время шло. Змеи в моей шапке не шевелились. Подняв воротник, я безнадежно жалела об отсутствии капюшона и то и дело смахивала с лица и ресниц влажные хлопья снега. Вот так Новый Год... Кстати, а ведь местные празднуют начало года весной, а значит сейчас, перед рассветом, все спокойно спят, и наверняка никто не позволил себе такого разгильдяйства, как зажженная лучина или свеча, забытая в горнице на столе.

От этой мысли стало еще холоднее. Я ведь могла уже проехать не один поселок и не заметить! А зимой светает поздно, да и снегопад вряд ли утихнет, и можно ехать долго, очень долго, прежде чем какая-нибудь деревенька соизволит попасться на моем пути.

Небо уже начинало светлеть, когда где-то слева, вдалеке мелькнул живой желтый огонек. Еще не веря глазам, я потянула поводья, лошадка послушно повернула на свет.

Это оказались окна большого трактира, стоящего на окраине села. Вывалившись из седла, я нащупала посиневшими пальцами несколько монет, вручила конюху – чтобы позаботился о моей четвероногой подруге, и, едва передвигая ноги, побрела к крыльцу. Лицо встретившего меня на пороге трактирщика показалось знакомым.

– Где я? Что за село?

– Вы в Ручейном, уважаемая.

Сил удивляться не было. Я заплакала.

Неведомо как, но трактирщик меня узнал. Вспомнил и Алину, и то, что мы были вместе с Леоном и Горынычем. Похоже, я была не первой, кто прибыл сюда из Раславы – о бунте знали. И спрашивали о воеводе, о Леоне. Я подтвердила слова тех, кто добрался сюда немногим раньше, но дополнять рассказ не стала. Змеи мирно спали в шапке – черная и пестренькая. По крайней мере я надеялась, что они действительно спят, и собиралась последовать их примеру. Но, едва согревшись, кутаясь в хозяйское одеяло и грея руки о горячую кружку, вдруг поняла, что надо делать дальше.

Хозяйка очень удивилась моей просьбе, но передала ее мужу, и тот пришел, самолично поднявшись в отведенную мне маленькую комнатку, за которую пока не потребовал платы.

– У вас ко мне дело?

– Да, – я закуталась поплотнее. – Скажите, вы знаете, где найти Горыныча?

Мужчина задумался, потербил бороду.

– Обычно он сам сюда заезжает, чтобы узнать, нет ли вестей от Леона или о ловушках. Мне оставляют записки или на словах говорят, что да как, я уж после ему передаю.

– И давно он был?

– Да вот... дня два как заезжал. Я ему передал, что в Коряках ловушку нашли. Повезло еще, сразу поняли, что к чему. Только один и попался.

– А когда он в следующий раз здесь появится?

Трактирщик развел руками:

– Откель же мне знать?

Ну все. Отогреться не получится. Теперь скакать по всей округе за этим змеем окаянным...

– И как же мне найти эти... Коряки?

* * *

Дорога была пустынна – только несколько цепочек конных следов в разные стороны. Лес постепенно приближался, сжимая объятия, и вот над головой – ветви в белом покрывале. Прыгнувшая прямо над дорогой белка струсила мне за шиворот несколько снежинок.

Хозяин трактира намекал, что одной ехать небезопасно, но сумасшедших, путешествующих в такую погоду верхом, не так-то и много. А до Коряк недалеко. Я выехала до рассвета, и надеялась, что буду на месте задолго до обеда. Однако не давала покоя мысль, что потеряно слишком много времени, и Горыныч мог уже давно разобраться со здешней ловушкой и уехать. Естественно, не сказав – куда. И тогда – ищи ветра в поле!

Деревни все еще не было видно. Лошадь сбавила темп и настороженно поглядывала по сторонам, а изредка поворачивала голову и смотрела на меня с укоризной.

– Ну чего ты, чего? – ее имени я не знала, а придумать пока не успела. – Наверное, устала, да? Не дали тебе отдохнуть по-человечески...

– Стой! – окрик за спиной испугал до полусмерти. Я пришпорила лошадь, посылая в галоп, и лишь тогда рискнула обернуться.

Всадник вдалеке тоже подгонял коня.

– Стой, дурак! Стой, нельзя туда! Нельзя! Поворачивай!

Опасность? Я нащупала за пазухой змей, перепятанных в небольшой мешочек, посмотрела вперед, на дорогу, потом вспомнила о ловушке. Если Арис здесь еще не был...

Моя лошадка с радостью повернула назад, а я пониже натянула шапку, и подняла воротник. Раз уж меня приняли за парня – хорошо, разубеждать не буду.

Всадник приближался. Из-под шапки с серой меховой оторочкой торчали темные патлы. Сердитое лицо, черная щетина, серо-зеленые глаза под насупленными бровями. Боясь поверить в такую удачу, я не смогла сдержать улыбку.

– Полоумный, что ли? – буркнул Горыныч, подъехав ближе.

– Привет! – я отвернула ворот и поправила шапку, открывая лицо. – Арис, ты меня узнаешь?

По взгляду поняла – да, теперь узнает. Вот только зачем-то поглядывает мне за спину и хмурится. Не рад, видимо, а жаль...

– И что ты здесь забыла? – это вместо приветствия.

– Тебя ищу, – на этот раз я успела заметить промелькнувшее во взгляде Ариса удивление.

– Зачем?
– Долго объяснять, – вести важный разговор посреди дороги совершенно не хотелось. – Просто у меня змеи...
– Какие змеи? – перебил он. – Зима ведь!
– И... что?
– А то. Что зимой змеи спят.
– Верно, – киваю. – Спят. Кажется...
Молчание.
– Ладно, – сдаюсь. – У меня с собой две змеи. Вот тут.
Взгляд Горыныча упирается в мой живот, потом поднимается к лицу. Изумление и сочувствие явно говорят о том, что меня приняли за умалишенную.
– Нет, я их не съела, – стараюсь улыбнуться, но нарастающее раздражение все портит. – Они у меня в мешочке лежат, за пазухой.
– И на кой тебе эти змеи?
Как же быстро он перестал удивляться!
– Ты ведь не знаешь, что случилось в Раславе?
– Случилось таки, – морщится. Оглядывается на дорогу и резко поворачивается ко мне. – А где твоя подруга?
Ну наконец-то! Осторожно, чтобы не потревожить своих спящих спутников, хлопаю ладонью по животу.
– Да-да. И Леон. Там же.

* * *

В лесу было красиво, даже празднично. Только... я уже устала ждать и немного замерзла, хотя, вопреки указаниям Ариса, спешила и наматывала круги вокруг лошади. Горыныч обещал, что вернется скоро, и поскакал к ловушке, куда я едва не угодила. Бррр... Вот понаставят же прямо на дороге! Что будем делать дальше – он не сказал, но хотя бы не отправил на все четыре стороны. Может, Леон в нем и не ошибся.

Прошло немногим меньше часа, прежде чем Горыныч вернулся, ведя под уздцы вороного. Вид у говорящего со змеями был не просто уставший – измученный.

– Ну что? – спросила я.

Он окинул меня взглядом, тяжело забрался в седло и бросил:

– Поехали.

В деревне нас ждали. Вилы, косы, лопаты... Горыныч велел мне остановиться, а сам подъехал ближе и крикнул:

– Эй, староста! Плату давай!

Мужик, высокий и плотный, сделал два шага вперед и с размаху что-то швырнул. Арис не поймал. Пришлось ему спрыгнуть и достать мешочек из снега. Спокойно пересчитав монеты, Горыныч забрался на коня и поехал прочь от негостеприимной деревни.

– И что, всегда так? – спросила я. До сих пор было неуютно от такой встречи.

– Как?

– Ну вот так. Сначала помочь просят, а потом встречают частоколом.

Он пожал плечами:

– Зато заплатили.

– А могли не заплатить?

– Вполне.

– Да ну! – это заявление меня удивило. – Если один раз не заплатят, потом ты просто не придешь!

Арис хмыкнул, помолчал немного и сказал:

– Ладно. Ты это... рассказывай.

Вокруг – снова дремучий лес. И ни дороги, ни приметной тропки. По словам Горыныча, неподалеку было охотничье зимовье, почти заброшенное после того, как посреди пятачка, очищенного от сгоревшего леса, появилась деревня Коряки. Но иногда охотники прятались там, пережидая непогоду.

Мой рассказ на Ариса впечатления не произвел. Он слушал молча, поглядывал по сторонам, смотрел в небо, шурясь от солнца. А после подытожил:

– Метель будет.

Домик показался за деревьями, наполовину засыпанный снегом, похожий на сказочную избушку Деда Мороза. Но когда, расчистив крыльцо, Арис толкнул тяжелую дверь, очарование пропало.

Пыль, темнота. Давным-давно остывшая зола в открытом очаге. Я нерешительно оставалась. Горыныч прошел к печи, оставляя белые следы на деревянном полу, присел. Дрова небольшой аккуратной кучкой лежали рядом. Арис положил в очаг несколько чуряков и достал из кармана обыкновенный спичечный коробок.

Огонь загорелся, сперва несмело, потом, весело потрескивая, обнял сухие дровишки. От его света в домике сразу стало и уютней, и теплей.

– Ты тоже бываешь в аномалиях? – смахнув рукавом пыль с массивного табурета, я присела у стола.

– Редко, – Арис бросил потухшую спичку в огонь. – Доставай своих... змей.

Осторожно вынутые из мешочка, две змейки неподвижно лежали на столе. Горыныч долго смотрел на них, потом изрек:

– Спят.

– Вижу. Может, их разбудить?

– Зачем? Пусть уж лучше так... – он нахмурился, приподнял змею-Алину двумя пальцами. – Особенно эта.

– Почему? – удивилась я, пристальнее приглядываясь к своей видоизмененной подруге.

– Потому что если укусит – мало не покажется.

– Да? – запоздалый испуг при мысли, что меня уже не раз могли укусить прямо в живот, заставил вздрогнуть. – И что теперь делать?

– Держать их где-нибудь, где попрохладней. Чтоб не проснулись. Хотя бы в кармане...

– Нет, я о другом. Что делать, чтобы вернуть им прежний облик?

– Найти того, кто сумеет это сделать, – Горыныч поднялся. – Знаю одну женщину. Живет недалеко. Дня три ехать.

Я едва сдержалась, чтобы не закричать: «Ура!» Казавшаяся ужасной ситуация теперь представлялась в совершенно ином свете. Итак, пока Леон с Алиной мирно спят, мы найдем колдунью, которая снимет чары. И все. Пожалуй, в невозмутимости Ариса таки есть свои преимущества. Улыбнувшись, я осторожно погладила пальцем пеструю змейку.

– В нашем мире такие тоже водятся, да?

– Да, – подтвердил Горыныч. – Это эфа. По крайней мере, похожа, – он поднялся и направился к двери. – Лучше поспи, пока есть время.

– А ты куда? – встрепенулась я.

– Караулить, – коротко ответил Арис и вышел.

* * *

Огонь в очаге мирно потрескивал, на сложенных горкой сучках плясали рыжие лепестки. Единственное окошко без стекла было плотно закрыто ставнями, снаружи доносился то ли гул,

то ли вой. Я свернулась калачиком на скрипучем топчане, надеясь отдохнуть перед дорогой, змей спали в темном углу, подальше от печки. Горыныч вернулся и устроился прямо на полу перед огнем, расстелив свой тулуп и положив под голову большие рукавицы. Наверное решил, что в такую пургу никто в здравом уме в лес не сунется, а не в здравом – пройдет мимо домика и не заметит.

Когда метель стихла, мой спутник сам покормил лошадей остатками овса и хлеба, проверил сбрую, и мы снова отправились в путь.

Была ночь – ясная, звездная. Нарядные деревья в снегу и скрытая под снегом тропка вдоль опушки. Среди замерших стволов что-то двигалось – большое, серо-белое. Словно одно из деревьев вздумало прогуляться лесом.

Лошадь остановилась – резко встала, как вкопанная. Я следила за странным существом или видением, не в силах пошевелиться. И лишь когда нечеткий силуэт оказался достаточно далеко, прошептала:

– Кто это?

– Хозяин леса.

– Леший?

Арис ответил не сразу:

– Может и так.

Существо, кем бы оно ни было, скрылось из виду. Было еще немного жутко, но лошадка уверенно пошла вперед. Я запомнила то место, где леший подходил к кромке леса, и тщетно всматривалась, пытаясь разглядеть следы. Арис только усмехнулся. Наверняка знал заранее, что я ничего не увижу.

– Скажи, Горыныч, а ты раньше лешего видел?

– Пару раз. Мельком.

– И? Как он выглядит?

– Да я не разглядел, – Арис задумался, словно хотел добавить что-то еще, но промолчал.

– А кого ты еще видел? – не унималась я, но все еще под впечатлением от ночной встречи, говорила шепотом. – Из тех, кого в нашем мире не существует... Домовых, русалок? Кикимор?

– Русалок видел, – нехотя признался он.

Вот же, каждое слово приходится словно щипцами вытягивать!

– И?

– Что «и»? Русалки как русалки.

– Нет, ну тебе что – жалко рассказать? – я уже теряла терпение. Мы с Алиной мало успели увидеть, и нечисть сейчас пуганая, прячется постоянно... – Скажи, это правда, что русалки – все молодые и красивые, что они по ночам хоромы водят, а если кого встретят на берегу – заманивают в воду и топят?

Прошла целая минута, прежде чем Горыныч соизволил буркнуть:

– Правда.

– Значит, они тебя не видели? Русалки?..

– Видели.

– А чего ж не утопили?

Арис зыркнул из-под шапки. Хотел, видно, ответить, но сдержался.

Всю ночь и день мы ехали, лишь пару раз остановились перекусить. Я уже смирилась с тем, что вся нижняя часть туловища за несколько часов становится как чужая – вероятно, с непривычки, и только опасалась – не заболеть бы. Алинка сейчас меня уж точно не вылечит, аптечки нет, а искать лекарку по ближайшим селениям – слишком долго. Под вечер следующего дня мы приехали в трактир. Ариса здесь не знали, нас приняли за местных и охотно выделили комнату. Где ночевал мой спутник – я не знала. Положила змей в уголке и, устроившись на постели, проспала до самого утра.

Перед тем, как снова забраться на свою все еще безымянную лошадку, я протянула Горынычу кошелек незнакомого стражника.

– Ты ведь и лошадь мою покормил, и за комнату заплатил... – объяснила в ответ на его удивление. Арис нахмурился и мрачно посоветовал:

– Держи свою мелочь при себе.

В селении, где нам пришлось заночевать, был большой рынок, разросшийся на всю центральную площадь и ближайшие улицы. На этом рынке мы собирались купить еду – себе и лошадям. Пока Арис занимался покупками, я глазела по сторонам, разглядывая другие товары – платья, бусы, пояса... И вдруг заметила у одного из прилавков множество клетей: в некоторых были птицы, в других – какие-то мелкие грызуны. Бедняжки, наверняка, замерзли, но молодого торговца это мало волновало – он громко расхваливал свой товар, зазывая покупателей.

Я подошла ближе и с сожалением поглядывала на бедных зверьков. Правда, выступать за права животных не собиралась – себе дороже.

Горыныч тоже подошел и удивленно уставился на сине-зеленую ящерку, которая, не обращая внимания на мороз, весело ползала по коробочке. Продавец тут же оказался возле Ариса.

– Заморская порода. Холода не боится. Всю зиму играет, в спячку не впадает, – и улыбнулся. – Отдам всего за пять золотых!

Я аж закашлялась от такой наглости.

– Две. Серебром, – ответил Арис.

– Но ведь это... – торгош осекся, видя, что клиент собирается уходить, и вздохнул. – Хорошо. Три серебром – и она ваша.

Горыныч невозмутимо положил на прилавок две монеты, забрал ящерку в коробке и, кивнув мне, пошел дальше. Мне все хотелось спросить, зачем ему эта ящерица, но – не мое это дело, наверное.

Новая питомица Ариса еще час металась по коробке, как сумасшедшая и только после, словно обессилив, наконец, улеглась. Горыныч положил ее в рукавицу и спрятал в карман, сказав:

– Пусть греется.

А вечером, когда мы остановились на ночлег в заброшенном доме на окраине села, он достал рукавицу и вытряхнул на ладонь неподвижное тельце.

– Заснула? – спросила я.

– Ага. Насовсем, – Арис провел пальцем по переливчатой спинке ящерицы. – Думал, отойдет в тепле. А они, видно, что-то с колдовством своим перемудрили...

– Так ты знал?

Он пожал плечами, не ответил. Ящерицу вынес на улицу и положил под кустом. Потом вернулся, велел мне спать и по дому не лазить, потому как не зря же он заброшенный, может, что-нибудь недружелюбное завелось. После этих слов уснуть было крайне сложно, но усталость, к счастью, взяла свое.

Следующий день прошел без приключений, если не считать встречи с охотниками, которые не заподозрили в нас колдунов, а потому лишь поздоровались да поскакали себе дальше. А когда в воздухе повисла синяя дымка зимних сумерек, Арис вдруг сообщил, что мы приехали.

Поселок еще не спал, по улицам ходили люди. Мы обогнули деревню лесом и, как можно незаметней, подобрались к калитке небольшого домика, стоящего на отшибе и окруженного высокими соснами. Его окна были темны, дорожка к крыльцу гладко замечена снегом.

Горыныч спешил, пробурчал что-то себе под нос и, отворив калитку, пошел к дому. Постучал, не дождавшись ответа, толкнул дверь.

В доме никого не оказалось. Велев мне с лошадьми спрятаться за сарайчиком, чтобы деревенские не углядели, Арис сказал, что попробует узнать, где колдунья, и пошел сперва вдоль опушки, а потом зачем-то свернул в лес. Вернулся он быстро.

– Ты не сильно устала?

– Да так, не очень, – я насторожилась, потому что вопрос не обещал ничего хорошего.

– Дай руку.

Шершавые пальцы сомкнулись на моем запястье. Арис недоуменно нахмурился, потом хмыкнул:

– Вот оно как... Ладно, – вздохнул. – Там ловушка, совсем рядом. Люди о ней пока не знают. А у меня сил не хватит справиться.

– Понятно, – я кивнула и, сосредоточившись, позволила собственным жизненным силам перетекать в чужое тело, пока меня не остановило резкое:

– Хватит!

На этот раз ждать пришлось дольше. Запершись в доме и пугаясь каждого шороха. Арис вернулся, устало плюхнулся на скамью и уставился на змей, лежащих прямо на столе. На землю опустилась ночь.

Я не сразу решилась заговорить. В темноте было неудобно, даже немножечко страшно – хотя бы лучину зажечь... Но если вернется хозяйка, не будет ли она против такого самоуправства?

– Горыныч, – тихо позвала я. – А здешняя колдунья не рассердится, если застанет нас в доме?

– Нет.

– Ты уверен?

– Уверен, – он поднялся, огляделся и, наконец, зажег лучину, вставив ее в самодельный светец. – Поесть надо бы.

Ужин получился довольно скудный – готовить не было желания. Пожевали хлеб с сыром, запили водой. Горыныча что-то беспокоило, и раз уж я это заметила, значит, дело было действительно серьезно. Змеи спали – мирно и беспечно.

– Колдунью завтра поищем, да? – сказала я просто для того, чтобы не молчать.

– Я ее уже нашел, – Арис опустил голову на сложенные руки. – Я много кого нашел.

Спрашивать, где и как, не было надобности.

Лучина догорала. В наползающей темноте тени пришли в какое-то необъяснимое движение. Звуки, почти неразлично тихие, становились громче – было слышно, как ветер свистит, врываясь сквозь щели на чердак, как поскрипывают доски. Обычные звуки пустого дома, именно из-за них и рождаются легенды о домовых и прочих невероятных существах. Впрочем, в этом мире встретить домового вполне реально, но только не в жилище колдуньи.

Я думала над словами Горыныча и смотрела на змей. Скромный черненький ужик и украшенная красно-коричневым узором эфа. Что же теперь будет с ними?

Глаза уставали, и я не сразу поняла, что змеи ожили. Ужик едва заметно шевелился, а вот Алинка оказалась резвей. Она медленно поползла по столешнице, а потом вдруг подняла голову и зашипела.

Я завизжала и отскочила от стола, уронив табурет. Эфа плюхнулась вниз, на пол, и ринулась ко мне, явно намереваясь атаковать.

– Алина, стой! Стой, это я, Женя!.. Стой!

Запрыгнув на низенький топчан, я потянулась руками к потолку, проверяя, не смогу ли уцепиться за балку. Змея подползла к деревянной ножке, обвила ее туловищем... И в это время ее схватили. Горыныч наконец-то соизволил прийти на помощь, бесцеремонно поднял мою подругу двумя пальцами, подержал немного и положил на пол. Эфа покрутилась на месте и плавно поползла к двери.

– Куда?..

Опасения оказались напрасными. Змея остановилась возле двери и свернулась изящными кольцами.

– Чего это она? – тихонько спросила я, все еще опасаясь новой атаки.

Горыныч подошел к столу, под его мрачным взглядом ужик подполз к краю столешницы, шлепнулся на пол и присоединился к эфе, улегшись неподалеку от нее.

– Пусть караулят, – ответил Арис.

– А может... лучше их пока усыпить?

– Сам сначала посплю.

Как он мог спать, когда столько людей погибло в расставленной кем-то ловушке, сами мы – в доме мертвой колдуньи (сколько неприятных сюрпризов он таит?), а наши друзья – Алина и Леон – в облике змей вынуждены караулить наш сон?.. Но Арис преспокойно проспал до утра. На мой вопрос, что делать дальше, ответил: искать другого колдуна. Усыпил змей и, наказав запереться и никому не открывать, отправился к сельскому старосте.

Ждать оказалось тоскливо. До сегодня все было ясно и понятно: приедем к колдунье и расколдуем друзей. Теперь же... где искать пришельца с похожими способностями? И есть ли такие вообще? Да и меня наверняка ищут те, кому нужен Леон.

Стук в дверь раздался внезапно, заставив меня вздрогнуть и замереть, не решаясь даже перевести дыхание.

– Эй! Есть кто-нибудь дома? – спросил голос, показавшийся знакомым. Хотелось спросить, кто там, но куда безопаснее притворяться, что дома никого нет: постучат, постучат – и уйдут.

Стук повторился.

– Полина, ты тут? Открывай, это я, Максим!

Максим? Я подлетела к двери.

– Какой такой Максим?

– Женька, ты что ли? – раздался за дверью удивленный возглас, и я, отбросив сомнения, отодвинула щеколду.

Максим влетел в горницу, раскинув руки, и я не смогла увернуться от крепких дружеских объятий. Длинные полы его плаща взметнулись, струсив облачко снежной пыли.

– Женька! Ну наконец-то я тебя нашел! – Макс отстранился, взгляд стал серьезным. – Где они?

– Ты знаешь, что случилось? – осторожно поинтересовалась я.

– Конечно, – он усмехнулся. – Вся Раслава знает, что Леона и его... и твою подругу превратили в змей. Ты не представляешь, что было! Когда вы сбежали, в городе такое началось!.. В общем, хорошо, что ты успела их увезти.

Он осмотрелся, тщетно пытаясь углядеть припрятанных змей.

– А зачем ты нас искал?

– Как зачем? – Максим рассеянно пожал плечами. – Чтобы помочь.

– А ты можешь? – насторожилась я.

– В принципе, я думал, вам уже помогли. Полина... колдунья, которая тут живет, она умеет снимать чары. Или... – Макс резко развернулся, взгляделся в мое лицо. – Или она их уже расколдовала? Тогда где?..

– Колдунья умерла. Раньше, чем мы приехали.

На лице Максима отразилось одновременно удивление и сожаление.

– Как?

– Ловушка.

– Опять? – он вздохнул. – Их слишком много развелось.

– Верно, – с этим нельзя было не согласиться. – Теперь придется искать кого-то еще, кто сможет расколдовать Алинку и Леона.

Макс поглядел на меня с недоумением, потом широко улыбнулся:

– Чего искать? Я сам пришел!

Не в силах поверить в невероятное везение и все еще опасаясь подвоха, я дрожащими руками уложила спящую эфу на тахту, а ужа – прямо на стол.

– С кого начнешь? – мой голос дрожал, но Максим и сам волновался.

– Кто из них – Алина? – спросил он. Я указала на эфу. Мужчина вздохнул и повернулся к столу, вперившись взглядом в ужа-Леона. – Тогда начну с него. На всякий случай.

– Если ты не уверен...

– Уверен, – еще один вздох. – Но вот со змеями я дела не имел. Ты... Жень, ты меня подстрахуешь, если что?

– В смысле?

– Если сил не хватит.

Я кивнула. Максим сбросил плащ, подошел к столу и, вытянув руки, прикрыл глаза. Ничего не происходило. Макс медленно выдохнул, покачнулся... И в этот миг уж исчез. На столе лицом вниз неподвижно лежал человек. Спину пересекал старый изогнутый шрам, темно-русые волосы, чуть отросшие, почти закрывали шею.

Макс устало оперся о столешницу и слегка ошалелым взглядом смотрел на спящего. Опомившись, я обошла стол и, приподняв спутавшуюся русую челку человека, заглянула в его лицо.

– Леон... Слава Богу, это он.

Максим закашлялся и едва смог выговорить:

– Буди!

Сказать было легче, чем сделать. Я боялась, что придется дожидаться Горыныча, но стоило протереть лицо Леона влажной тряпкой – он поморщился и открыл глаза. Несколько секунд смотрел на меня непонимающе, потом приподнялся на локтях.

– Жень?... – прошептал он и огляделся. – Макс? Что... что происходит? Где мы?

Невероятно! Получилось. Неужели получилось?

Взгляд ощупал знакомое лицо, широкие плечи, руки, от холода покрывшиеся «гусиной кожей»...

Спохватившись, я принесла ему одеяло, и когда Леон с помощью Макса слез со стола и почти упал на табурет, спросила:

– Что последнее ты помнишь?

– Главную площадь. Бунт, – он вздохнул, провел ладонями по лицу. – Потом ничего...

– Совсем?

Леон покачал головой.

– Только странный сон, как будто я лежал на полу и охранял огромную дверь, чтобы никто не вошел внутрь. Арис... кажется, я помню его голос... и змею... Большую, больше меня, – он тряхнул волосами. – Ничего не понимаю...

Мы с Максимом переглянулись.

– Это он, – уверенно заявила я. – Давай теперь Алину.

– Алину? – Леон огляделся. – А где она?

Проследив за нашими взглядами, он увидел спящую на тахте эфу, изумленно привстал, но тут же снова опустился на табурет.

– Ее превратили в змею, как и тебя, – я подтащила еще одно одеяло – для подруги, положила на лавку, рядышком. – Сейчас Максим будет расколдовывать.

Леон обернулся, посмотрел на товарища, но ничего не сказал. Его взгляд вернулся к пестрой змее, лежащей на серо-коричневом покрывале. Макс подошел ко мне, взял за руку.

- Жень, ты... поделишься?
- Да, – моя ладонь опускается на его плечо.
- Спасибо.

Вздых. Тишина. Максим долго не решается начать, но... вот снова поднимает руки, закрывает глаза. Проникающие снаружи звуки кажутся слишком громкими, и, наверное, отвлекают. Максим стоит, его тело жадно впитывает энергию, своей ему не хватает. Да и моя уже на исходе. Ну почему же так трудно?

Голова закружилась, я позволила себе прикрыть глаза лишь на миг, а когда открыла... Максим скользнул вперед, упал на колени возле тахты, на которой, прикрытая длинными светлыми волосами, лежала Алина.

Леон пришел в себя раньше остальных: подошел к тахте и, укрыв мою подругу своим одеялом, взял себе другое, еще холодное и сыроватое. Сел рядом на полу. Его взгляд скользнул по рукам Максима, сжавшим Алинкино запястье.

Голова кружилась все сильнее, пальцы едва успели найти столешницу, ухватиться за нее, но на ногах я не удержалась и все-таки упала. Видно, отдала Максиму для превращения едва ли не все свои силы. Леон что-то спросил, наверное, справился о моем самочувствии.

- Все в порядке. Устала просто.

Почти не соврала. Туман перед глазами рассеялся, удалось даже справиться с подступившей тошнотой.

Оглушительный грохот заставил болезненно съежиться. Дверь слетела с петель и тяжело ухнула о деревянный пол. Горыныч буквально впрыгнул в дом и замер посередине помещения, оценивая обстановку. Клинки длинных ножей сверкнули, поймав свет зимнего солнца, и исчезли в ножнах.

- Здравствуй! – Леон попытался ободряюще улыбнуться. – Это действительно я.

Арис резко выдохнул, словно выпуская пар, и обернулся ко мне, грозно глядя сверху вниз:

– Какого черта? Я же сказал: никому не открывать! – и уже тише: – Помоги подруге одеться. Мы уходим.

– Женечка!... – карие Алинкины глаза отчего-то наполнились слезами. – Ой, Женечка, мне такое снилось... А где мы?

Она увидела Леона и покраснела. Потом сообразила, что раздета, и совершенно смутившись, спрятала глаза. Макс притащил вещи погибшей колдуньи, которая была женщиной миниатюрной, и ее одежда пришлась Алине почти впору. Леон же одолжил у Максима запасные штаны и рубаху, а на полу под лавкой нашел старючий, в дырах и пропалинах, тулуп, покрытый кошачьей шерстью. Наверное, на нем когда-то спала хозяйская любимица, которая теперь исчезла. Быть может, пряталась от незваных гостей на чердаке.

От деревни к домику колдуньи двигалась толпа. Оставалось лишь надеяться, что среди их нехитрого вооружения нет луков. Намерения людей были ясны, и мы побежали тропкой к лесу. Туда, где недавно была ловушка. Горыныч считал, что селяне за нами не пойдут – побоятся.

- Лошади! – напомнила я.
- Нет! – отозвался Арис. – Увели, сволочи...

Из всей нашей компании лишь он твердо держался на ногах. Леон и Алина быстро приходили в себя, а вот мы с Максимом только что не шатались.

- Тебя понести? – предложил Леон.
- Я резко замотала головой – этого еще не хватало!

Вот он – поворот, укрытая снегом дорога. Цепочки следов – почти все запорошенные, и одна, еще четкая, туда – и обратно. Алина вскрикнула. Через мгновение я поняла – почему. Чье-то лицо – белое, безжизненное, почти спрятанное под снегом, рука в алой варежке с узором... А вон еще холмик... и обгоревший до черноты пенек. А рядом...

Ноги стали заплетаться, и я решила не смотреть. Потом когда-нибудь спрошу у Ариса, что они такое – эти ловушки, и как у него получается их расколдовывать.

Максим отставал все больше, выбиваясь из сил.

– Я останусь, – крикнул он, обращаясь преимущественно к Леону. – Я смогу их задержать, бегите!

Ага, сможет он! Ничего, я уже неплохо себя чувствую, поделюсь еще немного. Протягиваю руку, пытаюсь поймать запястье Максима, но его пальцы выскальзывают из моих в последний миг, а сам Макс оказывается переброшен через плечо Ариса. Горыныч недовольно смотрит на меня, и тут же оглядывается назад. Я тоже оглядываюсь.

Не побоялись таки. Бегут.

– Жень! – кричит Алина впереди. – Жень, аномалия!

– Где? – едва сдерживаю вспыхнувшую радость: вот уж куда местные точно не сунутся!

– Там, за лесом! – подруга машет рукой на седую стену деревьев слева от дороги.

– Поворачиваем! – командует Леон, опередив меня, и, держа Алину за руку, первым прыгает с наезженного пути в глубокие сугробы.

Теперь бежать стало труднее. Преследователи тоже не обрадовались. Среди них было трое всадников, но они не решались оторваться от своих.

– Чтоб вас волки порвали, бесовы дети! – с чувством пожелал кто-то нам в спины.

Я догнала Алинку, взяла за руку. Лес или то, что от него оставила так кстати появившаяся аномалия, был совсем небольшим. Сквозь деревья виднелись очертания высоток, трубы котельной, из которых валил белый пар, чудовищные конструкции ЛЭП.

– Город! – в один голос завизжали мы с Алиной. – Город! Ура!

И с радостными криками понеслись вперед.

Глава 6. Рождество в аномалии

Мы бежали по улице незнакомого города, счастливые, не задумываясь о том, как странно выглядим в своей невероятной для нашего времени одежде. По дороге я поскользнулась, Алинка придержала меня, едва сама не грохнувшись, и дальше мы пошли шагом.

Улочка провела нас через небольшой частный сектор в спальный микрорайон на окраине. Уютные дворы с пустующими качелями и горками, серые девятиэтажки, редкие автомобили пробираются по засыпанным снегом дорогам. Кое-где в окнах, несмотря на дневное время, видно огни украшенных к празднику ёлок.

– Рождество скоро, – вспомнила я. Посчитала дни и удивленно сообщила подруге: – Кажется, как раз сегодня ночью!

– Хорошо бы родители смогли приехать, – мечтательно вздохнула она. – Надо найти телефон!

Максим откровенно радовался, почти как мы с Алиной. И даже что-то насвистывал под нос – ненавязчивое, веселое. По дороге он успел разузнать, в каком городе мы находимся, и был приятно удивлен, сообразив, что бывал здесь раньше: ездил по делам фирмы, когда еще жил обычной жизнью в нашем родном мире.

Арис выглядел мрачным, как обычно, и хмуро зыркал по сторонам. Леон смотрел вокруг с интересом и удивлением. Запрокидывая голову, разглядывал дома, и, кажется, считал этажи. А когда мы вышли на улицу, по которой ездили автомобили, Леон насторожился, словно дикий зверь, оказавшийся на чужой территории. Но от машин все же не шарахался.

– Я первый раз в городе вашего мира, – тихо сказал он. – Мне рассказывали многое, но... да, стоит хотя бы раз все это увидеть самому.

– Поверь, мой друг, ты еще ничего не видел! – Максим хлопнул Леона по плечу. – Ну, не страшно! Если нам удастся остаться здесь хотя бы на несколько дней, я покажу тебе много интересного!

Недалеко от дороги, напротив здания кинотеатра, была установлена высокая елка, украшенная электрическими гирляндами. Мы прошли мимо нее, миновали небольшой базарчик, цветочные киоски... Люди косились на нас, но, наверное, списали наш внешний вид на пред рождественский маскарад. По крайней мере, хотелось на это надеяться... А потом я, наконец, заметила на стене магазина несколько телефонов-автоматов, и мы с Алинкой радостно побежали к ним, попутно споря, кто будет звонить первой.

И только оказавшись на месте, я вспомнила, что денег у нас нет.

– Вот черт...

Пальцы вцепились в телефонную трубку и не хотели ее выпускать. Запоздало пришло понимание, что и жить нам в городе будет не на что, и даже если мы где-нибудь найдем мелочь на телефонный звонок, то денежного перевода не получим, потому как документы остались в Раславе, вместе с другими вещами, спрятанные в наших с Алиной рюкзаках.

– Что случилось? – спросил Леон. Видно, мое побледневшее лицо его встревожило.

– У нас денег нет, – я пожала плечами. – Даже на звонок.

– Да не вопрос! – воскликнул Макс. Запустил руку во внутренний карман меховой куртки и, поискав там, протянул мне несколько желтых монет. – Этого хватит?

Торопливо поблагодарив, я сгребла подаренное мне богатство в карман, бросила парочку кругляшков в щель автомата и набрала номер. А когда на том конце провода наконец подняли трубку, закричала, рискуя оглушить собеседника:

– Мама! Mamочka, это я!

Пока Алина, сменив меня у аппарата, звонила домой, папа успел заказать четыре билета и, когда я перезвонила, сообщил, что они приедут вместе с Алинкиными родителями на центральный автовокзал завтра днем. Мама уже отправилась собирать вещи по продиктованному мной списку. Оставалось лишь дожидаться завтрашнего дня и надеяться, что аномалия не исчезнет.

В городе было хорошо просто потому, что это был наш мир. Немного сумасшедший, но такой родной и знакомый. Даже запах гари и автомобильных выхлопов не заставлял брезгливо морщить нос, хотя после чистого лесного воздуха ощущался слишком сильно. Гудели машины, играла музыка... Узнав, где находится автовокзал, мы неторопливо шли в заданном направлении, мимо домов и ярких витрин, мимо раздающих рекламки Дедов Морозов и Санта Клаусов. Шли в основном молча, только Леон иногда о чем-то спрашивал, и тогда кто-то из нас троих отвечал ему. Горыныч не в счет – он, как всегда, отмалчивался.

Эйфория прошла, когда устали ноги. Я долго выглядывала лавочку и, наконец, нам повезло. На уютной аллее, перетекающей в парк, мы уселись все вместе на одну длинную скамью. Арис и Максим достали свои припасы, разделив еду на всех. Алинка, зажата между мной и Леоном, опустила голову мне на плечо и смотрела вверх, где сквозь узор оголенных ветвей синело вечернее небо. Фонари зажглись, и редкие снежинки в их свете вспыхивали серебряными искрами.

– Придется ночевать на улице, – нехстати объявила я. – Хорошо, что сегодня праздник. Людей будет много.

– Ничего, – подруга беспечно махнула рукой. – Одну ночь потерпим, правда? А завтра уже родители приедут...

Горыныч сидел на самом краю, возле Леона, и настороженно разглядывал прохожих. Перехватил мой взгляд, нахмурился, словно вспомнил о чем-то и, поднявшись, встал напротив Макса, заслонив желтоватый свет фонаря.

– Как нашел? – коротко спросил он.

Максим, как ни странно, понял, о чем речь.

– Я был знаком с Полиной. Рано или поздно, вы бы к ней приехали.

– Это ты расколдовал? – не унимался Арис. – Не знал, что умеешь.

– Конечно, не знал, – Макс прищурился. – Я не рассказываю о своих способностях. Так, скажем, безопаснее. Сам понимаешь...

– Ясно, – прервал его Горыныч. Развернулся и отошел от нашей лавки. Недалеко, всего на шагов десять, но теперь казалось, что он здесь сам по себе, не с нами. Запрокинул голову и смотрел, как падает снег.

– Горыныч в своем репертуаре, – тихо прокомментировал Максим. – Никому не доверяет. В принципе, это правильно. Мы с ним не настолько близкие друзья...

– Кажется, он не рад тому, что мы здесь, – прошептала Алина.

– Есть причины, – Леон улыбнулся. – Девушки, вы не замерзнете?

– Можем и замерзнуть, – серьезно ответила подруга.

– Тогда, может, пойдем? – предложила я.

Алинка вздохнула.

– Давай еще хоть пять минут посидим. Я так устала!

– Ну давай...

Двигаться, и правда, не хотелось. Леон, вежливо спросив разрешения, обнял сидевшую рядом с ним Алину за плечи – конечно, лишь чтобы согреть. Максим последовал его примеру, правда греть ему пришлось меня. Я чувствовала себя неловко, украдкой поглядела на Алинку, Леона... и вдруг вспомнила, что давно хотела кое о чем нашего друга спросить.

– Леон, скажи, ты ведь сын раславского воеводы?

Он удивленно приподнял брови, потом ответил:

– Да.

– А почему скрывал?

– Я не скрывал, – мягко поправил он. – Просто не говорил. Это ведь ничего не меняет, верно?

– Верно, – согласилась я. – А еще мы теперь знаем, как тебя зовут. По-настоящему.

Леон страдальчески скривился, а Алина обеспокоено и почти испуганно посмотрела на меня:

– Ой, Женечка, а я, кажется, забыла! Там сказали что-то такое длинное...

Макс хихикнул и потребовал:

– Озвучь!

Мы посмотрели на Леона, тот кашлянул и нехотя выдавил:

– Леопольд.

Алинка икнула, наверняка очень стараясь не засмеяться. Я легонько толкнула ее локтем и, весело прищурившись, посмотрела на нашего Леопольда Алексеевича:

– А что, тебе подходит! Помните? «Ребята, давайте жить дружно!»

Подруга не выдержала и засмеялась, смущенно спрятав лицо в ладонях. Мы с Максимом тоже. Леон, глядя на нас, растерянно улыбался.

Веселье было прервано появлением Ариса.

– Вставайте. А то примерзнете тут, – проворчал он.

Мы как раз немного согрелись от смеха, но спорить не стали и, поднявшись, дружно пошли по аллее к расцветающему разноцветными огнями парку, упорно борясь с желанием спрятаться в тепло и стараясь не думать о сегодняшней ночи.

* * *

Я не ошиблась. Действительно, Рождество... В парке людей немало – и парочки, и компании, и семейные пары с детишками гуляли вокруг огромной, сияющей разноцветными огнями, ёлки. Тут же прогуливались и Деды Морозы со Снегурочками, предлагая сфотографироваться. Все, как обычно. Только после, вдоволь нагулявшись, все эти люди отправятся по теплым квартирам, к накрытым столам, кушать голубцы, вареники и кутю, смотреть праздничные концерты, а потом улягутся в теплые постели – кто-то сразу, кто-то под утро – чтобы набраться сил перед новым праздничным днем.

От таких мыслей становилось еще холоднее, и кушать хотелось сильнее. Максим извлек из кармана еще какие-то деньги и купил на них обыкновенного хлеба – это было недорого, но довольно сытно.

– Уже завтра мы будем спать в тепле, и сможем вымыться под горячим душем, – я мечтательно прикрыла глаза, вспоминая съемную квартиру в последнем городе родного мира, где нам с Алиной довелось побывать.

– А ваши родители не будут против такой компании? – спросил Макс.

– Мы скажем, что вы – наши друзья, – улыбнулась Алина. – И мы без вас – никуда!

– Кстати, – мне в голову пришла идея, не слишком заманчивая, но... – я придумала, где можно погреться. Идемте на вокзал!

К счастью Максим помнил, где находится железнодорожный вокзал. Мы шли по центральным улицам – ярко освещенным, нарядным и многолюдным. По проспекту ехали автомобили, возле магазинов и ресторанов на деревьях светились разноцветные лампочки.

Шедший позади Арис внезапно остановился.

– Чертова стекляшка, – пробормотал он.

Мы услышали и обернулись. Горыныч смотрел исподлобья на спускающихся по ступеням из кафетерия людей, потом отвел глаза.

– Что? – негромко спросил Леон, подойдя к нему.

– Она там.

Леон понимающе кивнул.

– Предлагаю пойти другой улицей, – заявил он и, хлопнув Ариса по плечу, свернул в проулок.

Теперь они вместе шли впереди. Горыныч думал о чем-то, потом изрек:

– Странно, – и, на вопросительный взгляд Леона, пояснил: – Как-то сразу, в первый же вечер.

– Может, просто случайность? – предположил сын воеводы.

– Может. Или эта аномалия долго не продлится.

Неизвестно еще, впустили бы нас внутрь или нет, если б не Максим. Он так обаятельно улыбался суровой женщине на входе в зал ожидания, и так беззастенчиво строил глазки, что дежурная растаяла и пропустила всех без лишних вопросов. В принципе, выглядели мы довольно чисто, кроме Леона, на котором был жуткий старый тулуп, и на бомжей похожи не были. Алина сказала, что мы приехали родных встречать, но ее слова очарованная Максом женщина уже пропустила мимо ушей.

Расположившись в глубоких жестких креслах, мы наслаждались теплом. А после стало клонить в сон. Алина первой опустила голову мне на плечо и задремала. Я обернулась, увидела рядом с собой Леона и решила, что позволю себе некую вольность. Привалилась к нему, отбросив смущение, наслаждаясь желанной близостью, и долго сидела так, стараясь не шевелиться, прежде чем смогла, наконец, заснуть.

Утром охрана сменилась. Нас попросили на выход.

Мы с Алиной вышли на улицу в обнимку, еще немного сонные, хотя успели немного умыться и привести себя в порядок.

– Пойдем на автовокзал? – спросила подруга.

– Рано еще...

– Да, – согласилась Алина и вдруг улыбнулась. – С Рождеством!

– О, точно! С Рождеством! – Максим быстро огляделся и хитро подмигнул: – Так, сейчас вам будут подарки!

И убежал. Мы остановились в недоумении, но Макс вернулся очень быстро, протянул нам с Алиной маленькие елочные игрушки: дешевые пластмассовые сосульки, голубую и розовую.

– Правда, подарки только для дам, – он развел руками, как бы извиняясь перед Леоном и Арисом.

Я изумленно вертела в пальцах блестящую и почти невесомую игрушку цвета холодного неба.

– Где взял? – спросила.

– Где взял – там уже нет, – он кашлянул. – Сама как думаешь?

– Предпочитаю об этом не думать...

– Правильно, – похвалил Максим, потом, спохватившись, вытащил из кармана обрывок серебристой мишуры и, поколебавшись мгновение, протянул Алине: – Это так, в нагрузку...

– Ой, спасибо, – она благодарно улыбнулась. – А нам нечего подарить...

– Ну... это не страшно. Зато я придумал еще один подарок. Для всех! – Макс довольно потер ладони. – Идем! За мной!

Подарок оказался и впрямь очень приятный. В большом продуктовом магазине проходило сразу несколько рекламных дегустаций – сыр, сухарики, хлебцы и... кофе! Обычный растворимый кофе, но как же я по нему соскучилась!

Леон попробовал и отдал свой стаканчик Алине. Горыныч тоже отказался, я присвоила его порцию. В магазине было тепло, светло. Отсюда не выгоняли. Мы с подругой, развеселившись, примеряли карнавальные парики из перьев и цветной мишуры, Леон разглядывал елочные игрушки. Арис, покопавшись в кармане, достал горстку мелочи, которой едва хватило, чтобы пополнить запас спичек на несколько коробков. А потом Алина спросила у пожилой женщины время, и мы решили, что пора идти встречать родителей.

Уже подходили к автовокзалу, когда Алина вдруг остановилась, чуть согнувшись, как от боли.

– Что такое? – почему-то я сразу вспомнила о дегустации сыра. Но дело оказалось в другом.

– Женечка, – глаза подруги казались испуганными. – Жень, аномалия, кажется...

Мы сидели на лавке. Электронные часы показывали половину третьего. Родители должны приехать в четырнадцать пятьдесят четыре. Алинка почувствовала нестабильность в полвторого. Время еще есть. Возможно. И если не опоздает автобус.

Молчали. Я все боялась почувствовать эту тягучую боль в подреберье, которая будет означать конец... конец нашим надеждам увидеть родных, получить такие нужные вещи в заботливо собранных рюкзаках. Когда я поняла, что пожить в городе хотя бы несколько дней не выйдет, то, к стыду своему, больше думала как раз о приготовленных мамой вещах. А не о том, что родители зря брали отпуска, зря тратились на билеты, зря надеялись побыть подольше со своими дочерьми. Зря все бросили и поехали первым же рейсом черт знает куда ради возможности увидеться.

Четырнадцать сорок пять.

Мы вышли на платформу и стояли, слегка нахохлившись от холода и сырости, которая здесь, под продуваемым сквозняками навесом, пробирала до костей. Только бы Алинка не простудилась, ведь тогда она не сможет лечить.

Четырнадцать пятьдесят.

– Где же они? – подруга неотрывно смотрит на дорогу.

– Ничего. Еще целых четыре минуты.

Леон, Макс и Арис стоят в отдалении. Наверное, чтобы не помешать нашей встрече, если она состоится.

Четырнадцать пятьдесят пять.

– Ну где ты видела в нашей стране, чтобы автобусы прибывали точно по расписанию! – пытаюсь утешить Алину, которая, кажется, вот-вот заплачет.

Четырнадцать пятьдесят шесть. Равнодушный голос диспетчера:

– Рейс номер сорок четыре прибывает к шестой платформе.

Ну наконец-то!

Автобус – большой, яркий, – подъезжает к зданию. Он еще не остановился, а я уже вижу в окне маму: она машет мне рукой, улыбаясь, не зная, что встреча будет слишком короткой. Папа рядом с ней, держит новый рюкзак – как я и просила, неброский, цвета хаки, не слишком набитый, чтобы легче таскать... особенно убегая от фанатично настроенных крестьян. Рядом с ними Алинкины родители: светловолосая женщина в шубе и усатый добродушного вида мужчина. Готовятся к выходу.

Автобус остановился, дверь с шипением отъехала вбок, выпустив первых пассажиров. Я ждала, до боли сцепив пальцы рук, и, едва увидев папу на ступеньках, радостно бросилась вперед.

Мы так и остались на перроне. Мама обнимала и плакала, сквозь слезы перечисляя, какие вещи она мне привезла, выпрашивала, как я себя чувствую, не болею ли, не обижают ли... Понимала, наверное, что ответить честно на все вопросы не смогу.

– Как же так? – причитала она. – Не может быть, чтобы не было способа вас вернуть!

И я вспомнила.

– Мама, папа, слушайте, – надо успеть пересказать все, что знаю, пока есть время. – Был один человек, вроде колдуна... Лет десять назад он ходил по городам и предлагал людям купить такие стеклянные шарики, которые как будто исполняли желания.

Внутри все сжалось от неприятного предчувствия.

– Алина, хватай сумку! – крикнула я, забросила на плечо лямку рюкзака и отошла от родителей. Подруга последовала моему примеру, едва не плача, протянула мне руку. Осталась минута или меньше...

– Стоило разбить такой шарик, – продолжала я, надеясь, что мама и папа поймут хоть что-то из маловразумительного рассказа, – и человек пропадал... Оказывался в другом мире. Нам сказали, что в Иванцово...

...Ветер ударил в лицо. Опора под ногами исчезла. Короткое падение, холодные объятия снега... Мы покатались кубарем вниз по склону, больно стучая друг друга рюкзаками, которые ни за что не собирались выпускать, и остановились в сугробе.

Над нами выла выюга. Снег злыми колючками впивался в лицо, стоило хоть чуток приподняться. А в городе ветер был куда тише...

Алина нашлась рядом, на расстоянии вытянутой руки. Сжавшись, прячась от выюги, она уже не плакала, а пыталась натянуть на голову шапку.

Вой снежных вихрей был слишком похож на волчий.

Кое-как я поднялась, сложила рупором руки и крикнула:

– Леон!

Собственный голос оказался едва слышимым. Ветер сбивал с ног, заставлял постоянно отступать или падать. Алина уцепилась за мое плечо, пряча лицо от снега.

– Леон! Арис! Максим!

Нет, наверняка они не слышат. Но мы ведь не могли оказаться слишком далеко? Почему же?..

Стоять на месте было невозможно – вьюга толкала в спину, да и холод, забравшись под теплые одежды, щипал кожу. Я вглядывалась в непрерывно кружащийся белоснежный хаос, надеясь заметить темный силуэт кого-то из наших спутников, когда Алина крикнула:

– Смотри!

Я обернулась.

За нашими спинами из снежных вихрей выныривали белые песьи морды и, наклоняясь к земле, жадно слизывали оставленные нами следы.

– Что это? – голос Алины едва достигал слуха, хотя она и пыталась кричать. Таинственные создания подняли головы, льдинками блеснули глаза.

Мы с подругой попятились, а потом развернулись и побрели, едва переставляя ноги в глубоком снегу и постоянно оглядываясь. За нами шли. Белые лапы невесомо ступали, не проваливаясь, не оставляя следов. Существа то приближались, то отдалялись, отвлекшись на что-то, не видимое в буряне. Мы с Алиной все еще пытались звать наших спутников, но слабый звук голосов лишь заставлял недовольно скалиться зверей, неотступно следующих за нами.

Глава 7. Расставание

...

– Помогите!

– Сюда, сюда, скорее!

Женские крики переположили весь поселок, и вскоре на окраине, у ограды сада Петрушиных, собралась целая толпа. Женщины, все еще испуганно ахая, держались поодаль, а мужчины обступили пышный куст сирени. Под редкой тенью еще голых ветвей, на земле, покрытой островками тающего снега, лежал виновник переполоха: лицом вниз – только темную макушку видно. Левая рука вытянута вперед, словно человек пытался до чего-то дотянуться, ухватиться из последних сил. Под разжавшейся ладонью правой – рукоять ножа. На боку – темное пятно.

– Не наш, точно не наш... Пришлый, – шептались крестьяне и приглядывались: – Ранен? Или уже умер?

– Папка! – звонкий голос перекрыл бормотание. Сквозь толпу, отчаянно толкаясь, пробралась девушка лет семнадцати и встала, ничуть не стесняясь осуждающих взглядов. – Папка, пап! Я его узнала! Это он меня от кабана спас. Летом, помнишь?..

Ее отец, Павел Петрушин, задумчиво покрутил ус: не хотелось ему так внезапно оказаться в долгу у неизвестно кого! Надо же, девчонка: при всем честном народе сказала! Теперь не отвертишься...

Присев на корточки, Павел сперва тронул чужака за плечо, а потом, поднапрягшись, перевернул его на спину.

– Он? Ты уверена?

На земле у его ног лежал молодой парень, которому, наверное, не было еще и двадцати. Щеки ввалились, вокруг глаз – болезненная тень...

– Да, уверена! – громко заявила девушка. – Это он!

Огонь уютно потрескивал, закипала в котелке вода. Выпроводив дочерей, хозяйка сидела подле печки и смотрела на лежащего без сознания чужака.

– Марья Алексеевна, – дверь открылась, русоволосый юноша – Аленкин жених – занес в горницу ведро с водой. – Что еще сделать?

– Подойди сюда, Севушка, – махнула рукой хозяйка. – Раздеть его поможешь. А то грязный весь...

Но едва они в четыре руки принялись стаскивать с чужака изодранную рубаху, как что-то шевельнулось под тканью, и из-под ворота показалась серая змеиная голова.

Марья вскрикнула, отшатнулась. Гадюка, свернувшись на груди незнакомца, угрожающе подняла голову и зашипела на перепуганных людей. И в этот миг чужак открыл глаза. Огляделся не то испуганно, не то изумленно, а потом прикрыл змею ладонью, успокаивая, словно кошку:

– Тихо... – и, повернув голову, уставился на людей. – Где я?

О себе он так ничего и не сказал, даже имени... Двигаться мог едва-едва, видно, ослаб и от голода, и от раны в боку – не глубокой, но успевшей нагноиться. Гадюка оказалась ручной, чужак уверял, что не укусит, но Марья до обморока боялась змей, и гостю пришлось отправить свою питомицу жить в подпол.

– Ты меня помнишь? – спросила Аленка, когда мать, наконец, разрешила ей зайти.

Чужак мгновение вглядывался в ее лицо, потом улыбнулся, и настороженный взгляд зеленых глаз потеплел.

– Прости, что я тогда испугалась и убежала, не поблагодарив, – девушка поклонилась низко, что кончик косы коснулся дощатого пола. – Спасибо.

– Ты спас жизнь моей невесте, – Сева встал рядом с Аленой и тоже поклонился. – Я этого не забуду.

Чужак смотрел на них задумчиво, словно удивляясь, потом заморгал, потер ладонью глаза.

– Вам спасибо, что умирать не оставили...

А на следующее утро Марта, стирая его одежду, нашла в карманах несколько круглых чешуек. Они лежали на женской ладони – серые с перламутровым отливом.

– Что это у тебя? – окликнул Павел.

– Да вот, в кармане у него нашла... Рыбья чешуя, что ли?

– Рыбья? – Павел возмущенно посмотрел на жену. – Да где ты такую огромную рыбу видела, женщина? Это не рыба, это... Это... – мужчина схватился за голову. – Ты хоть понимаешь, кого в мой дом привела?

– Пашенька, – Марья успокаивающе положила ладонь на мужнино плечо. – Какая разница, кто он, если он нашей дочери жизнь спас?

– Спас, говоришь? Еще неизвестно, спас или нарочно все подстроил! А теперь вернулся, чтобы всех нас угробить! Это... это же змей-оборотень!

На чешую-то погляди внимательней! И змея у него ручная неспроста... Оборотень, говорю тебе!

– Ну что ты, – отмахнулась Марья. – Человек это, самый обыкновенный!

Но Павел уже не слушал.

Дед МIRON, местный знахарь, навещался каждый день. Благодаря его мазям рана чужака очистилась и стала понемногу затягиваться коркой. Тоська, младшая Марьяна дочка, повадилась у постели чужака сидеть и, так как он много говорить не мог, девочка показывала ему своих кукол, сшитых из старого тряпья, да сказки рассказывала. Мать сперва гоняла ее, потом решила – пусть: и девочка при деле, и гостю их не так скучно будет лежать.

Все бы ничего было, вот только муж... С того утра, как Марья чешую нашла, он ходил сам не свой, и женщина частенько видела, как собираются мужики у соседского дома, и как Павел им что-то рассказывает, поясняет.

«Не к добру это, – вздыхала женщина. – Как бы кровь не пролилась»...

Она все сомневалась: предупредить гостя об этих разговорах, намекнуть ему, что небезопасно тут? И сама себя останавливала – стоит ли? Все равно ведь слаб совсем, не уйдет далеко. А потом поняла, что тот и так все знает: серая гадючка из подполья ползала на соседский ого-

род и пряталась там за кустарником все время, пока мужики разговаривали. Наверняка после незаметно разговоры эти хозяйину передавала...

Однажды змею все-таки заметили. Марья в огороде копалась, когда увидела, как Павел к кустарнику с лопатой идет – осторожно, словно подкрадывается.

– Не надо! – крикнула.

Муж не обратил внимания. Лопата опустилась, с хрустом рубанув по корням.

– Все, – Павел выкинул из-под куста располовиненную гадюку. – Сдохла.

В доме Тося все так же играла со своими куклами на полу подле лежанки, а чужак, отвернувшись, неподвижно смотрел в стену.

Вечером Мирон-знахарь зашел, как обычно, слушал сердце и дыхание больного, рану осмотрел, заглянул в глаза...

– Не нравишься ты мне сегодня, – задумчиво пробормотал старик. – Ну-ка, где болит?

За окном было темно. Дети спали, муж еще не вернулся. Марья штопала рубашку в углу у печи, но, услышав голос Мирона, подняла голову. Налетевший ветер качнул занавески, и задрожал, словно от холода, огонек стоящей на столе свечи.

– Тут, – чужак коснулся груди, царапнул ее пальцами, словно хотел вынуть, выцарапать собственное сердце. – Горячо...

– Тут и должно быть горячо, – усмехнулся Мирон. – Вот когда совсем не будет болеть – значит точно, умер. А пока жить будешь...

И, наклонившись, что-то шепнул ему на ухо.

– Да, знаю, – хрипло отозвался чужак. – Спасибо.

Павел долго не возвращался. Марья устала ждать мужа и легла спать, но уже за полночь разбудил ее какой-то шум в горнице. Выбравшись из постели, завернувшись в теплый платок, женщина вышла из комнаты и увидела в полутьме едва освещенного луной помещения чей-то силуэт. Едва не вскрикнула, но – узнала.

– Уходишь?

– Да, – отозвался чужак. – Пора.

– Погоди, я тебе еды соберу.

Запалив лучину, женщина быстро сложила в узелок домашних пирожков, полхлебины... Потом вспомнила, что так и не вернула хозяйину найденные чешуйки.

– Себе оставьте, – ответил чужак, когда Марья вынесла на ладонях поблескивающие перламутром кругляшки. – За эту чешую и городской лекарь, и ювелир хорошие деньги предложат. А вам дочери свадьбу играть... Пригодится.

Под утро в горницу ввалились мужики во главе с Павлом. С топорами да вилами бросились к лежанке, изрубив ворох сложенных Марьей одеял, и лишь потом рассмотрели, что под одеялами никого-то и нет. Долго ругались, собирались по следу пойти, лес прочесать, но дальше угроз дело не пошло.

А змеевы чешуйки Марья от мужа припрятала и после свадьбы дочери отдала. На счастье.

* * *

Ветер стих внезапно. Белые хищники упали в снег и застыли невысокими сугробами. Над головой развернулось темное зимнее небо с редкими огоньками звезд и яркой половинкой луны.

Ровное поле, полоса леса вдалеке.

– Где это мы? – шепотом спросила Алина.

Вокруг было тихо, даже слишком, и стоило немалых усилий набраться смелости и нарушить эту тишину.

– Леон! – закричала я. – Максим! Арис!

Ответа не было, только что-то треснуло в лесу. Схватив подругу за руку, я потянула ее вперед.

Лес то отступал дальше, то подбирался вплотную к ровной белой ленте засыпанной дороги. А потом впереди показались домики. Сначала мы думали, что деревня спит, но... над крышами не поднимался столбиками дымок, не слышно было собачьего лая. Ничего, кроме скрипа снега под нашими ногами.

– Там никого нет, – Алина остановилась, потянула меня за руку. – Может, не пойдем?

Я рассеянно огляделась. Мороз крепчал, и другого убежища, кроме пустующих домов, поблизости не было.

– Если не спрячемся где-нибудь, то просто замерзнем.

Ночевать в оставленном людьми поселке, не хотелось, но иного выхода я не видела.

Забираться вглубь деревни мы побоялись. Домик – второй с краю, опрятный, с заметным сугробами двориком и невысоким плетнем, показался вполне безобидным. Двери, окна не заколочены, никаких зловещих меток. Просто дом – чистый, обжитый. В темных комнатках – вещевые сундуки, на кроватях – одеяла, штопаное покрывало с кисточками на лавке, глиняная посуда у печи. И все же чего-то не хватало, каких-то вещей, которые нужны постоянно: не висели тулупы на крючках у двери, не стояли в ряд под стеной валенки, и пустовали полки неплотно закрытой тумбочки. Словно хозяйева уходили впопыхах и забрали только самое необходимое.

– Странно это... – Алина провела рукой по столешнице, покрытой тоненьким слоем пыли, похожей на иней. – Интересно, почему они уехали?

– Мне бы не хотелось, чтобы какая-нибудь страшная тайна испортила нам ночлег, – я осторожно положила рюкзак на лавку, подошла к холодной печи. – Надо поглядеть дрова в сарае. Затопим, погреемся.

– Может, не надо? – Алина с опаской выглянула в окно и, резко отпрянув, прошептала: – Жень, они здесь! Эти... звери.

И правда. Странные белые существа бродили недалеко от ограды, их силуэты казались призрачными, словно сотканными из снежной пороши. Теперь можно было разглядеть, что эти твари больше похожи на лис, чем на собак, но слишком уж крупные.

– Что за чертовщина?..

– Не чертыхайся! – строго напомнила Алина.

Тем временем на улице показалась белая фигура. Дорожный плащ, капюшон широкий, тень закрывает лицо. Человек шел навстречу снежным лисам уверенно, словно не видел перед собой ничего необычного. Он приближался, а призрачные существа беспокойно мели хвостами и вдруг рассыпались блестящей пылью. Человек развернулся, подошел к калитке. Лица его по-прежнему видно не было, но походка и движения казались настолько знакомыми, что мы с Алиной одновременно озвучили нашу догадку:

– Леон!

Да, это он. Высокие сапоги, меч приподнимает полу плаща... а плащ этот почему-то белый, и его складки снежным серебром переливаются в лунном свете.

Наперегонки мы бросились к двери и, распахнув ее, замерли на пороге. Фигура в белом плаще, так похожая на Леона, стояла напротив крыльца, но за ее спиной и до самой калитки были только наши с Алинкой следы. И никаких других.

Спрятаться бы в дом, но мы, словно околдованные, застыли, не в силах пошевелиться.

– Уходите, – этот голос был знакомым и одновременно чужим. Ни движения, ни пара от дыхания, лицо все так же спрятано тенью. Лишь ветер едва колышет складки белого плаща.

– Леон? – тихо спросила Алина, но в ответ прозвучал все тот же холодный голос:

– Уходите.

– Куда мы пойдем? – робко возразила я. – Холодно...

Тишина. Фигура в плаще качнулась к нам, дохнуло ледяной стужей... Но существо остановилось и, едва обернувшись назад, произнесло:

– Уведи.

Миг – белая ткань взметнулась снежным вихрем, в котором мы с Алиной увидели вдруг темный силуэт, большой и страшный. Оцепенение прошло, мы с визгом кинулись назад, закрыли дверь на засов и привалились к ней спинами.

– Ой, Женечка, это медведь! – пробормотала подруга.

– Да уж, нам только шатуна не хватало для полного счастья, – согласилась я и прислушалась. В этот миг дверь вздрогнула от тяжелого стука. И тут же раздался громкий сердитый голос:

– Открывайте! Открывайте, кому сказал!

Мы с Алиной мгновенно отскочили подальше. Удивленно переглянулись:

– Арис? – шепотом предположила подруга.

– Похоже, – я, кашлянула и сказала строго, надеясь, что за дверью меня хорошо слышно: – Арис, если это ты, стань перед окном, чтобы мы тебя увидели.

Мне не ответили, но на крыльце послышались шаги. Алина первой подскочила к окну и радостно возвестила:

– Он! Жень, это, правда, он!

– Ну, посмотрели? – крикнули с улицы, и я, опомнившись, отодвинула тяжелый засов и открыла дверь.

От Ариса веяло стужей, запорошенные снегом волосы казались седыми. Он смерил нас мрачным взглядом, хотя мог бы хоть немного обрадоваться, найдя нас здесь живых и здоровых.

– Вам сказали уходить, значит, надо взять сумки и идти. Подальше, – взгляд зеленых глаз остановился на мне. – Со стражами не спорят.

Сразу захотелось оправдываться:

– А куда уходить? Там холодно и темно. И волки, наверное...

Горыныч не ответил. Просто взял Алинкин рюкзак и направился к двери.

* * *

Ночь была красивая, лунная и морозная. Мы с Алиной шли медленно, а скоро подруга и вовсе выбилась из сил. Сперва Арис принаравливался к нашим шагам, потом просто посадил Алину к себе на спину, наказав держаться, и потащил ее вместе с рюкзаком. Ноша, может, и не слишком тяжелая, но теперь Горыныч шел не так быстро, и мне не надо было за ним гнаться. А может, он просто понял, что при подобной спешке ему скоро придется тащить на себе не одну девицу, а сразу двоих.

Слово за словом я вытянула из него рассказ о том, как они с Максимом и Леоном пытались найти нас во время вьюги, и как после разделились, уговорившись о встрече.

– Мы бы не ушли, если б не эти снежные лисы, – было как-то неудобно, что нашим спутникам пришлось нас искать.

– Какие лисы? – спросил Арис. Выслушал мои объяснения, нахмурился и, наконец, выдал. – Тоже стражи, наверное.

– Как тот, в белом плаще? А что они сторожат?

– Этот мир. От... чужого.

– От нас, что ли?

– Нет, – Арис приостановился, подсадил повыше сонную Алину, которая, хоть и держалась, понемногу сползала вниз. – Здесь была аномалия.

Рассказывали, что на местах, где проявлялись аномалии, заводилась какая-то чуждая, неизвестная этому миру, нечисть, но мы с Алиной обычно уходили заблаговременно, и, наверное, потому не сталкивались ни с какими-либо чудищами, ни со стражами.

– Странно, – пробормотала я. – Он был так похож на Леона. Тот, кого ты назвал стражем. И ведь мы с Алиной обе помнили, что после того, как Максим их расколдовал, у Леона не было ни меча, ни плаща, но... как увидели, сразу обо всем забыли. Это что, волшебство какое-то, да?

Горыныч не ответил. Мое сердце вдруг сжалось и замерло.

– Арис, – шепотом позвала я. – Арис, это действительно ты?

Он обернулся, внимательно посмотрел.

– Поздно спрашивать.

Я остановилась. Волна ледяного страха окатила тело от макушки до пят. Наш спутник оставлял следы на снегу, но это еще ничего не значило. Подруга лежала на его спине и как будто заснула. Усталость или снова колдовство?

– Арис!

Он остановился. Повернулся, в который раз поправляя сползшую Алину.

– Иди сюда, – в голосе Ариса мне теперь слышались незнакомые нотки. Я не сдвинулась с места.

– Так... – несколько шагов в мою сторону. Он попытался высвободить левую руку, сильнее согнувшись и перехватив свою ногу правой, но в этот миг Алинка подняла голову, ойкнула.

Ее тут же поставили на ноги.

– Постой, – коротко сказал ей наш спутник, снял рукавицы, сунул за пояс и, шагнув ко мне, потребовал: – Руку дай!

Я попятилась, но он, сделав еще один шаг, поймал мою ладонь и, избавив ее от перчатки, положил на свое запястье.

Быть может, это прикосновение должно было превратить меня в ледяную статую или, в лучшем случае, в какую-нибудь белку или крысу. Но... сердце гулко отсчитывало мгновения, и ничего не происходило. Я осторожно заглянула в хмурое, заросшее черной щетиной лицо.

– Пульса бы не было, – объяснил Арис.

– А... он есть?

Горыныч сердито отбросил мою руку и подошел к Алине:

– Залазь давай.

Нет, ну мог бы сказать раньше, что надо послушать пульс! Как будто это так уж легко сделать!

– Жень! – позвала Алина. Уже сидя на спине у Горыныча, она умудрилась забраться ладонью под воротник его тулупа. – Жень, есть пульс! Я нащупала!

– Сейчас пешком пойдешь, – мрачно пригрозил Арис, на что подруга тихонько рассмеялась. Я медленно выдохнула, успокаиваясь и, поправив лямки рюкзака на плечах, направилась следом.

Алина уже не спала. Она ехала на спине Горыныча, с интересом поглядывая по сторонам. Я устала идти, и немного завидовала подруге, но мне бы в голову не пришло попросить поменяться местами. Лучше уж пешком.

Арис все еще дулся. А может, мне это лишь казалось.

– А как еще можно узнать, человек перед тобой или нет? – спросила подруга после долгого молчания.

Горыныч, как ни странно, ответил сразу.

– На морозе – пар от дыхания видно. Только... вернее будет сердце послушать.

– Буду я у каждого встречного чудища пульс искать!

Моя реплика не осталась без внимания.

– У каждого не надо, – на диво спокойно произнес Арис. – И если колдун какой заявится под личиной – так у него пульс тоже есть. А перед тем, как дверь открывать кому ни попадя, нужно было вопросы задавать.

– Какие? – поинтересовалась Алина.

– Какие-нибудь. И уже по ответам решить, тот человек или притворяется.

Совет был разумным.

– Учтем на будущее, – согласилась я и тут же задумалась над тем, какие вопросы буду задавать в следующий раз.

– Ты так много знаешь об этом мире, – снова подала голос Алина. – Леон говорил, что ты попал сюда десять лет назад. Правильно?

– Двенадцать, – поправил ее Горыныч.

– Да, давно... – согласилась моя подруга. – А сколько тебе тогда было?

Пауза. Наверное, наш спутник думал, отвечать или не стоит, но потом таки сказал:

– Пятнадцать.

Сложить два числа не составило труда, и мы с Алиной тут же удивленно переглянулись.

– Значит, сейчас тебе двадцать семь? – уточнила подруга.

Он нахмурился, словно вспоминая, потом кивнул. И, перехватив мой изумленный взгляд, угрюмо спросил:

– Что?

– Мы думали – больше, – честно призналась я.

Ближе к утру, миновав небольшой лесок, мы оказались на заснеженном лугу. Сугробы походили на волны, а вдалеке возвышался пологий холм с несколькими хилыми деревцами на макушке. Арис остановился на минутку, огляделся и вдруг свистнул коротко и пронзительно. Два раза.

Мы с Алиной встрепенулись, вздрогнув от неожиданности. Последние часа два подруга шла рядом со мной, а Горыныч нес ее рюкзак. Мне помощь так и не предложили, это было немножечко обидно.

– Это сигнал, да? – спросила Алина. – А если Леон и Максим далеко ушли? Как думаешь, они услышат?

– Возможно, – Арис недовольно скривился. Проследив за его взглядом, я увидела на вершине холма фигуру в длинном черном плаще. Первая мысль была, что это Леон... Но его плащ был серым и остался на плитах центральной раславской площади, когда сына воеводы превратили в самого обыкновенного ужа. А человек, который, отбросив капюшон, приветственно машет нам рукой – никто иной, как Максим, первым прибывший на место условленной встречи.

Холм был невысоким. Наверх вела пологая тропка, но мы с подругой так устали, что едва не падали. К счастью, Максим спустился навстречу и взял у меня рюкзак. Алинка же уцепилась за его руку, предоставляя мужчине волочь ее наверх.

– А где Леон? – спросила она дрожащим от усталости голосом.

– Не знаю, – Макс пожал плечами. – С тех пор, как мы разошлись, я его не видел.

Недалеко от вершины обнаружился скалистый выступ с маленьким, защищенным от ветра гротом. Облепленные снегом ветви кустарника делали его незаметным для постороннего глаза.

– Ух ты! – Макс удивленно присвистнул. – Горыныч, скажи, ты все потайные местечки в этих местах знаешь?

Арис не ответил. Снял свой тулуп и бросил на землю в гроте.

– Погрейтесь пока.

– Не надо, – я подняла тулуп, оказавшийся довольно тяжелым, и вернула хозяину. – У нас есть, что подстелить.

Он пожал плечами, оделся, понаблюдав за тем, как мы разворачиваем туристический коврик солнечного оранжевого цвета, и отошел, пропуская Макса.

Грот был небольшим, и три человека в нем умещались впритык. Втиснувшись между мной и Алиной, Максим обнял нас, накрывая своим плащом, словно крыльями.

– Ну наконец-то! – довольно пробормотал он. – А то замерз как собака. Надо же, часа два здесь бродил, даже мимо прошел несколько раз, а входа не заметил.

* * *

Когда я открыла глаза, рядом никого не было. Солнечные лучи серебрили снег на ветвях росшего перед входом в грот кустарника. Снаружи доносились голоса. Щурясь от яркого света, отраженного белоснежными покровами спящей земли, я выбралась наружу и почти сразу увидела всю нашу компанию. И Леона.

Нашелся.

Он что-то обсуждал с Арисом, одной рукой обнимая прижавшуюся к его плечу Алинку. Максим отошел чуть в сторону и смотрел куда-то вдаль. Он заметил меня первым.

– С добрым утром! Или, скорее, днем.

– Я спала? Долго?

– Да нет, – Макс пожал плечами. – Часика два, наверное. Пока Леона ждали. Он только недавно пришел.

В это время сын раславского воеводы обернулся. Улыбнулся, и я не смогла не ответить тем же, хотя под взглядом Алины, наверняка не подозревающей во мне нежных чувств к своему избраннику, ощущала себя воровкой.

Леон подошел ближе.

– Как себя чувствуешь? Арис сказал, ты всю ночь на ногах провела.

– Ничего, – не выдержав, отвожу взгляд. – Я уже выпалась.

– Сможешь идти дальше?

Киваю и запоздало интересуюсь:

– А куда?

– Здесь недалеко у Ариса есть землянка. Место там тихое, люди не ходят. А нам всем не помешает отдохнуть.

Идти пришлось не то чтобы недалеко. Короткий зимний день быстро закончился, стемнело. Мы с Алиной то и дело озирались, и я знала: она тоже выглядывает – а не появятся ли в темноте мерцающие снежные лисы. Арис шел впереди. Леон с Максом тащили наши рюкзаки, замыкая процессию. Раз за разом мы выныривали из лесной гущи на небольшие полянки. Однажды я заметила на снегу следы, очень похожие на волчьи. Но сейчас появление стражей напугало бы меня куда больше, и потому, когда игра света и тени среди деревьев рисовала в моем воображении высокий силуэт в белом плаще, я вздрагивала и до рези в глазах вглядывалась, стремясь убедиться, что мне лишь показалось.

Наконец, Арис остановился. Наклонился у небольшого пригорка, запустил руку в снег и нащупал железное кольцо. Дернул. Мы с Алиной изумленно ахнули, когда в земле открылся темный люк. Горыныч первым запрыгнул внутрь и разжег огонь в небольшой, угловато сложенной печурке. После пробил от снега маленькое окошко под самой крышей и, обернувшись, бросил:

– Заходите.

В уютной полутьме плясали тени. Лица людей в рыжевато-красном свете казались такими родными и немного грустными. Арис закрепил над огнем котелок с тающим снегом, достал из закромов сушеной рябины и смородиновых листьев, и скоро тесная землянка наполнилась их терпковатым ароматом. Когда отвар был разлит по кружкам, Горыныч вышел наружу, постоял

у входа в наше убежище, вслушиваясь в звуки спящего леса, и скоро вернулся. Кивнул в ответ на вопросительный взгляд Леона и устроился в углу у двери.

Мы медленно пили горячую жидкость и смотрели на огонь.

– Арис, – негромко позвал Леон, и звук его голоса всех заставил обернуться. – Скажи, а домик рядом с твоим еще пустует?

Горыныч кивнул.

– Я вот что думаю, – сын воеводы нахмурился, пригубил отвар. – Мне надо вернуться в Раславу.

– Зачем? – удивился Макс. – Думаешь, тебя не ищут? Да по всем окрестностям...

– Мне надо узнать, что случилось с отцом, – также тихо, но твердо ответил Леон.

– Ты считаешь, они соврали, что воевода погиб?

– Когда мы стояли на площади, он был жив, – Леон провел рукой по груди, словно пытался нащупать что-то привычное. Пальцы поймали пустоту. – Серебряная цепочка... с кулоном. Отец когда-то подарил ее матери. Пока он жив, серебро не почернеет.

– Жаль, я не догадалась ее взять, – вздохнула Алина. – Я вообще не заметила ничего, кроме...

Она не договорила. А я вспомнила выползшего из ворота Леоновой курточки ужа и согласилась с подругой – да, тогда было не до цепочки.

– Возвращаться в Раславу слишком опасно, – Максим задумчиво погладил подбородок. – Наверняка тебя ждут.

– У меня будет время, чтобы придумать, как обмануть соглядатаев, – Леон усмехнулся, в несколько глотков допил рябиново-смородиновый отвар. Обернулся к Горынычу:

– Отведешь девушек в безопасное место. И сам спрячешься там до весны. Пока змеи не проснутся.

– Ты в Раславу один собрался? – хмуро уточнил Арис.

– Почему – один? – встрепнулся Макс. – А я? Мне отсиживаться незачем, так что я тоже пойду.

– Спасибо, – сын воеводы благодарно кивнул. – Мне и вправду понадобится помощь.

– И какую помощь ты можешь предложить? – Арис из своего угла выжидательно смотрел на Макса.

Тот прищурился.

– Снова пытаешься? Я не собираюсь раскрывать свои секреты никому. И тебе в том числе.

– Мне нет дела до твоих секретов, – отозвался Горыныч. – Просто глупо ехать в Раславу неизвестно с кем.

– Арис, – Леон укоризненно покачал головой, – у тебя ведь тоже есть свои тайны.

Возразить было нечего, Горыныч нахохлился и промолчал.

– Предлагаю следующее, – сын воеводы повернулся, чтобы видеть нас всех. – Арис с Алиной и Женей идут... в безопасное место. Мы с Максимом – в Раславу.

– В город соваться необязательно, – заметил Макс.

– У меня нет оружия, – возразил Леон, – а в Раславе у отца был тайник. Да и надежные знакомые там остались, надо с ними связаться.

– Если город еще существует, – негромко заметил Горыныч.

– Да, если... Но тайник должен был сохраниться. И люди, которых превратили в камень. Им тоже надо помочь. Максим, ты ведь сможешь их расколдовать?

Тот пожал плечами.

– Попробую.

– Хорошо, – Леон кивнул. – Я узнаю все, что надо и, если будет возможность что-то сделать – сделаю. А потом вернусь за вами.

– Дорогу помнишь? – спросил Горыныч.

– Хорошо помню. Арис, я не отказываюсь от твоей помощи, но... так будет правильной. Если с тобой что-нибудь случится, я не знаю больше никого, кто бы мог убирать ловушки.

– Я подскажу тебе парочку, – пообещал Арис.

– Ты же знаешь, они не согласятся. А ловушек все больше с каждым днем.

– Вот именно. Ставят их несколько человек. Мне одному за ними гоняться нет смысла.

– Все верно, – Леон нахмурился, сжал пальцами пустую кружку. – Надо найти этих колдунов.

– Найти не сложно, – становилось жарко, Горыныч снял свой тулуп и подложил под спину, чтобы не прислоняться к холодной земляной стене. – Несколько самых сильных колдунов, которые и держат всю эту свору, живут в Пустоши, возле заброшенного города.

– Иванцово? – хором спросили мы с Алиной.

Он кивнул.

– Они не прячутся, можно даже в гости пожаловать, если глупости хватит.

– Да уж, – Макс усмехнулся. – Нас вместе и по отдельности просто размажут по стенке. Или сожгут где-нибудь на подходе, чтобы в доме не пачкать.

Некоторое время все молча смотрели в огонь, а я украдкой разглядывала сосредоточенное лицо Леона. Он перехватил мой взгляд, и я, чтобы скрыть смущение, спросила первое, что пришло в голову:

– А почему бы нам не найти эти стеклянные шарики и не загадать желания? Тогда мы сможем вернуться домой, а в вашем мире больше не будет колдунов!

Мое спонтанное предложение восприняли очень серьезно. Долго думали и решили, что раз об исполняющих желания стекляшках здесь раньше не слышали, то искать их стоит лишь в одном месте – в заброшенном городе. В тех самых лабораториях, где проводились опыты. Вот только подобраться к Иванцово будет сложно, потому что охраняют его не одни лишь загадочные стражи – порождения волшебства этого мира, но и колдуны. Трое-четверо самых сильных, хозяева ловушек, те самые, что сговорились с церковниками сравнять Раславу с землей. Те самые, что постепенно уничтожают всех остальных, забирая их силу и умения, и ждут случая, чтобы в один прекрасный день схватиться друг с другом.

– Значит, в город они нас не пустят? – я ощутила легкое разочарование, потому что с того самого времени, как мы с Алиной начали свои блуждания по этому миру, мне хотелось вернуться и посмотреть, что же случилось с этим городом-ловушкой, в котором когда-то так красиво цвели тюльпаны.

– Может, и пустят, – подал голос Горыныч из своего угла.

– И правда, чего им волноваться? – согласился Максим. – Из тех, кому удалось войти в город, еще никто не вернулся.

* * *

Ночью мне пришлось-таки разочек выбраться из укрытия. Было тепло и безветренно. Арис с Леоном стояли неподалеку от землянки и разговаривали, но так тихо, что слов я не слышала. Сын воеводы, обернувшись, сказал мне, чтобы не уходила далеко. Когда вернулась, они все еще разговаривали, стоя под раскидистым деревом с облепленными снегом ветвями.

В землянке было тепло, Алина спала, но Максим приподнялся, услышав скрип закрывающейся двери.

– А где они? – спросил, увидев, что Ариса с Леоном нет.

– На улице. Разговаривают.

– Секретничают, – он усмехнулся. – Что ж, Горыныч – это Горыныч. Он всегда такой.

Я улеглась на свое место, свернулась калачиком, заново пытаюсь согреться.

– Кстати, а почему Горыныч?

Максим засмеялся, но быстро замолчал, опасаясь разбудить Алину.

– Говорят, что у него есть нора где-то в горах, – проговорил он таинственным шепотом, – и что он там в змея превращается и летает над пастбищами, скот ворует.

– Ужас! – в тон ему ответила я. – А людей не ворует? Всяких там юных красавиц или еще кого-нибудь повкуснее?

– А кто его знает? На самом деле в горах, что на востоке отсюда, действительно жил змей, и скотину с пастбищ таскал. Несколько лет людям покоя не давал. А потом какой-то молодец-удалец нашел его нору и отрубил зверюге голову.

– Неужели, Арис? – удивилась я.

– Все может быть. Хотя... Горынычу тогда лет шестнадцать было, не больше. История давняя. И, как я слышал, на деле оказалось, что змея попросту отравили. А уже после кто-то нашел его, дохлого, в горах, голову отрезал и принес в деревню – хвастаться.

Представить себе Горыныча, хвастающего отрезанной змеевой головой, было сложно. Но, в ответ на мое замечание, Макс только хмыкнул:

– А ты его хорошо знаешь? Ну ладно, не обращай внимания. Люди много чего говорят, не всему можно верить.

* * *

Ясным солнечным утром мы остановились на едва заметной под снегом тропке – прощаться. Арис просто пожал Леону руку и отошел в сторону. Видимо, они успели обговорить все ночью. Максим пожелал нам хорошо добраться до того самого очень таинственного местечка. Леону прощаться было нелегко, пожалуй, как и нам с Алиной.

– Ариса слушайте, – сказал он напоследок, потом легонько обнял сначала меня, потом подругу. Ее он не отпускал куда дольше, и что-то очень тихо прошептал на ухо. Было очень любопытно, что именно, но я решила, что это не мое дело, даже если он признается в любви. После коротких объятий Леона мне было отчего-то слишком холодно...

Леон и Максим пошли через лес к ближайшему поселению, где рассчитывали взять лошадей. А мы с Алиной поплелись вслед за Горынычем, стараясь не думать о долгих днях ожидания весточки от дорогого нам обоим человека.

Безопасное место оказалось затерянным в лесу хуторком с таинственным названием Осинки. Жили здесь тихо и скромно, кормились охотой и рыбалкой в озерце неподалеку. Горыныча знали и относились к нему уважительно и даже вполне доброжелательно. Нас с Алиной приняли настороженно, но слова плохого не сказали, очень спокойно восприняв то, что на хуторе появились две чужие колдуньи, и даже обещали помогать понемногу – ясно ведь, зима, а у нас ни запасов, ни сбережений.

Изба Горыныча стояла на самом краю одной из двух улочек, возле леса. Пустовавший домик по соседству заняли мы. Жилище было опрятным, а когда растопили печь – стало тепло и уютно. Я затащила рюкзак в единственную комнатенку и не спешила его разбирать, по привычке опасаясь, что снова придется срываться с места, убегать...

На третье утро меня разбудил стук где-то во дворе. Пока выбиралась из постели, одевалась – звук стих. Вместо этого постучали в дверь.

На пороге стоял Горыныч: с топором, без тулупа, в теплом сером свитере под горло. Я посторожилась, пропуская его в дом.

– Ухожу завтра, – сообщил он. – Дров наколот. Вдруг не хватит – возьмете у меня, в сарае за домом. И еще вот... – Арис вынул из кармана ключ, положил на стол. – Это от дома. Погреб там. Люк под половиком. Если что понадобится – берите.

– Спасибо, – весть об отъезде меня огорошила, но ведь не стоило ожидать, что Горыныч и впрямь станет отсиживаться дома до весны? Я поплотнее запахнула теплую кофту. – Ты надолго?

Он пожал плечами, глянул на приоткрытую дверь нашей с Алиной спальни.

– Подруга твоя спит?

Я кивнула.

– Приглядывай за ней.

Вздыхаю:

– Пригляжу...

Дверь закрылась. Из украшенного морозным узором окошка я видела, как Горыныч в распахнутом тулупе и с сумкой на плече идет к калитке. Оказавшись на улице, останавливается, нахлобучивает шапку. Оглядывается. Поправляет сумку и, вытащив из-за пояса свои огромные рукавицы, быстро уходит по замеченной дороге в спящий зимний лес.

Часть вторая. На заповедной земле

Свежий ветер холодит спину, забираясь под влажную ткань рубашки. Песок везде – под руками, на лице, одежде. Едва слышный шепот воды, ласкающей босые ступни. И небо – огромное, широкое, в багровых отсветах угасающего заката. Там, в сказочной вышине, выются темные силуэты, то превращаясь в маленькие точки, то приближаясь, спускаясь ниже, пронесутся

над берегом... Он силится рассмотреть летунов, но не может – глаза слезятся от песка. Только слышно, как громко шелестят и хлопают над головой огромные крылья...

В комнате – жарко и немного душно. Книжные полки до самого потолка, разобранная кровать. Темноволосый худощавый парень дремал, положив голову на ладони с длинными, костлявыми пальцами.

– Снова спишь за столом? – безразличный голос сестры прогнал сновидение. Парень встрепенулся, раздраженно зыркнул из-под длинной челки.

Алла, или, как ее ласково называли родители, Алика, стояла рядом, чуть опустив голову, перебросив через плечо жиденькую черную косичку. На бледном треугольном личике – почти белые губы и темные глаза в обрамлении длинных ресниц. Тоже, впрочем, жиденских.

– Где хочу, там и сплю, – раздраженно буркнул он. – Не смей меня будить!

– Я не будила. Просто сказала... – все тот же безразличный тон, взгляд блуждает по полу, стенам, подбирается к окну. Плотнo закупоренному. – Там сегодня тепло...

– Тепло. А мы сидим тут, как в погребе, – парень отодвинул подальше учебники, тетради. Некоторые бумаги, неосмотрительно оставленные на столе, прибрал в ящик. Перевел дыхание, успокаиваясь.

Нет, на сестру сердиться не стоило – родители просто берегли ее от сквозняков. Зато вчера она была на улице, гуляла с матерью возле дома. И позавчера. А он – дурак – отказался. Хотя... лучше уж так, в четырех стенах, изредка выглядывая в окошко на проходящую мимо жизнь, чем ехать в ненавистой коляске и ловить сочувственные взгляды знакомых и незнакомых людей. Однажды, вернувшись с такой прогулки в пресквернейшем настроении, он сидел у окна и слышал, как внизу, под подъездом, одна соседка говорила другой:

– Надо же, такой симпатичный парень – и калека. На всю жизнь! – в голосе прозвучало какое-то противоестественное удовольствие. И даже будто причмокивание – старая сплетница смаковала чужие несчастья, словно сахарные леденцы.

– Да уж, бедненький мальчик, – поддержала ее собеседница. – И родителей жалко! Хорошие люди, работающие, а с детьми не повезло. Сын вот теперь инвалид, да и дочь тоже недолго протянет.

Если б в эту минуту случилось чудо, и он смог бы встать на ноги, и если б снова случилось чудо, и у отца в шкафу нашлось ружье... Но чуда не случилось. Он сидел, сжав кулаки в бессильном гневе и кусая губы. Хотел выглянуть в окно и крикнуть что-то злое... но что именно? Все казалось глупым.

О подслушанном разговоре он никому не сказал, но с тех пор не мог себя заставить выйти... выехать на улицу. Если б ночь – это еще ничего, но родители слишком уставали, чтобы устраивать прогулки по ночам.

Самое обидное, что сплетницы были в какой-то мере правы: их с Аллой родителям не повезло. Им, наверное, вовсе не стоило иметь детей. Тратили бы свое время и деньги на отдых и удовольствия, а так треть зарплаты съедала оплата исследований, лекарств, санаториев и прочие неприятные вещи. А свободного времени не оставалось вовсе. Сестра с младенчества была слабенькой, врачи говорили – и года не проживет. Но Алика выжила. К добру ли? Разве можно назвать жизнью ее почти затворническое существование? Ни дня без лекарств, ни недели без врача. Ни месяца без скорой помощи у подъезда. Ходит бледная, тщедушная по дому, как привидение, говорит тихо. И даже если улыбается – как-то безразлично, не радуется ничему настоящему. И другим норовит радость испортить... Вот как сейчас: взяла и разбудила. Прямо посреди такого сна!

Юноша в сердцах стукнул кулаком по столу – нет, она точно специально! И обернулся к сестре:

– Уйди!

– Ухожу, – тихо ответила она. Дверь закрылась за ней, но спустя минуту отворилась вновь. – Я тебе показать хотела. Вот...

На худых девичьих ладонях лежал стеклянный шар с застывшими в середине роспесками краски: розовыми, синими, фиолетовыми, алыми... Почему-то вспомнилось закатное небо и крылья из сна.

– Что это? – спросил он, тщательно скрывая интерес. «Наверняка безделушка какая-то, сувенир», – убеждал себя, но что-то внутри при взгляде на странный предмет в руках сестры начинало скулить и царапаться, словно просясь на волю.

– Подарок, – она улыбнулась, а голос оставался холодным, безжизненным. – Мне подарил один дядечка вчера, в парке. У него было много, и все разные. Он сказал: «Кажется, тебе нужно именно это», и отдал мне шарик. И еще сказал, что я должна загадать желание, и оно обязательно исполнится.

– Дай мне, – сказал брат.

Девушка покачала головой.

– Нет. Я уже придумала, какое загадаю желание. Надо только сказать его правильно, чтобы случайно не получилось не так, как надо.

– И что же ты загадаешь?

Алика скользнула задумчивым взглядом по стене и уставилась в окно. На миг в темных глазах сверкнули огоньки – словно солнечные зайчики.

– Я загадаю... – она прижала шар к груди, опустила голову. Взгляд потух, девушка молча и тихо вышла из комнаты.

Вечером родители дружно готовили ужин. С кухни доносились веселые голоса, мамин звонкий смех. Алики не слышно, но она там, с ними. То ли помогает, то ли просто сидит на табуреточке, подперев острый подбородок, и думает. Наверняка о своем желании. Интересно, не загадала еще? Дура! Неужели она верит, что сбудется?

Дверь в комнату сестры была открыта. Юноша раздумывал недолго: его коляска въехала из темного коридора в маленькое помещение – чистое, опрятное, едва освещенное последними солнечными лучами, пробравшимися сквозь щель в плотных занавесках.

Стеклянный шарик лежал на книжной полке, рядом с тяжелым кожаным альбомом и самодельными тряпичными куклами, одетыми в темные платья. Он словно вобрал в себя весь свет, проникший в эту комнату днем, и теперь мягко, призывно светился. Не дотронуться, не взять его в руки было просто невозможно.

– Что же она загадала? И загадала ли? Нет, наверное. Думает...

Юноша вертел шарик, разглядывая его, любясь, и все меньше хотел возвращать на место. А ведь ясно, какое желание загадает сестра. Выздороветь. Ну, конечно, выздороветь! Стать такой, как те везучие крепыши, что раз в году подхватят ОРВИ, перенесут на ногах, даже не обратив внимания на температуру. Чтобы не бояться сквозняков, не бояться ни жары, ни холода. Чтобы гулять под дождем и бегать по лужам, соревноваться с ветром! Бегать...

Под стеклом краски светились – каждая своим цветом, и словно бы медленно-медленно перетекали, закручивались воронкой...

Бегать. Снова бегать. А что сестра? Ей ведь не привыкать, она и не знает, что это за ощущение, когда бежишь – как летишь, и ветер в лицо, и ты сам словно ветер, словно вольная птица, и крылья... Огромные крылья в закатном небе...

Он тряхнул головой, прогоняя видение. Сон – странный, непонятный, но такой волнующий – повторялся часто, и, похоже, теперь стал грезиться наяву.

Шарик в ладонях таинственно переливался, по стенам ползли длинные, тонкие тени от пальцев, силуэт сидящего в коляске человека наливался чернотой.

Зачем Алике ветер? Зачем ей крылья? Она ничего этого не знала – и жила. И жила ведь! Так почему, за что ей такой подарок?

И... Да кто сказал вообще, что это – не шутка? Что желание правда исполнится?

Шарик погас. Простой сувенир, самая обычная, ни на что не годная безделушка. Или все-таки нет?

Он нахмурился, сжал губы.

Думай, думай! Надо загадать желание, надо попробовать. Получится или нет – посмотрим, но попробовать... А попытка всего одна. Значит, правильно загадать. Десять раз подумать – и загадать.

Он сосредоточился, пытаясь собрать вдруг разбежавшиеся мысли и сформулировать – четко, ясно и именно то, чего ему хотелось больше всего на свете. Чтобы ни одним словом не ошибиться, не прогадать. Но тут хлопнула кухонная дверь, и в прихожей включили свет.

Юноша вздрогнул. Сердце забилося пойманной птицей.

Сейчас придет сестра, увидит... Родители заберут, ведь это ее подарок. Будет стыдно, и – самое главное – он так и не попробует! Значит надо сейчас, прямо сейчас. Но – что? Быть здоровым? Снова ходить? Или... Мысли пронеслись одна за другой, пальцы сжали шарик, который вдруг опять засветился. Внутри, под стеклянной поверхностью, кружился разноцветный вихрь, подсвечивая пальцы яркими бликами. И в один миг, потеряв цвета, превратился в густую дымку, в которой вспыхивали и таяли серебристые искры.

Родители и сестра замерли на пороге.

Глаза Алики кажутся огромными. Она еще не понимает, не верит.

А ногам вдруг становится тепло, даже жарко. Потом больно. Но... может, так должно быть? Может – вот оно, чудо?

В напряженной тишине слышится негромкий скрип рессор. Он поднимается с коляски, делает шаг.

Несколько мгновений никто не двигался с места, а потом ринулась вперед мать.

– Мальчик мой!

Слезы счастья, улыбки. Родители обнимают, целуют, еще не веря, что чудо действительно произошло, и только сестра стоит, прижавшись к дверному косяку. Белая. Неподвижная.

– Алика, доченька, иди к нам! – зовет мать. – Смотри, твой брат идет! Алика, идет! Какое чудо! Ты разве не рада?

Девушка медленно подходит, останавливается напротив. Родители ждут, когда она бросится обнимать брата, но...

– Это было мое желание, – спокойно произносит Алика и тонкой, как хворостина, ручкой толкает его в грудь.

Он ожидал этого, но так давно не стоял на собственных ногах, что не удержал равновесия. Стекланный шар выскользнул из пальцев и, едва коснувшись пола, звонко рассыпался множеством осколков.

Слепящий серебристый туман окутал его, заставив зажмуриться, а когда он снова открыл глаза, понял вдруг, что лежит на песке – влажном и холодном. Вода ласково касается босых ног, а в небе над головой слышен шорох огромных крыльев.

Об исчезновении Виктора Алсакова спустя два дня говорил весь район. Старичок-стеклодув, успевший вместе со своим прилавком переместиться с аллеи поближе к проспекту, узнал об этом довольно скоро. И удивился – ведь шар желаний у него купила девушка – болезненная, тщедушная. Неужели она благородно пожертвовала своим желанием и отдала шар брату, последние полгода проведенному в инвалидном кресле? Если так, то девочке наверняка понадобится еще один шар.

Прошло уже столько времени с тех пор, как стеклодув, который спокойно жил и работал в небольшом уютном городке предгорья, попал сюда. В неизвестный, незнакомый мир. Как и почему – он не знал. Просто однажды очутился посреди странной улицы с невероятно огромными громоздкими домами, быстрыми блестящими экипажами и непривычно одетыми

людьми. Ему повезло наткнуться на приют для таких, как он – потерявшихся в этом мире, не имевших ни дома, ни работы. Правда, все они родились здесь, но частенько не умели делать ничего полезного. Или просто не хотели. А он очень хотел. Сперва ему позволили помогать одному местному стеклодуву, а тот, видя, что перед ним не ученик – мастер, – помог разжиться необходимыми инструментами. И вот тогда-то заброшенный в неизвестность человек понял, что умеет делать настоящие чудеса.

О том, насколько они могут быть коварны, продавец стеклянных чудес узнал не сразу. Испугался. Но все равно продолжал свое дело. Опьяненный сознанием того, что из рук в руки передает человеку его счастье, он, случалось, забывал предупредить об опасности. Но после того случая, когда паренек-школьник исчез прямо у него на глазах, память ему не отказывала.

На этот раз продавцу стеклянных чудес не в чем было себя упрекнуть – юную покупательницу он предупредил, что шар разбивать нельзя. Почему же она не сказала брату?

Девушка, та самая, сестра пропавшего Виктора, объявилась на третий день. Пришла на аллею, остановилась напротив стеллажа с шарами – худенькая, в слишком плотном для жаркого дня темно-синем платье. Безрадостное пятно на фоне буйной зелени листьев и пестрого ситца летней одежды. Протянула деньги:

– Мне нужно еще одно чудо.

Голос ее был ровным. Безжизненным. Старый стеклодув не списал это на печаль из-за брата – помнил, что несколько дней назад эта девушка была точно такой же. И ничуть не изменилась.

– Что случилось с твоим братом?

– Он забрал мой шар. Загадал желание. Потом разбил его нечаянно и исчез, – на мгновение в ее глазах мелькнуло любопытство: – Вы не знаете, куда?

– Прости, но, – он виновато развел руками, – нет, не знаю.

– Жаль, – она равнодушно пожала плечами. – Возьмите деньги.

Старик принял из рук девушки несколько красноватых бумажек, и, выбрав шар с серебристо-фиолетовыми красками внутри, протянул его покупательнице. Только положив чудо в подставленные ладони, заметил, как яркими искорками зажглись под стеклянной поверхностью несколько алых брызг.

– Возьми. Загадай то, чего тебе на самом деле хочется больше всего. И... ты ведь помнишь? Его нельзя разбивать.

– Помню, – девушка опустила свое приобретение в серую сумочку. Сделала несколько шагов и обернулась. – Но вы ведь не знаете, куда он пропал? – ее неподвижное лицо на миг осветила мечтательная улыбка. – Может, именно там и есть настоящее чудо...

Глава 1. Дочь леса

Солнечные зайчики резвились на воде. Речушка, которую при желании можно было перепрыгнуть, хорошенько разбежавшись, поблескивала, словно усыпанная осколками зеркал. Ее тихий голосок перекрывал птичий щебет. Я поставила корзинку на землю и осторожно присела на зеленеющий свежей травой бережок.

Еще зимой Арис как-то узнал, что сына воеводы видели недалеко от Раславы, вместе с Максимом, но с тех пор прошло больше месяца, а вестей от Леона не было. Мы с Алиной старались не говорить об этом, но я видела, как она смотрит в окно полными слез глазами, выглядывая то ли Горыныча с восточкой, то ли самого Леона.

Хуторяне устроили зиме шумные проводы. Седьмицу гуляли. Ходили с песнями вдоль оград, угощали детей сладостями. Нарядили побрякушками да лентами соломенное чучело и поставили его на утоптанном пятачке за поселком. Вокруг него по вечерам плясали, нацепив патлатые парики и маски злобных лесных духов. А на седьмой день чучело сожгли.

Арис в гуляниях не участвовал, да и мы с Алиной поостереглись, хотя подругу мою парни уговаривали наперебой.

С наступлением весны жизнь на хуторке как-то зашевелилась, словно пробуждаясь от спячки. Старая Марфа, для которой я из-под снега выкапывала таинственные корешочки, дала мне новое задание. Осторожно, чтобы не повредить белые звездочки цветов, я несколько часов ползала по поляне, обдирая нижние сочно-зеленые листья и складывая в немаленькую круглую корзину. За это мне обещали дать хлеба и молока, и я старалась, потому что теперь приходилось подкармливать и Ариса.

Горыныч постоянно куда-то уходил и отсутствовал неделю-две, а потом возвращался так тихо и незаметно, что о его прибытии мы узнавали по выходящему над трубой его дома дымку от растопленной печи. Из своих поездок он привозил нам еду, и каждый раз старался сбежать поскорее домой, чтобы не выслушивать благодарностей. Но в последний раз вернулся больной, с температурой, и едва дополз до кровати. Мы с подругой узнали об этом лишь через пару дней. Пока Алинка занималась лечением, я строго отчитывала Ариса за то, что не пошел сразу к нам, а потом притащила еду, нагрела молока. Горыныч – неумытый, в затасканной рубахе и штанах, сердито смотрел на нас с низенькой, накрытой старым одеялом, тахты. А когда подружка предложила помочь ему прибраться в доме и вещи постирать, выпроводил нас за дверь.

Мы не обиделись и тем же вечером заявили к Арису ужинать. Естественно, со своими припасами, и как Горыныч ни отнекивался, ему пришлось уступить и нашим уговорам, и собственному желудку. Что с ним случилось, где он был, и куда делась его сумка, деньги и тулуп – мы так и не узнали. Но первые несколько дней буквально заставили своего соседа на завтрак, обед и ужин заглядывать к нам в гости.

Вчера Арис, уже окончательно придя в себя, отправился к старосте на подработку – дрова рубить, колодец подправлять. Сегодня я его не видела – на завтрак не пришел, а дома его не оказалось.

В лесу было хорошо и так пьяняще пахло весной, что хотелось лечь на землю и дышать, дышать... Но на земле еще холодно, да и Алинка, наверное, ждет. Я поднялась, потянулась за корзинкой – и замерла.

В нескольких шагах от берега, прислонясь к серому древесному стволу, стояла девушка. Высокая, тоненькая, бледная – аж светится. Длинные темно-русые волосы мягкими волнами ниспадали на спину. Платье, словно сшитое из молодой листвы, держалось на одном плече, плавно обволакивало стройную фигуру и спускалось до земли. Незнакомка звонко рассмеялась, откровенно забавляясь моим изумлением, шагнула вперед. В высоком разрезе показалась стройная белая ножка.

Я уже почти догадалась, кто передо мной, и потому решила, что надо проявить вежливость.

– Здравствуй... те.

– Здравствуй, – ответила она. Тоненький голосок звенел колокольчиком.

– Ты кто такая?

– Человек, – ответа получше у меня не нашлось.

– Вижу, что человек, – она снова засмеялась. – А что делаешь в моем лесу?

– Листочки собираю, – я показала ей корзинку.

Та заглянула внутрь, словно оценивая причиненный ущерб. В милом треугольном личике с большими янтарными глазами было что-то кошачье. Я не удержалась и спросила:

– А ты кто?

– Я – дочь леса.

– Мавка?

Она передернула плечиками.

- Меня Осинкой зовут. А тебя?
- Женя, – сказала и сообразила, что свое имя называть не стоило.
- Ишь ты, не соврала, – Осинка прищурилась. – Глууупая!
- Зато честная, – обреченно похвасталась я, чем снова вызвала смех.
- Я же говорю – глупая!

Цепкие прохладные пальцы с неожиданной силой вырвали из моих рук корзинку, я услышала всплеск за спиной и обернулась. Корзинка плыла по речке, листики, собранные с таким трудом, кружились на воде.

«Вот тебе и хлеб с молоком», – успела подумать, и тут же почувствовала прикосновение рук на плечах. Что-то царапнуло кожу.

Я дернулась, и лишь тогда увидела, что за плечи меня держат не тонкие девичьи руки, а ветви, новые побеги быстро оплетают локти, запястья... Жесткая петля охватила горло, мешая дышать, над головой дрожали свежие листочки. И голос дочери леса – тихий, как шепот ветра – повторял медленно и напевно:

– Забудь. Забудь себя. Забудь жизнь свою и любовь свою. Забудь горести и радости. Забудь родных и близких, друзей и врагов, забудь...

И неуловимый, словно гаснущее эхо, еще один такой же голос подпевал ему, повторяя мое имя:

– Женя, Женя...

Разом все смолкло.

– Ты назвала мне не то имя, – недовольно сказала Осинка прямо над моим ухом. – Может, оно не полное?

Я молча дернулась, но петля на горле предупреждающе шевельнулась.

– Вот как? Имя не скажешь? – она вздохнула. – А ведь ты могла бы стать такой, как я. Свободной. Красивой. Любой мужчина, увидев тебя, сошел бы с ума от страсти. Хочешь? Ну, говори?

– Нет, спасибо, – я кашлянула и попросила: – Отпусти.

– Еще чего! Лучше я тебя в дерево превращу. Будешь стоять на бережочке. Место красивое, тихое...

Мне стало холодно.

– Не надо. Не надо превращать, – сжимающая шею ветка здорово мешала говорить. – Скажи, чего ты хочешь?

– А что у тебя есть? – оживилась Осинка. Веточки беззастенчиво залезли ко мне в карманы и, ничего не найдя, сильнее сдавили тело. – У тебя ничего нет! Совсем! Так что быть тебе деревом!

От объятий становится больно. Лихорадочно соображаю, что же предложить взамен за свою жизнь и, наконец, вспомнив, почти кричу:

– Сережки!

Хватка ослабевает.

– Золотые, – уточняю.

– Они маааленькие, – дочь леса сокрушенно вздыхает. – Что еще предложишь?

– Одежда?

– Фи! Зачем мне эти тряпки!

– У меня дома есть получше. Немного.

– Фи! – пауза, и заинтересованное: – А что еще у тебя дома есть?

Чуть не ляпнула: «спички», вовремя сдержалась.

– Ложки, вилки, посуда... Нитки, иголки. Браслетик бисерный.

– Что за браслетик? – спрашивает Осинка.

– Пять рядов, узор цветочками... он симпатичный, правда.

– Не интересно! – перебивает. – Еще что?

– Платки, полотенца... Нет? Термос? Это чтобы воду в него налить, и не остывала. Тоже нет? Мобильник...

– Это что такое?

– Телефон такой, – вздыхаю – нет у них тут телефонов. – Такая штучка: светится, музыку играет разную...

– Интерресно, – мурлычет Осинка и замолкает. И я замираю, опасаясь отвлечь ее от раздумий. – Хорошо. Давай свои сережки!

Ветви скользнули, освободив руки, которые сильно занемели, и я минут пять потратила, чтобы вынуть из ушей золотые колечки. Тоненькая веточка ухватила их с моей ладони. Осинка недовольно поцокала языком:

– Маааленькие! – и, наконец, отпустила.

Я не удержалась, упала на землю. А когда прокашлялась и смогла поднять голову, мои сережки уже красовались в аккуратных ушках коварной красавицы.

– Но учти, – она погрозила тоненьким длинным пальцем, – чтобы до заката принесла мне этот... который светится и музыку играет. Понятно?

– Хорошо.

– Не обманешь?

– Не обману.

Да, такую обманывать – себе дороже. Потом можно и вовсе в лес не заходить.

Домой я вернулась быстро. Достала из рюкзака новенький мобильничек, купленный родителями на тот случай, если окажусь в аномалии. Всунула в него запасной аккумулятор, чудом доживший без подзарядки до весны. Что ж, в следующий раз буду знать, что надо не мобильниками запасаться, а бусиками-браслетиками да сувенирами разными – мавкам на подарки.

Самодельный браслет из цветного бисера был одной из немногих вещей, оставшихся при мне после бегства из Раславы. Его я тоже захватила – так, на всякий случай. Поглядела на пластмассовую голубую сосульку – подарок Максима, но решила, что за елочную игрушку капризная Осинка еще обидится.

Выбегая из дома, едва не сбила с ног Алину – та как раз возвращалась от больного. И пахло от подруги хлевом.

– Опять корову лечила, – пожаловалась она и уже в спину спросила: – Жень, ты куда?

– Потом! – крикнула я и со всех ног побежала к лесу.

Солнце медленно опускалось за верхушки деревьев. Остановившись на берегу, я огляделась, не уверенная, что верно запомнила место.

– Надо же, пришла, – послышалось за моей спиной.

Осинка подошла, взяла с моей ладони телефон, покрутила и, словно обжегшись, бросила на землю.

– Ты что принесла? Оно плохое!

Подняв телефон, я вынула аккумулятор.

– Так лучше?

– Лучше, – согласилась дочь леса. – Но... теперь оно не светится.

Она поджала губки, ощупала меня пристальным взглядом и, протянув руку, потребовала:

– Ладно, давай сюда свой браслетик!

Обратно я не шла – плелась, едва переставляя ноги. Тревожила мысль, что если хутор не зря называется Осинки, то в здешнем лесу может быть не одна такая очаровательная вымогательница.

– Женя, ты откуда?

Василий, старостин внук, возвращался с охоты. За его спиной болтались заячьи тушки, штуки четыре.

– Гуляла, – устало ответила я.

Дальше пошли вместе. Вася был немногословен, охотой не хвастался. Разве что про Алину спросил – осторожно так. С тех пор, как мы поселились в Осинках, наверное, каждый второй молодец поглядывал на мою подругу с интересом, а каждый третий пытался подкараулить у калитки или провести до дома после посещения заболевшего хуторянина...

На развилке Василий свернул на соседнюю улицу, а я остановилась у невысокого заборчика возле Арисова дома. Коленки подогнулись, я уселась на землю.

И тут же вскочила с визгом. Змея выскользнула из-под меня и юркнула в щель между досок.

– Чего кричишь?

Спокойный тон подкравшегося Ариса окончательно вывел меня из равновесия.

– Ах, чего кричу? А того! Раскидал здесь своих гадюк ползучих! Ни сесть, ни встать, ни упасть нельзя! Ползают везде! Шипят! Под ноги лезут!..

Не хватило дыхания, я замолчала, только тут сообразив, что ору как сумасшедшая. Горыныч смотрит, словно ждет чего-то, глаза темные: то ли от злости, то ли от обиды. Нет, ну чего, спрашивается? Разве не видно: у человека истерика, он себя не контролирует...

– Черт знает что творится, – я пнула заборчик, вымещая на нем злость и на хитрую Осинку, и на змею, и на себя. Развернулась и пошла к нашему с Алиной дому, стараясь не обращать внимания на тяжелый взгляд, направленный в спину.

На следующий день Арис не пришел к нам обедать, хотя Алина звала. Отговорился, как умел, вежливо, и подруге это совсем не понравилось. Выслушав ее, я поняла, что придется идти самой и просить прощения за вчера.

Горыныч сидел на крылечке. Серая гадючка положила голову ему на ладонь, словно кошка, что напрашивается на ласку. Потом одним быстрым движением скользнула вверх, обвиняясь вокруг протянутой руки.

– Здравствуй, – я остановилась в нескольких шагах, не решаясь подойти ближе.

– Здравствуй, – эхом отозвался Арис.

– Ты прости, я вчера... я не хотела.

– Я понял.

– Просто день был тяжелый.

– Ясно, – он смотрел на гадючку, а та, повернув голову, на меня.

Вдруг змея открыла рот и, показав ядовитые зубы, зашипела. Я отпрянула и от испуга едва не шлепнулась на землю. Арис прикрыл змею ладонью, успокаивая. Ко мне даже не обернулся. Я ждала целых полминуты, прежде чем развернуться и гордо уйти, оставив Горыныча в обществе рассерженной гадюки, которое его, похоже, вполне устраивало.

Вечером, пока я, переборов страх, искала в лесу Марфину корзинку, выброшенную Осинкой в реку, Алина вернулась домой с температурой. Градусник у нее был, подруга лежала на постели, прикрыв глаза, и, услышав мои шаги, сообщила:

– Тридцать восемь и пять.

– Вот черт!

– Не чертыхайся...

Хорошо, родители обновили нам аптечку. Вытащив компактный кулечек, я приготовила противовирусные, жаропонижающие, выложила их на столик в комнате и отправилась греть воду, очень надеясь, что у Алинки обычное ОРВИ, которое пройдет себе за несколько дней. Только переждать...

Горыныч пришел, когда уже стемнело.

– Стучилось что?

– Как узнал?

Отводит глаза. Ну ясно – змеи проснулись, теперь мы, как и весь хуторок, под их неусыпным наблюдением.

– Алина заболела.

– Сильно?

– Температура, кашляет.

– Говорил же, не надо было меня лечить, – Арис виновато глянул на дверцу, за которой дрожал свечной огонек. – Заразилась.

– Да ладно, – пожимаю плечами. – Мы вон скольких лечили – еще ни разу не заразились ни от кого.

И, спохватившись, стучу по столешнице – чтоб не сглазить. Горыныч заметил, усмехнулся, и тут же снова посерьезнел.

– Помочь чего?

– Да нет.

– Еда у вас есть?

– Есть, – вздыхаю и признаюсь: – Немного. Но Алинке сейчас много и не надо, аппетита нет. Она у меня малину пьет.

– А ты? Тоже голодаешь?

– Я святым духом питаюсь.

Во взгляде Горыныча читается сомнение. Да, знаю, по мне не скажешь...

– Ладно, сейчас принесу вам чего-нибудь.

Алинка выбралась к столу ненадолго. Моя подруга из тех, кто болезнь на ногах не переносит, предпочитая вылеживаться. Она посидела немножечко, съела жалкую четвертушку сдобной булочки, пожевала тоненький кусочек свежего сыра и снова легла, засунув в подмышку градусник.

– Женечка, уже тридцать девять, – сообщила она из спальни. – Дай таблеточку.

– Сейчас, – я поднялась, и Горыныч тоже вскочил. Резко обернулся к окну, замер, словно прислушиваясь и, ни слова не сказав, выбежал из хаты.

Подруга не спала, а лежать ей было скучно. Устроившись на своей постели, поверх одеяла, я развлекала ее рассказом про Осинку. К сожалению, истории хватило минут на двадцать, не больше, и стоило замолчать, как в голову полезли невеселые мысли.

– Леон долго не возвращается, – озвучила их Алина. – Женечка, как ты думаешь, что могло случиться?

«Да все, что угодно», – этого я вслух говорить не стала, подруга и сама понимает.

– Наверное, они с Максимом нашли воеводу и пытаются его освободить. Такое дело за пару дней не сделаешь, надо все спланировать. А если его еще увезли далеко, посадили в какую-нибудь тюрьму, тогда можно месяцами побег готовить.

– Но ведь он бы передал нам весточку, правда, Жень? Или Арису. Арис ведь ждет, как и мы, только не говорит. Наверное, тоже волнуется.

Что-то стукнуло, словно открылась дверь. Оставив подругу, я выскочила из спальни.

Арис стоял посреди горницы. В руке его был меч, а на спине, перевесившись через плечо, лежал человек в порванной, залитой кровью одежде. Русые волосы, сильно отросшие, скрывали лицо, но я не могла его не узнать.

– Куда положить? – шепотом спросил Арис.

На лавке ему будет узко, неудобно. Есть еще моя постель... Распахнув дверь спальни, я пропустила Горыныча с его ношей внутрь, и тут же услышала отчаянный вопль подруги:

– Леон!

Отстранив Алину, которая так и рвалась помогать, мы с Арисом осторожно отлепляли пропитанную кровью ткань Леоновой рубашки от тела. Рана оказалась глубокой – видно,

задели в драке. Полоснуло по груди, на ключице рубануло по кости, но определить, есть ли там перелом, получилось не сразу – края раны воспалились, опухли и выглядели довольно страшно. Подруга, закусив губу, смотрела огромными от ужаса глазами, потом поднялась.

– Женечка, дай я попробую...

Мы обе знали, что ничего не получится: когда Алинка болеет, она никого лечить не может. Даже с моей помощью. Но – вдруг? Понаблюдав за нашими попытками, Горыныч попросил у меня иголку с ниткой, взял спирт из нашей аптечки и выпроводил нас с Алиной за дверь. Обнявшись, мы сидели на лавке и смотрели то на огонек свечи, стоящей на столе в простеньком подсвечнике, то на плотно закрытую дверь нашей спальни, откуда изредка доносились стоны. Слыша их, Алина прижималась ко мне сильнее, горячими пальцами до боли сжимая мою руку.

Наконец, дверь приоткрылась. Горыныч выглянул, жестом позвал нас внутрь.

Леон все так же был без сознания. Рана, пересекающая грудь и ключицу, превратилась в ровный шов. На воспаленной плоти ярко выделялись белые нитки.

– Перевязать надо, – напомнил Арис.

Под повязку положили мазь, найденную в аптечке, и замотали настоящим бинтом. После Горыныч кое-как напоил Леона чистой колодезной водой и сел рядом с кроватью прямо на пол, устало опустив руки.

– Как он? – тихонько спросила Алина, склоняясь над раненым. – С ним все будет хорошо? Правда?

Наверное, Арис в этом уверен не был, и врать не стал.

– Крови потерял много, – сказал он. – Сил нет, едва держится.

Бледное лицо Леона казалось одного цвета со свежими бинтами. Я опустилась на колени рядом с кроватью, взяла его за руку, нащупала пульс. И плевать, что и Алина, и Арис сейчас смотрят, и что себе думают, и о чем догадаются... Леону сейчас силы нужнее, а если я после проваляюсь денек в постели – в том большой беды не будет.

Закрываю глаза, прижимаясь щекой к горячей мужской ладони.

– Жень!.. – тихо зовет Алина.

– Не мешайте.

* * *

Пробуждение было приятным. Солнце светило в окно, заглянувший в комнату лучик грел мне щеку. С улицы доносился щебет. А рядом еле-еле слышно переговаривались Алина с Леоном. И тихонько стучала деревянная ложка о глиняную миску.

Сообразив, что все это мне не снится, я открыла глаза.

Леон сидел, облокотившись о подложенные под спину подушки, в широкой теплой кофте, накинутой на плечи, до пояса прикрытый одеялом. Повязка пересекала грудь и накрывала плечо. Он благодарно улыбнулся и прошептал:

– Спасибо.

– Ой, Женечка, ты проснулась! – Алина тоже улыбалась, устало и вяло, видно было, что не спала всю ночь. – Как себя чувствуешь? Там еда на столе... Арис приготовил.

– Все в порядке, – я приподнялась, свесила ноги с кровати. – Алин, ты ведь не спала? Ложись пока.

– Ничего-ничего, я посижу.

– Радость моя, кто из нас больной, а?

Подруга собралась возразить, но тут же расчихалась. А потом схватила пучок какой-то травы, обнаружившийся на столе, и стала махать им перед своим лицом.

– Это Марфа принесла, – объяснила она. – Дезинфекция.

Глава 2. За живою водой

Леон так и остался у нас, только мы его разместили в горнице, на тахте, принесенной Арисом из дома. Сын воеводы приходил в себя медленно, едва мог вставать и до уборной шел, шатаясь, держась за стенку, изредка разрешая мне или Арису его провести. Расспросить его мы с Алиной не решались, Горыныч тоже не торопил, понимая, что срочные вести сын воеводы не стал бы держать при себе. На третий день после обеда Леон, сидя на своей тахте, сам вдруг сказал:

– Раславы больше нет. Все, как ты говорил, Арис.

– Как – нет? – переспросила я.

– Нет. Руины. Пепелища, – он нахмурил брови, заглядывая в полупустую кружку. – Бродяги какие-то поселились, кто смог пройти караул. И все.

Он помолчал, но видя, что все ждут продолжения рассказа, вновь заговорил:

– Мне удалось попасть в город, пока Максим отвлек стражу. Нашел тайник, оружие... И тех, кого превратили в камень. Они так и стоят на площади. Среди развалин.

– А разве Максим не смог их расколдовать? – удивилась Алина.

Леон покачал головой.

– Он не смог к ним пробраться. И... мне тоже пришлось уйти. Мы поспрашивали в Ручейном. Люди видели, как церковники вывезли из города закрытый фургон. Нам указали дорогу. Оказалось, фургон ехал в Свято-Георгиевскую обитель. Они остановились на постоялом дворе, в Васильковом. Сын хозяина игрался с приятелями недалеко от повозки, им стало любопытно, что внутри. Проковыряли щель между досок... – Леон покрутил кружку в руках, вздохнул. – Мальчишки все как один клянутся, что видели в фургоне каменного человека.

Я словно ожидала чего-то подобного, и потому не удивилась.

– О, Господи! – выдохнула Алина, а Арис хмуро потребовал:

– Дальше.

– Дальше мы решили ехать в обитель. Сначала нашли колдуна, который смог изменить нам внешность. Обещал, что хватит на неделю. Но... только мы прошли под воротами монастыря, колдовство рассеялось.

Объяснить этакое чудо мне оказалось просто:

– Им, наверное, кто-то из наших с воротами помог.

– Наверное, – согласился Леон.

– А может, кое-кто подгадал минутку и чары снял, – подал голос Горыныч, явно намекая на Макса.

– Вряд ли, – возразил сын воеводы. – Ему тоже досталось. Мы оба едва вырвались. Но кое в чем ты прав, Арис. Нас словно ждали. Мы с Максимом несколько дней в окрестностях прятались, людей спрашивали. Фургон видели, говорят, заехал в те самые ворота. Одна старушка рассказала, что его ночью на заднем дворе разгружали, что-то большое и тяжелое там было. Но что именно – не разглядела, а после ее сын позвал, и что дальше произошло – она не знает.

– Значит, ты так и не увидел отца? – тихонько спросила я.

Он покачал головой.

– Нам пришлось уйти оттуда. Была погоня, Максима ранили. Я помог ему спрятаться и отвлек. А у развилки, что возле Павловска, меня поджидали. Понять не могу, как узнали. Вроде не по прямой дороге ехал... Застали врасплох, – он нахмурился. Допил остывшее молоко и отставил кружку на край тахты. – Знаешь, Арис, я долго думал над тем, что ты говорил мне тогда, в лесу, ночью. Помнишь? Нам, и правда, больше не к кому обратиться за помощью. Но... я уже не застал того времени, когда старейшины общались с лешими и водяными. Помню, что с ними боролись – то церковники, то сами крестьяне, а позже – и колдуны. Потому что леший

детей таскал, водяной рыбу в сеть не пускал, русалки... – он усмехнулся, – сам знаешь. И я совершенно не представляю, как с ними можно договориться.

Я вспомнила Осинку и ляпнула:

– Бусиков закупить побольше, когда в аномалии будем.

На меня посмотрели удивленно, а Горыныч – подозрительно.

– Есть тут одна любительница побрякушек, – проговорил он. – Только это у них по-молодости, потом проходит. Лет эдак через двести. И молодых совсем мало осталось, их колдуны в первую очередь перебили. Так что бусиками не откупимся.

– А чем?

Горыныч пожал плечами:

– А кто их знает? Решим на месте. Там народ капризный, но, думаю, сторгуемся.

* * *

В путешествие мы собирались потихоньку, без спешки, день за днем. Леон едва ходил, и свалился бы на первой стометровке, а Алина, хоть и перестала температурировать, кашляла да чихала, вытирая припухший от насморка нос платочком. Я пыталась помочь, но после той ночи, когда, по рассказу подружки, таки потеряла сознание, силы возвращались необыкновенно медленно. На моем самочувствии это не отражалась, а вот делиться было практически нечем.

Наверное, мы бы еще месяц ждали, пока Леон окончательно придет в себя, но Арису не нравилась эта задержка. Он пару раз уезжал куда-то, позаимствовав у старосты лошадь, и возвращался через сутки, усталый и недовольный. Первый раз на мой вопрос, куда и зачем ездил, Горыныч не ответил.

После второй поездки он, как обычно, зашел к нам. Алина как раз готовила ужин, я зашивала дыру на рубашке. Арис поздоровался, узнал, что Леон дышит свежим воздухом на лавочке за домом, и пошел к нему. Я отложила шитье и тихонько, мысленно успокаивая проснувшуюся совесть, отправилась следом.

Они говорили тихо, но расслышать слова оказалось нетрудно.

– Ну как? – спросил Леон.

– Ищут.

– Думаешь, найдут?.. И скоро?

– Не знаю, – ответил Горыныч.

– Уходить надо. Хотя бы вам. Арис, может...

– Тихо, – перебил его тот.

Я вслушивалась, вслушивалась... И едва не умерла от страха, когда прямо передо мной неожиданно выросла темная фигура. Горыныч молчал, но надеяться, что мне позволят дослушать разговор или введут в курс дела, было бы слишком наивно. Я виновато пожала плечами и, провожаемая укоризненным взглядом, ушла в дом.

Подслушанный разговор о многом заставил задуматься. И многое прояснил. Вот почему Арис постоянно словно на иголках, почему так много змей ползает у нашего дома и за околицей. И Леон наверняка чувствует себя виноватым, но ничего не может поделать. Хорошо, что Алина не знает, иначе тоже бы не находила себе места. А ведь надо что-то сделать, и срочно, иначе скоро придется уносить ноги. И Леона, которому в его состоянии путешествие вряд ли пойдет на пользу.

Полночи я думала, как помочь ему и подружке выздороветь. А наутро отправилась к Марфе.

Старушка жила в небольшой, окруженной цветником избушке. В ответ на стук в дверь Марфа крикнула: «заходи», – предпочитая не отвлекаться от приготовления всяческих снадобий на такие пустяки, как открывание-закрывание двери.

Я вошла в благоухающую травами горницу и устроилась на табурете у двери. Старушка сидела подле окна: в вышитой рубашке, красной юбке с передником и темно-вишневой в мелкий цветочек косынке, прячущей волосы и завязанной надо лбом. Хвостики смешно торчали в разные стороны, напоминая то ли рожки, то ли заячьи уши. На плотной шее Марфы красовалась не одна нитка бус.

– За работою пришла? – спросила она, не переставая толочь что-то в медной ступке.

– Нет. Спросить хочу. Я тут слышала о живой воде.

– Надобно тебе?

– Надобно.

Знахарка вздохнула, поставила ступку на колени.

– Озеро где – знаешь?.. Там в заливчике, за старою пристанью, ручеек был. Вода в нем завсегда целебною считалась, и, помню, когда ешо молодая была, многие хвори ею вылечивала – и себе, и людям. Только вот у пристани нечисть какая-то завелася, и мало кому удавалось до воды той добраться: кого сгубит, над кем поглумится да отпустит восвояси голого-босого, с синяками да шишками. А последний год так и вовсе одель никто не возвращался.

– А многие ходили?

Старушка задумалась, загибая пальцы, подсчитывая.

– Трое, кажись. Один вернулся, да умом тронулся после. А мож, он и раньше болезный был, кто его знает?

После такого рассказа стало немножечко не по себе.

– Вы мне скажите, как это место найти. Позову Ариса, вместе пойдем.

– Ни-ни, нельзя вместе! – старушка замотала головой. – За живую водою токмо в оди-ночку ходють, да ночью, абы никто не знал да не видел.

– Почему это?

– А иначе силы волшебной в ней не будет.

Дурацкое условие и очень подозрительное, но после того, как девушка в лиственной одежде чуть не превратила меня в дерево, я готова была поверить во все, что угодно.

– Так пойдешь? – деловито осведомилась Марфа.

– Пойду. Куда денусь...

– Ну так я тоже скляночку приготовлю, принесешь и мне водички. Ежели достанешь. А то ведь уйдете вы – сызнова ко мне все пойдут со своими хворями... – знахарка протянула руку, взяла горсть сушеных ягод с блюдечка на подоконнике, бросила в ступку и принялась толочь. – Ты зайди ко мне пополудни, да монетку принеси медную. Я тебе на нее нашепчу, абы нечисть отпугивать.

Я недоверчиво скривилась.

– И что, поможет?

– А то как же! Токмо она и поможет, без нее никак. Заговоренных медячков наша окрестная нечисть завсегда пугалася.

Вечер близился. Медная монетка, заговоренная Марфой, уже лежала в кармане. Арис зашел к Леону ненадолго, а после Алинка его уговорила поужинать с нами, и, так как Леон заснул, составить ей компанию, дожждаться меня. Сегодня его присутствие было очень некстати, но не останется же он на ночь!

Я быстро поела и сидела за столом, поглядывая в окно. До полуночи еще очень далеко, можно и подождать.

Леон спит на своей тахте. Алина с Горынычем, как нарочно, тянут время, медленно попивая горячий отвар.

– Арис, – тихонько шепчет подруга, – скажи, а ты, правда, видел русалок?

И эта туда же!

– Видел, – отвечает Арис.

– И какие они? Красивые, да?

– Да.

– Скажи, а правда, что они неженатых мужчин по ночам к воде заманивают и топят?

– Без разницы им – женатый или нет. Кого поймают – того и топят.

– Э... – подруга тактично молчит, не решаясь спросить. Потом осторожно: – Так тебя не поймали?

Я не сдержалась – захихикала. Арис поставил пустую кружку, поднялся из-за стола.

– А я им не глянулся. Доброй ночи.

* * *

Ночь, и верно, оказалась доброй – звезд на небе видимо-невидимо, тепло, безветренно. Луна только блеклая, почти не светит. Ну да ладно, тайное дело темноту любит. Как, впрочем, и нечисть. Да и Марфа сказала, что ночь сегодня самая благоприятная.

Я осторожно выбралась из дома, оставив записку, что вернусь к утру, и, на ходу застегивая курточку, пошла к лесу, очень надеясь, что змеи возле Арисова дома спят, а если какая-нибудь меня и заметит, то не станет ради такого пустяка будить хозяина.

Нахоженная тропинка вела к озеру. Кроны деревьев смыкались, становилось темнее. Я нащупала в кармане монетку, зажала в ладони – а вдруг она и правда поможет?

Страшно. За каждым деревом чудище мерещится. А ведь днем этой дорожкой ходить одно удовольствие – светло, свежо, птицы поют...

– Куда идешь, полоумная! – рявкнули за спиной.

Едва не завизжала, вовремя прикрыла рот ладонью.

Ну, Горыныч!.. Узнал таки.

Дальше идем вместе. Отговаривать меня от затеи Арис не стал, а я решила, что на первый раз лучше уж вдвоем. Все-таки с Горынычем спокойнее. Он и сам страшный: русалок вон – и тех распугал. Да еще с топором...

– Марфа надоумила? – интересуется.

Я пожалела старушку-знахарку и честно призналась:

– Я сама к ней пришла с расспросами. Нам ведь уходить надо, да?

Молчит. Укоризненно. Да помню я, что подслушивать нехорошо! Но некоторые вещи получается узнать только таким образом, и никак иначе.

Вот и озеро. Темная вода поблескивает, отражая скупой свет. Изредка что-то плеснет, зашуршит трава у берега – и снова тихо.

Минуты через две показалась пристань – деревянный мосток с железными кольцами по краю. Рядом с ним в воде покачивалась старая лодка, перевернутая кверху дырявым днищем.

Едва поравнявшись с мостком, я заметила ручеек, прячущийся в траве. Марфа сказала, что воду надо брать только у источника, который мы с Горынычем отыскивали довольно быстро – в нескольких шагах от берега. Вода здесь промыла себе круглую ямку, на дне которой бил ключ.словно сторож-великан, у самого источника стояло старое засохшее дерево с корявым стволом и покрученными ветвями, угрожающе торчащими в стороны.

Это дерево и показалось Арису подозрительным.

– С живой водой рядом оно бы не засохло.

Я пожала плечами, достала фляжку, отвинтила крышку. Горыныч флягу забрал, отпихнул меня подальше, а сам наклонился к воде.

Негромкий скрежет заставил его отскочить назад. Лысая ветка хлестнула воздух над источником и замерла. А Арис вдруг упал. Мощное корневище, вынырнув из-под земли, охватило его ногу и потянуло к дереву.

Горыныч махнул топором. Раздался стук. В ответ – злобный скрежет. Несколько ветвей одновременно качнулись к нему, хватая за руки, обвивая тело. Топор выпал из разжавшихся пальцев.

Опомнившись, я ринулась на помощь. Схватила топор.

– Уйди! – крикнул Горыныч. Еще одна ветка охватила его горло, по ней-то я и рубанула.

Тут же что-то поймало меня за ногу, повалило на землю. Несколько раз удалось махнуть топором, отсекая выползшие из-под земли корни, но один из них шустро перехватил мой локоть, хлестнул по запястью, и правая рука оказалась обездвижена.

И тут я вспомнила о медной монетке, лежащей в кармане. Кое-как дотянувшись, вынула показавшийся горячим кругляшок и прижала его раскрытой ладонью к извивающемуся корневищу.

Дерево замерло, и вдруг заскрипело страшно, словно от дикой боли. Хищные объятия разжались. Я увидела, как Арис подхватил топор с земли.

– Уйди! Прочь! – крикнул он.

Несколько отрубленных веток упали на землю. Дерево опомнилось, новые щупальца пытались ухватить Горыныча за руки и ноги, а тот с неожиданной прытью уклонялся от хлестких ударов. Но скоро вновь оказался на земле.

Монетка поблескивала на взрыхленной почве. Я бросилась к ней, упала, поползла. Дотянулась кончиками пальцев.

Ветки шарахнулись от моих рук, но петля, державшая за ноги, замешкалась на миг, и отпустила, ощутив прикосновение горячей меди.

Горыныч выхватил медячок, сгреб меня за шкуру и отшвырнул прочь, словно нашкодившего щенка. А сам ринулся к стволу дерева-чудища, распугивая монеткой щупальца ветвей, ударил топором под корень.

Скрежет превратился в чудовищный рев. Ветви хлестали, уже не боясь заговоренной меди. Арис едва успевал уворачиваться. И рубил, рубил...

Все стихло внезапно. Дерево замерло, покачнулось и с тихим стоном повалилось на землю. Горыныч несколько секунд ждал настороженно, подняв топор, потом нагнулся, положил на пень мою монетку и, отойдя в сторону, устало опустил на траву.

Срубленное чудище по-прежнему не двигалось. Я встала с холодной земли и, отряхнув штаны, подошла к Арису. Ветви здорово его поцарапали, словно с кошкой дрался...

– У тебя бровь разбита, – тихонько заметила я и тут же об этом пожалела.

Горыныч поднялся навстречу, сгреб пальцами воротник моей курточки, приподнимая так, что носки моих ботинок едва касались земли.

– Дура! Тебе же велено было уйти! – прокричал он мне в лицо. – Почему не ушла? Жить надоело?

Таким я видела его впервые: разгневанный взгляд глаза в глаза пугал, от него хотелось спрятаться. И обидно до слез: ну кто бы на моем месте ушел?

Шелест, похожий на вздох, заставил нас обернуться. Корявый ствол поваленного дерева, ветви, пень и корневища почернели и в миг рассыпались холодным пеплом. Потускневшая медная монетка осталась лежать на земле, прикрытая темными хлопьями.

Арис разжал пальцы, отвел взгляд. Морщась, потер правое запястье и сказал обычным ворчливым тоном:

– Давай флягу.

Он присел у источника. Ждал, пока я справлюсь с нахлынувшим оцепенением, найду на перерытой корнями земле брошенную фляжку, принесу ему. Набрал воду. Понюхал.

– Пить их собираешься или как?

На меня не смотрел. Наверное, самому было неловко.

– Не знаю. Можно напоить. И Леону рану смазать, – голос еще дрожал от обиды, справиться с этим так вот сразу у меня не получилось.

Арис поднялся, еще раз понюхал воду.

– Лучше сам сперва попробую, – решил он и поднес флягу к губам.

Смех зазвенел серебряным колокольчиком. Тень шевельнулась, и на полянку вышла тоненькая девушка в платье из листьев, в которой я тут же узнала Осинку.

– Я бы не советовала, – она подошла к источнику, посмотрела на воду, потом на Ариса. Улыбнулась. – Помереть – не помрешь, а животом маяться будешь долго.

Горыныч молча перевернул флягу, и вода с бульканьем полилась вниз. Осинка снова засмеялась, потом протянула руку, красуясь браслетиком – бисеринки таинственно блеснули и переливались на ее бледной коже, словно не обыкновенное крашенное стекло, а драгоценные камни.

– Красиво, да? – дочь леса выпрямилась, подбоченилась, в разрезе платья будто нечаянно показалась ножка. Едва не до талии. – Что это вы здесь шумите? Весь лес всполошили, сестричек моих разбудили...

– А лучше надо за своим лесом присматривать, – проворчал Арис. – Развели нечисть.

Осинка хмыкнула и, поджав губки, осторожно тронула босой ножкой кучку пепла в траве.

– Оно само сюда приползло. Мы почуяли, что оно – плохое, хотели прогнать из леса – не смогли. Пришлось в дерево превратить.

– Хорошенькое дерево, – я поежилась, – на людей кидается.

– А люди сюда не ходят, – возразила красавица. Наморщила носик, словно вспоминала. – Ах, да, приходили. Один сначала, потом другой. Потом третий. Двое тут и остались, под корнями. А последний сбежал.

Она отбросила волосы за плечи, потянулась, словно ото сна и, повернувшись к нам, взмахнула длинными ресницами, явно кокетничая.

– А вы что здесь забыли?

Горыныч промолчал, предоставив объясняться мне.

– За живой водой пришли.

Как я и ожидала, Осинка засмеялась.

– Глуууупые! Тут давно живой воды нет. Источник отравили. А люди все ходят и ходят... Глуууупые!

– Это верно, – неожиданно согласился Арис. – Тогда может быть ты, умная, подскажешь, где эту воду найти?

– А вам зачем? – Осинка прищурилась. – Что, мертвяков поднимать будете?

– Нам живых вылечить надо.

– А... ну так это несложно, – она подобрала юбку, дернула за подол. Несколько листиков остались в ее пальцах. – Вот, возьмите. Из них отвар целебный любую хворь прогонит.

Листики опустились на ладонь Ариса, Осинка тоненько хихикнула. Крунулась.

– Скажи-ка мне, змеиный брат, а нравятся тебе мои сережки?

– С кого сняла? – поинтересовался тот. Красавица обличительно уставилась на меня. Горыныч обернулся, бросил в мою сторону хмурый взгляд, не обещавший ничего хорошего.

– Да, да, и браслетик, – продолжила Осинка. – Она мне и имя свое назвала. Совсем-совсем глупая!

– Ладно, – прервал ее Арис. – Ты скажи, здесь на двоих хватит?

– Хватит, хватит, – уверила его дочь леса. – По одному листочку на кружку, больше человеку разом пить нельзя. Если сейчас напоите, к утру как раз и подействует.

– Спасибо, – поблагодарил Арис. – Что хочешь за помощь?

На этот вопрос у Осинки ответ был, по-видимому, готов заранее.

– Бусики хочу. Из камешков голубеньких, которые бирюзой зовутся. Березке вон полюбовничек ее подарил, так она хвастает на весь лес. А бусики-то мааааленькие, камушки мееееленькие. Меньше горошины! Хвастать нечем! А мне бы крупненькие, да чтобы камушки все один к одному на ниточке – ровненькие, кругленькие.

– Будут тебе бусики, – пообещал Горыныч. – Как достану – передам.

– Уговорились, – мурлыкнула Осинка.

Она осталась у источника, а мы направились к озеру. Сделав несколько шагов, я запоздало вспомнила, что надо бы и мне поблагодарить дочь леса. Обернулась и сказала:

– Спасибо.

Осинка фыркнула и, вздохнув, пошла к нам.

– Погоди, змеиный брат. Дай-ка сюда листики.

Неужели отобрать решила?

Горыныч раскрыл ладонь, Осинка коснулась листочков пальцем, и в темноте я увидела, как меняются их очертания, и зелень становится светлее.

Арис усмехнулся.

– Отравить хотела?

– Да что ты, – дочь леса отступила назад, смущенно захлопала ресницами. – Пошутила я... Листочки эти, правда, помогут.

Листиков оказалось девять. Два я залила крутым кипятком в глиняных кружках, три спрятала в аптечку, два отложила Марфе отнести – в благодарность, а оставшиеся отдала Арису – на всякий случай. Минут через десять сняла блюдецки с кружек и, когда отвар немного остыл, отправилась будить Алинку.

Ее пришлось уговаривать, но подруга наконец-то сдалась, выпила терпко пахнущую жидкость и снова улеглась, накрывшись одеялом по уши. Леон проснулся быстро, молча сделал, что его просили, и тоже уснул.

Все еще сомневаясь в эффективности Осинкиных чудо-листочков, я решила сидеть до утра и наблюдать, как бы кому не стало плохо. Но очень скоро начала клевать носом и, устроившись на сложенных руках, едва не задремала прямо за столом.

– Иди спать. Я покараулю, – пообещал Горыныч.

Спорить и проявлять благородство в этот раз мне совершенно не хотелось.

Отвар из чудо-листочков помог. Алина больше не чихала, даже насморк прошел. И Леон на удивление стремительно пошел на поправку, к вечеру уверенно ходил и даже готов был пробежаться, но мы не позволили. И, чтобы не терять времени, решили на завтра же покинуть хутор.

Едва утро заглянуло в окна, я решила, что пора вставать. И не ошиблась. Едва вышла в горницу и прокралась мимо спящего Леона, как в дверь постучали.

– Готовы? – с порога спросил Арис и уставился на меня: вполне одетую, но явно только вылезшую из постели. Леон, разбуженный стуком, успел подняться, а Алинка еще досматривала сны.

Как ни странно, чтобы окончательно проснуться и собраться, нам хватило часа. Даже меньше. И лишь стоя на пороге с рюкзаком за плечами, я вдруг сообразила, что не знаю ответа на очень простой вопрос:

– А куда идем?

Глава 3. Клад королевы ужей

Когда-то богатая и процветающая Раслава всю торговала не только чудесами своих колдунов, но и принимала купцов с товарами. Рынок возле города был одним из самых боль-

ших в стране. Из-за гор, расположенных на юго-востоке, тоже прибывали караваны. Они ехали по хорошей дороге, нередко нанимая колдунов в охрану: от перевала до города и обратно.

На дорогу мы не выходили, шли стороной. Благо погода не портилась, и ночевать можно было в лесу. Арис сказал, что через несколько дней сможет достать нам лошадей у одного верного человека, потому как пешком до предгорья путь долог. Что ждет нас там, где в лесах, полях, реках и болотах еще живут те существа, которых теперь под одну гребенку всех называют нечистью, никто не знал.

В первый же вечер Горыныч предупредил нас, чтобы в лесу были осторожны, без надобности ничего не ломали, не срывали, не топтали...

– И вообще на землю лишний раз не ступали, а лучше – и не дышали, – пробурчала я. На маленькой уютной полянке чернел круг от кострища, но мы еще недалеко ушли от хутора и опасались подать знак возможным преследователям, а потому обошлись на ужин сухим пайком. – Эх, жалко, у вас драконы не водятся. Оседлали бы одного – вмиг домчали!

– Это кто бы оседлал? – поинтересовался Горыныч.

– Ты, конечно, – мы с Алиной расстелили карематы и уютно расположились почти вплотную друг к другу. – Дракон – это ведь тоже... как ящерица, только с крыльями и большая.

– Мысль, конечно, хорошая, но драконов у нас нет, – Леон устроился на сложенном одеяле, захваченном из нашего дома в Осинках. – Большие Змеи когда-то водились в горах, но о них уже лет десять не слышно.

– После того, как Горыныч последнему из них голову отрубил, – просветила я Алинку.

– Правда? – заинтересовалась подруга.

– Не знаю. Но очень надеюсь, что сейчас нам кто-нибудь расскажет.

Мы затаились и ждали. Мужчины молчали, потом Леон, сжавшись над нами, тихонько позвал:

– Арис!..

– Он ужедохлый был, змей этот, – проворчал Горыныч. Он лежал на земле, подложив руки под голову, и смотрел в небо, где светлячками загорались звезды.

– А зачем тебе его голова понадобилась? – спросила я.

– Продать. Или обменять. Вдруг бы комуглянулась.

– И как? Обменял?

– Нет.

– Чего так?

– Не донес.

– А чего не донес? И куда ты ее нес?

Рядышком захихикали.

– Женя, прекрати! – подруга обняла меня, придвигаясь ближе, чтоб согреться. Это после, засыпая, мы начнем пихаться локтями и располземся в стороны – не получается у нас спать в обнимку! Но сейчас нам было тепло и уютно. – Прямо допрос устроила. Захочет, сам расскажет. Правда, Арис?

– Не захочет он.

Горыныч нам отвечать не стал. Но в этот раз наверняка был со мною согласен.

Ночью я проснулась от холода. Алинка перетянула на себя мой спальник-одеяло, укрылась по самые уши – только ноги торчат. Было темно и тихо. Леон спал на боку, отвернувшись, положив пальцы на рукоять меча, словно в любой момент готов вскочить и защищать от кого и чего угодно.

Лунный свет мягко касался причудливых очертаний древесных крон, стволов, травы. Старый покрученный пенек стал похож на носатое чудище с недоброй ухмылкой. Эта ухмылка меня напугала, пришлось долго вглядываться в нечеткие контуры, чтобы убедиться – нет никакого чудища. Показалось.

Я вздохнула облегченно, и в этот миг пенек подскочил на месте и, шустро перебирая короткими корешками, юркнул в лес.

Там, где исчез оживший пенек, среди деревьев, проступая из черноты, виднелся бледный силуэт: длинное платье, словно дымка, треугольное лицо и глаза на нем – темными ямами.

Я смотрела, не в силах пошевелиться или закричать. Но вот белая фигура качнулась, отступила назад и растворилась во тьме.

Ветер шепчет в листве, заглушая дыхание спящих. Надо что-то делать, кого-то будить...

– Алина! Алина! – позвала я тихо и тронула подругу за плечо. Ничего. Спит. Словно заколдованная. – Алина! Вот черт...

Леон тоже не двигается. Ползти к нему?

– Случилось что? – голос с привычными ворчливыми нотками слышится за спиной.

Оборачиваюсь. Лицо Горыныча темное, свет на него не падает, только глаза едва заметно поблескивают.

– Арис! – не решаясь встать на ноги, ползу по траве к нему. – Арис, тут... тут был кто-то. В лесу, вон там... На Осинку похожая, только не она. Белая. И пенек... Страшный такой. Вот тут, совсем рядом...

Горыныч даже не пошевелился – лежит и смотрит на меня снизу вверх. Не верит?

– Правда, мне не приснилось...

– Они не тронут, – наконец отвечает он.

– Точно?

– Точно никто не скажет.

Оглядываюсь на Алину с Леоном.

– А они почему не проснулись?

– Устали, как черти, вот и не проснулись, – спокойно объясняет Арис.

Приглядываюсь. Прислушиваюсь.

– Они правда спят? Может... их заколдовали?

Вопреки ожиданию, Арис не послал меня куда подальше. Он приподнялся, вглядываясь в неподвижные силуэты, и, спустя несколько секунд заключил:

– Спят.

Теплая волна облегчения обволакивает тело и уходит. Раз Арис говорит, что спят, можно поверить. Но лечь все еще не хочется, да и... страшновато. А вдруг снова не вовремя открою глаза и увижу что-то, для меня не предназначенное?

– Слышишь, Арис, а зачем они приходили?

– А кто их знает, – он садится, без особого интереса оглядывается по сторонам. – Сюда колдуны редко заходят, потому и детей леса можно встретить.

– Их тут много? – теперь мне приходится смотреть снизу вверх, хотя Арис и ненамного выше ростом. – И что, каждую ночь теперь приходить будут?

В подлеске раздался хруст. Леон, подскочив, настороженно замер, потом оглянулся, увидел нас, сидящих рядышком. Арис кивнул ему, показывая, что все в порядке, и сын воеводы снова лег. А я, смутившись, поспешно поползла на свое место. Отчего-то перед Леоном мне было неудобно.

Заснуть сразу не получилось, но я лежала с закрытыми глазами и надеялась, что настоящую опасность змеиный караул, выставленный Горынычем, почует, и предупредит своего «брата».

– Ты ей неполное имя сказала? – вдруг спросил Арис.

– Кому?

– Осинке.

– А-а-а. Да. Неполное.

– Ясно.

– А зачем ей мое имя?

Арис помолчал, словно обдумывая ответ.

– Детей леса осталось немного. Вот и набирают себе помощников. Забирают у человека память, чтобы его домой не потянуло, и отправляют лес сторожить.

Меня пробрало холодом.

– Жуть... А знаешь, Осинка сказала, что я бы стала такой, как она.

– Стала бы, наверное.

– Погоди... – я приподнялась, изумленно поглядела на Ариса. – Так Осинка тоже – из людей?

– А кто ее знает? – он хмыкнул и посоветовал: – Спи.

* * *

На третий вечер мы решили, что от возможной погони ушли достаточно далеко, и наконец-то развели костер. Поджарили зайца, добытого Арисом. Ели его горячим, обжигая пальцы. Мясо оказалось жестковатым, но вкусным.

В эту ночь Леон остался сторожить у костра, а Горыныч отправился за лошадьми.

Утром мы с Алиной решили воспользоваться вынужденной задержкой – все еще ждали Ариса – и как следует отмыться после нескольких дней пути. Речка протекала неподалеку, в пяти минутах ходьбы от ночной стоянки. Алина разделась, подколола волосы и, аккуратно сложив одежду, зашла по щиколотку в холодную воду.

– Брр, – подруга поежилась. – Жень, ты, правда, собираешься купаться?

– А ты как думаешь? – зайдя по пояс, я сосчитала до трех, легла на воду и быстро поплыла, пытаюсь согреться. А после вернулась за мылом.

Подруга мерзла и колебалась, но потом все же окунулась. Намылилась наскоро, быстро сполоснулась и выбежала на берег. Там, закутавшись, поджидала меня.

– Интересно, тут русалки водятся? – задумчиво проговорила она.

– Надеюсь, что нет, – я выскочила из воды и, завернувшись в одеяло с головой, запрыгала по траве. Подруга отозвалась смехом. Но вот замолчала. Посерьезнела.

– Женечка, а как ты думаешь, я нравлюсь Леону?

– Очень.

– Правда? – она порозовела. – Ты знаешь, Женя... я, кажется, влюбилась. По-настоящему влюбилась! Смотрю на него и думаю: вот он, моя вторая половинка, мой идеальный мужчина. Самый лучший, самый настоящий... Я и не думала, что такие бывают. Он такой хороший, и... необыкновенный, правда?

– Правда, – с этим мне легко согласиться.

– И заботливый, – продолжает Алинка, мечтательно глядя на воду. – Ты не представляешь, как это приятно, когда так заботятся, опекают, словно маленькую...

Улыбаюсь, стараясь не встречаться с подругой взглядом. Да, не представляю.

– Но, – она обернулась и прошептала, округлив глаза: – Леопольд! Леопольд, представляешь! Мужчину моей мечты зовут Леопольд!

– Смирись, – встаю, подбираю одежду. – Ему, правда, подходит. К тому же его так никто не называет. Переживешь как-нибудь.

– Переживу, – охотно соглашается Алинка и тоже тянется за одеждой. В тот же миг по лесу разносится ее испуганный визг: – А-а-а-а! Змея! Змея!

Черная змейка, похожая на ужа, выпала из Алинкиной рубашки. Уползая она не спешила – свернулась колечками, подняла голову, над которой что-то блеснуло и превратилось в миниатюрную золотую корону.

Леон вылетел из-за кустов, едва не наступив на венценосную гадину, но вовремя остановился. Скользнул взглядом по Алинке, все еще закутанной в одеяло, и тоже уставился на змею.

– Королева ужей... – прошептал он.

– И что? – я выжидательно посмотрела на него, потом наклонилась к ужихе: – Доброе утро, ваше величество!

Кто знает, какую свинью может подкинуть нам эта коронованная особа? Лучше уж проявить вежливость.

– Доброе утро, – Алина последовала моему примеру. – Простите, пожалуйста. Я не хотела вас обидеть. Просто немного испугалась...

Змея смотрела на нас, подняв голову и слегка раскачиваясь, словно в такт неслышной нам музыке, потом отползла в сторону, снова свернулась кольцами и исчезла. Несколько секунд мы видели будто зависшую в воздухе золотую корону, потом пропала и она.

– Ой, – Алинка растерянно посмотрела на Леона, на меня. – И что теперь?

Леон пожал плечами:

– Насколько я помню из рассказов, змеиные королевы указывают людям место, где зарыт клад. Но...

– Клад! – хором воскликнули мы, и я тут же предложила: – Давайте откопаем! Деньги или драгоценности в любом случае пригодятся.

– Давайте, – поддержала подруга. – Только... у нас лопаты нет.

– Ничего, сейчас что-нибудь найдем. – Леон огляделся, вернулся к кустам, вытянул какую-то палку и, немного обстругав ее ножом, сделал что-то вроде лопатки. Присел, несколько раз копнул в том месте, где исчезла змея. Остановился, нахмурился.

– Там что-то есть.

Неужели действительно клад? Вот здорово! Сколько читала о разных кладах и сокровищах запрятанных... Как же любопытно своими глазами посмотреть!

– Что-то слишком быстро, – Леон копнул еще раз и, отпустив лопатку, выпрямился. – Не уверен, что нам нужен этот клад.

– Думаешь, там что-то нехорошее? – Алинка поежилась, переступила босыми ногами. – Тогда... наверное, не надо.

Я с сожалением смотрела на торчащую из земли палку-копалку. Ведь не зря же королева ужей появилась именно сейчас, именно перед нами? Может, не стоит так просто пренебрегать волшебным подарком? Но друзья, похоже, решили не рисковать. Леон стоял рядом, за его спиной Алина торопливо одевалась, тщательно перетряхивая свои вещи – не выпадет ли оттуда еще какой сюрприз?

Палка-копалка дернулась. Мы с Леоном переглянулись. Он шагнул, выдернул ее из земли и хотел утоптать вскопанный пяточок, но из-под его ног потекло что-то темное, маслянистое, похожее на чернила, и тоненькой струйкой побежало к реке.

Леон выхватил меч, провел борозду в земле, преграждая путь темной жиже. Но чернильная жидкость быстро заполнила канавку и перелилась через край.

Я схватила палку, копнула еще и еще. Под землей обнаружился обыкновенный глиняный горшок. Его крышка была приоткрыта, и оттуда текло, текло...

– Леон, сюда! – закричала. – Руби!

Он подлетел, с силой опустил меч. Посудина раскололась пополам, на дне ее оказался маленький темный комочек. Увернувшись от лезвия, он вытек из ямки и на потоке чернильной жижи поплыл к реке. Леон рубанул еще раз – не попал, только разлетелись в разные стороны темные брызги.

– Что ж это делается! Что делается! – раздался незнакомый голос, мы обернулись к реке. Порядком обрюзгший мужичок с сероватой кожей, обвешанный то ли мокрой травой, то ли

нитьями водорослей. Он шел вдоль берега, по пояс в воде, недовольно разгребая руками расплывающиеся темные кляксы. – Воду мне испортите, олухи! Ловите его, ловите же!

Мы с Леоном бросились к склизкому комочку, но он шустро увильнул от наших рук и плюхнулся в реку. Вслед за этим раздался еще один всплеск. Алина прыгнула в воду и сгребла чернильный сгусток ладонями.

– Поймала! Поймала!

– Не выпускай! Только не выпускай! – хрипло закричал мужичок. Леон прыгнул за Алиной, взял ее на руки и понес к берегу. Незнакомец шел за ним, внимательно следя за сжатыми Алинкиными ладошками, и повторял: – Не выпускай! Не выпускай только!

Леон не удержал равновесия на скользкой траве и упал, но успел поставить мою подругу на ноги. Алинка с распущенными длинными волосами, в промокшей рубашке, едва прикрывающей бедра, замерла, глядя огромными то ли от страха, то ли от удивления глазами на свои сомкнутые ладошки.

– Ой, жжется! – пожаловалась она.

– Только не выпускай! – бубнил серолицый мужичок, не вылезая из воды.

– Давай мне, – я подставила руки.

Алина замотала головой.

– Нет-нет. Боюсь. Вдруг убежит?

– Не убежит, – перебил Леон. – Мне давай.

– В огонь его надо, в огонь, – донесся голос из реки.

Огонь? Где ж его так быстро...

– Подождите, я сейчас, – срываюсь с места и, прикрыв локтем лицо, ныряю в заросли.

Хорошо, что вещи мы притащили с собой, не придется бежать к стоянке. Вот, под кустом, дорожная сумка Леона – здесь он сидел и ждал, пока мы с Алиной купались. А вот рюкзачки: один шоколадного цвета, второй – серо-зеленый, мой. Подбегаю, хватаю его и, заслоняясь им от царапучих веток, несусь обратно, к реке.

Алинка плачет – лицо совсем мокрое от слез, но ладони не разжимает. Леон бледный и напряженный, уже не уговаривает ее передать опасную ношу – ждет.

– Не отпускай! Его только в огонь можно, только в огонь, – по-прежнему бубнит серолицый, стоя в воде у самого берега.

Леон бросает злой взгляд в его сторону, потом видит меня, и злость сменяется надеждой.

– Сейчас, – бросаю рюкзак на траву, падаю рядом на колени, достаю коробок сухого горючего. Сколько надо бросить кругляшков, чтобы огонь получился достаточно большим, чтобы сразу сжег это гадкое нечто, спрятанное в Алинкиных руках?.. В итоге выбрасываю на землю все восемь таблеток, поджигаю. Пламя поднимается ровное, с синеватым ободком.

– Давай!

Алина подходит и, вытянув руки над костром, разжимает ладони. Черная клякса изо всех сил цепляется за покрасневшие пальцы, но соскальзывает и с шипением падает в огонь. Пузырится, чавкает. Нити черного дыма вплетаются в рыжие лепестки, поднимаются кверху, превращаются в темные хлопья и тают в утреннем воздухе.

Леон очертил вокруг огня мечом широкую борозду, откинул подальше сухие былинки и сел возле Алины. Подруга так и не успела полностью одеться, мужчина завернул ее в одеяло, чтобы не мерзла, и осторожно держал в руках ее сильно обожженные ладони.

Я нашла в рюкзаке аптечку, достала мазь от ожогов. Лекарство белой пленкой легло на покрасневшую кожу, Алина прикрыла глаза и, всхлипнув, произнесла:

– Спасибо.

– Не за что.

Незнакомый мужичок, о котором мы на время забыли, вылез из воды и уселся на берегу, с интересом поглядывая на нас. Точнее на Алину. У него были длинные седые волосы, в пятнах,

словно перепачканные зеленкой, а из одежды – то ли набедренная повязка, то ли полотенце... странное такое, серо-зеленое, мохнатое, обвешанное мокрыми листочками. Отдельные пучки водорослей унылыми сосульками свешивались с плеч и шеи, намотанные на манер шарфа.

– Да... Прибавили мне работы, – проворчал он.

Леон обернулся, не выпуская Алинкиных рук.

– Что это было?

– Дрянь какая-то, – мужичок пожал плечами, щелкнул длинным ногтем по сухой деревяшке. – Наши ее заманили в горшок и закопали. Чтоб не шкодила, да воду не портила. А вы вон чего учудили – мало реку мне не испортили. Чистить после вас придется еще несколько ночей кряду. Русалок гонять. У меня их всего-то две осталось на всю реку. Пока, бедняжки, спрячутся...

– Нам королева уже место указала, – проговорила Алинка. Ее голос еще немного дрожал, но подруга больше не плакала. Мазь подействовала, снимая боль.

– Вот оно как! – водяной задумался, нахмурил косматые брови. – Верно, гнездо у них рядом. Вот и не понравилось такое соседство, – он поправил мокро-зеленый шарф. – Мы-то сами с огнем не дружим, знаете ли... Запереть смогли, а вот дальше что делать? У людей помощи просить – так то себе дороже. А тут вы так удачно подвернулись.

– А мы, что ли, не люди? – удивилась я.

– А мы вас и не просили, – усмехнулся водяной. – Сами откопали, сами эту мерзость на белый свет выпустили, сами и прибрали... Да, к слову, вы эту землю грязную да траву погребайте и в огонь побросайте. Так оно вернее будет.

Спорить не стали, хотя очень хотелось возразить. Мы с Леоном сгребали землю, Алина сидела, положив руки на колени.

Водяной даже не подумал нам помочь. Он рассматривал мою подругу, словно любовался. Сын воеводы то и дело оглядывался на него, но пока молчал.

– Что, красавица, больно? – поинтересовался вдруг хозяин речки.

– Чутьочку, – призналась Алинка.

– Хочешь, сделаю так, что ни руки, ни ноги болеть не будут? Ни голова, ни сердце...

– Утопит, – не сдержалась я.

К счастью, меня услышал только Леон. А водяной продолжал:

– Будешь жить – горя не знать. Под луной танцевать да хороводы водить с подружками. И если захочешь, любой мужчина навечно твой будет, во всем тебя станет слушаться, жить подле тебя, красотой твоей восхищаясь...

Уж не знаю, на какой эффект от своей речи рассчитывал хозяин реки, но Алина испугалась по-настоящему. Наверняка тоже вспомнила рассказы про русалок, про то, как они добрых молодцев топят. И теперь представила себе эту вечную жизнь околдованных утопленников.

Леон опустил ладонь на рукоять меча и напряженно замер. Злить водяного ему, ясное дело, не хотелось, но если уж придется...

– Спасибо вам большое, – произнесла Алина побелевшими губами, – но я... Нет, я так не хочу. Извините.

Водяной вздохнул разочарованно – словно вода в чайнике забулькала.

– Ну да, ну да... Кому охота к старику в обмелевшую речку-то лезть? Ладно уж, живите, – он спрыгнул в воду, сделал несколько шагов, потом обернулся и, вернувшись к берегу, положил на траву что-то маленькое, зеленое. – Ты уж не побрезгуй, красавица, возьми подарочек. Не навредит он, слово водяного. А может и пригодится когда-нибудь.

И ушел в воду, шаг за шагом, лишь круги над головой разошлись.

Алина подходить побоялась, мы с Леоном приблизились к берегу, и мужчина, нагнувшись, поднял с земли маленький плотный бутон с остренькой верхушкой. Сквозь зелень окутывающих его листочков проглядывали тонкие белые лепестки.

Арис встретил нас на полпути от реки. Был, видимо, недоволен, что не застал всех троих на месте стоянки, но поглядел на наши лица и ничего не сказал. Он привел лошадей – одну вороную кобылку, одну серую, и двух гнедых жеребцов. Мы навьючили на них поклажу и, неторопливо пробираясь через заросли, пошли к дороге.

* * *

Темнело. Вдали показались огни деревни. Объездной дороги не было, мы решили ехать напрямик, надеясь, что в сумерках нас не узнают. Повод серой кобылки, которая везла рюкзаки, был прикреплен к седлу Ариса. Алина не могла держать поводья обожженными руками, а потому ехала вместе с Леоном. Он мягко и заботливо придерживал ее, обнимая за талию, и, несмотря на болезненные ожоги, глаза моей подруги светились счастьем. А я ловила себя на мысли, что могла бы сейчас быть на ее месте, могла... Если б только вовремя сообразила, прыгнула первой.

Мысль эта была неуместной и гадкой. Я тряхнула головой, пытаюсь ее отогнать, но зависть маленьким червячком прокралась в душу. Вроде бы радостно было за подругу, что она так счастлива, что как будто нашла, наконец, свою вторую половинку, и в то же время безумно хотелось оказаться на ее месте.

Деревня осталась позади. Я слегка пришпорила гнедого и обогнала остальных. Маленький червячок оказался тяжелым, как свинцовая гиря, и слишком цепким. Наверное, потому зависть считается худшей из чувств, что с нею так сложно бороться.

– Стой!

Погрузившись в размышления, я не сразу услышала предупреждение Ариса:

– Стой! Там ловушка!

Запоздало сообразив, в чем дело, натягиваю поводья. Оборачиваюсь.

Алина с Леоном и Арис остановились на расстоянии и смотрят, словно ждут чего-то.

– Женя, назад! Скорее! – кричит подруга.

Горыныч наблюдает исподлобья. Ну все, сейчас отчитают по полной. И ведь за дело. Только бы сдержаться, не накричать в ответ и не расплакаться.

Подъезжаю поближе.

– Женечка, с тобой все в порядке?

– Да, вроде.

– Стой, – командует Арис. – Едь обратно. Медленно.

Успеваю удивиться, но послушно разворачиваю лошадь и снова еду вперед.

– Стой.

Конь Ариса делает несколько шагов, но по команде нового хозяина останавливается и пятится.

– Возвращайся, – Горыныч встречает меня внимательным взглядом, пристально изучает лицо. Поворачивается к Леону: – Справа тропинку видел. Поехали.

Объезжать пришлось долго – всем хотелось оказаться подальше от ловушки. После нашли полянку с темным кругом охотничьего костра посередине. Арис развел огонь, повесил над ним котелок, наполненный речной водой.

Из нас двоих – меня и Алины – куховарит обычно она. Потому как и любит, и получается у нее это лучше. Но у нее болели руки, пришлось мне. Я сидела на корточках, помешивая кашу, сваренную из Арисовых запасов, не оборачиваясь, чтобы не наткнуться взглядом на Леона с Алиной, в обнимку примостившихся рядом.

После ужина я смазала подруге ладони и замотала их чистым бинтом. Расстелила свой каремат недалеко от костра и села смотреть на огонь. Алина сперва устроилась рядышком, после отошла к Леону, чистившему котелок в сторонке, у края поляны. Они тихо говорили,

потом Леон осторожно взял ее руку, склонился над запястьями, чуть выше бинтов... Я отвернулась и снова уставилась на пляшущее пламя. Там, за спиной, зашуршало и стихло, а когда я решилась обернуться – не увидела никого.

– А... где они?

– Недалеко, – Горыныч сидел напротив. Огонь освещал его лицо, задумчивое и, как обычно, хмурое.

Прошла минута. Вторая. Третья.

– Что-то долго их нет.

– Разве? – отозвался Арис. Прислушался и уверенно сказал: – Они рядом. Все в порядке.

– Это тебе змеи сказали? – я вздохнула и решила подождать еще. Каждый шорох за спиной, каждый шелест заставлял прислушиваться, оглядываться. Надо было отвлечься хоть чем-нибудь. Мне вспомнилось вечернее происшествие. – Там на дороге ловушка была?

– Да, – пауза. – Ловушки на тебя не действуют.

Смысл слов доходит не сразу.

– Как это?

– Не знала?

– Нет, – качая головой. – Как это – не действуют? Почему?

Пожимает плечами:

– Такой дар значит. Раньше еще, в Коряках... Ты тогда тоже в ловушку заехала.

Потрясенно вглядываюсь в его лицо.

– Я не знала.

– И еще, – продолжает Арис, – силой делиться можешь только по своей воле. Если сама захочешь. Тоже не знала?

Хмыкает, осторожно ворошит палкой костер. Что-то шелкает, и я, вздрогнув, снова оглядываюсь через плечо. Нет, не идут...

– Ты пойдешь ловушку убирать? – спрашиваю.

– Нет.

– Как – нет?

– Так.

– Но... люди ведь погибнут.

– На большой дороге ее быстро заметят, – спокойно объясняет Горыныч, – знаки поставят. А после кто-нибудь, может, и уберет ее. За хорошую плату.

– А ты почему?..

– Потому что ее здесь на нас и поставили. Если ловушки не станет, будут знать, кто прибрал.

Спорить не хочется – скорее всего, Арис прав. А только люди все равно погибнут. Кто-то один, или больше... пока ловушку заметят.

Алины с Леоном все нет.

Оборачиваюсь, прислушиваюсь. Что там Горынычу змеи нашептали – неизвестно, а вот я ничего не слышу.

Арис наблюдает за мной слегка удивленно – наверное, слишком уж верчусь. Надо бы взять себя в руки и подождать еще.

Терпения надолго не хватает.

– Нет, все-таки они долго. А вдруг что-нибудь случилось?

– Да ничего не случилось.

– Но... – больше не могу сидеть. Встаю, начинаю ходить взад-вперед по поляне. Остановившись. – Может, позвать?

– Не надо, – Горыныч хмурится, вглядываясь в мое лицо, и осторожно спрашивает: – Боишься, что ли?

– Чего боюсь?

Смотрю в ответ и соображаю, как должно было выглядеть мое беспокойство со стороны: один на один в лесу с таким мрачным типом... Стоит ли его бояться – такой вопрос даже в голову не приходит, к тому же сейчас, когда мысли другим заняты, и Алина с Леоном...

Горыныч молчит. Теперь в его взгляде читается понимание. Только этого не хватало!

Падаю на коврик, закрываю лицо руками. Как стыдно!.. Хочется верить, что о своей догадке Арис не расскажет Леону. Можно и попросить его, но... нет. Язык не повернется.

– Идут, – тихо сказал Горыныч, и на этот раз я очень постаралась не оглядываться.

Глава 4. Ворота предгорья

Горы показались на третий день пути верхом. Их голубоватые вершины поднимались над горизонтом, за зеленой полосой леса. Резкие очертания сглаживались окутывающей склоны дымкой. Вот бы забраться туда, наверх! Но нам не по пути, да и кто знает, каких созданий – волшебных и не очень – можно встретить там, в пещерах, гротах и глубоких расселинах? О троллях здесь слышали только от наших, как и о драконах, а больше я никого и не знала.

Руки у Алины на диво быстро подзажили, и она ехала верхом на серой кобыле, наслаждаясь путешествием. Правда, иногда немного морщилась, когда, сжимая повод, тревожила ожоги. Погода не портилась, днем светило солнце, а ночи, хоть и прохладные, были тихи и безветренны.

Во второй половине дня, переправившись через реку, мы въехали в небольшой городок под названием Вереш. Он встречал путников аркой ворот над дорогой, причудливыми вывесками на аккуратных зданиях, серебристыми куполами церкви и высокой башней управы, видной едва ли не с любой городской улицы.

– Вереш – это ворота предгорья, – негромко объяснял Леон нам с Алиной. – От него идет дорога к перевалу, здесь проходят купеческие караваны с востока. И с юга тоже. Иногда легче перебраться через горы, к тому же дорога наезженная, чем лезть непролазными топями и болотами. Да и Заповедный лес не каждого пропустит.

– Что-то у меня нехорошее предчувствие, – шепотом поделилась я с подругой.

– Что мы пойдем именно туда, куда ни один нормальный человек не сунется? – она обреченно улыбнулась. – Я в этом почти уверена.

Мы остановились возле большого здания, на котором красовалась вывеска: «Змеева Голова». Под ней кто-то не слишком старательно изобразил змею, насаженную на вилы, словно сосиска на очень похожий столовый прибор.

Хозяину лошадей Горыныч пообещал оставить их на конюшне именно этого гостевого дома. Людей было мало. Леон сказал, что после зимы купцов здесь немного ездит, потому что одна горная речушка во время таяния снега частенько размывает дорогу, ведущую через перевал.

Наш змеиный воевода отправился на конюшню – и лошадей поставить, и с конюхом договориться, доплатить за корм и заботу о животных, а мы с подругой и Леоном направились внутрь. Судя по всему, впереди самая трудная часть пути, и мы решили подкрепиться как следует, потому что ночью вблизи Заповедного леса можно всякого ожидать, а против ночевки в городе или других ближних поселках Арис возражал.

Леон открыл дверь, мы с Алиной вошли внутрь и остановились, едва не разинув рты: прямо напротив дверей из деревянной стены торчала драконья голова – рогатая, с открытой пастью. Два длинных белоснежных зуба, словно ядовитые у гадюки, и еще клыки, поменьше, но тоже внушительные. Правда, клыков было не четыре, а три – не хватало верхнего правого. Казалось, что дракон врезался в стену, пробив ее головой, да так и замер.

– Добро пожаловать, уважаемые, в гостиный дом «Змеева Голова», – низкорослый мужичок в переднике, какой-то шупленький, с рыжей бородкой, учтиво поклонился нам и добавил: – Не извольте пугаться, сударыни, он уже давно не кусается.

Только теперь я разглядела, что голова приделана к деревянному щиту, висящему на стене, и что глаза дракона – или, если угодно, змея – ненастоящие, стеклянные.

Немногочисленные посетители сидели по углам, обсуждая свои дела. Чистенько и довольно тихо. Леон выбрал столик под широким окном и попросил горячий обед на четверых, довольно скромный. Но после каши, приготовленной на костре, и жестковатой зайчатины, мы были бы рады и меньшему.

Наш заказ передали кухарке, и пока хозяин со скучающим видом протирал и без того чистый прилавок белой тряпочкой, мы втроем дружно пялились на оскаленную морду, а я гадала – уж не та ли это голова, которую Горыныч откромсал у мертвого змея и куда-то нес-нес, да не донес.

Наш интерес польстил хозяину. Облокотившись о край прилавка поближе к нашему столу, он наслаждался вниманием, которое уделили висящему на стене страшилищу, потом сказал:

– Вы, наверное, слышали о змее-людоеде, который жил в здешних горах лет десять назад? Мы дружно закивали.

– Не правда ли, голова хорошо сохранилась, – мужичок не без гордости поглядел на клыкастый трофей. – Да-да, это голова того самого змея. Я ее годков пять тому у гишнянского старосты за золото купил. Ему деньжата нужны были позарез. Сынуля добро отцовское промотал, уж и долги платить нечем было. Да и к чему ему-то голова? А мне удачу приносит. И клиентов подманивает. Вот и вы тоже могли ведь в другой дом зайти, а пришли сюда.

И я, и Алина были бы не против услышать историю змеевой головы, вернее того, как эта самая голова с телом рассталась, но задавать вопросы мы побоялись.

– Да уж, зверюга была страшная, – подал голос седоволосый дедок, одиноко сидевший с кружкой неподалеку. – Я в тот час как раз в Гишнянке жил. Ох и натерпелся! Змеюга бесстыдная скотину таскала, почитай каждый день кто коровы не досчитается, кто козы. Уж думать стали: что ли невесту ему выбрать да откупиться?.. Так отец Иннокентий отговорил. Негоже, мол, отродию бесовскому жертвы приносить. Не по-божески. Хорошим человеком был отец Иннокентий. Правильным, – старик отхлебнул из кружки, громко ухнул ею о стол, чудом не разбив.

– Ты погоди, Никола, – отозвался трактирщик. – Что-то не то рассказываешь. У меня самого дочка в Гишнянке, так она говорит, что кого-то змею таки отдали.

В это время нам принесли горячую кашу с подливой в глиняных мисках, но ни я, ни Алина на еду внимания не обратили.

– Да, было дело, – старичок скривился. – Аж вспомнить стыдно. Был там парнишка один, сирота, да головой будто слабоват... Взялся откель неведомо, говорил непонятно. Сперва Аквилина его приютила: своих-то детишек нет, а парня жалко – дурной ведь совсем, пропадет. А опосля-то соседи замечать стали, что на двор к ней змеи со всей округи сползаются, и что парнишка тот с ними будто беседует. Испугались, значит, всё думали – а как он начнет гадов на людей натравливать? Аквилина-то его защищала, да народ пуганный, ясное дело. Как случай представился – отправили его к змею, чтобы, значит, он с ним поговорил да упросил скотину не красть.

– И как? – удивился трактирщик. – Неужто парень и вправду пошел?

– Да какое там! – старик снова хлебнул из кружки. – Связали да оставили посреди поля. Уползти он не успел, змеюга в тот день рано прилетела.

– И что, слопала?

– А Бог его знает, – вздохнул мужичок. – Думается мне, что гадина эта его за один присест и проглотила. Ни костей не нашли, ни веревки. Аквилина все говорила, что парнишка убежал, видать, ну мы и не перечили... Она долго мучилась после, да и помирала тяжко. Жалобилась все, что это Бог ее карает, да уж ее-то за что? Нас отец Иннокентий тогда совестил, каяться призывал. А после кто-то придумал змеюгу отравить. Спросили у знахарки, чем козу накормить, чтобы мясо ее стало для гадины окаянной ядом смертельным. Сделали, как она сказала. И верно – змея мы больше не видели. А деньков через пять сынок старостин башку эту в село притащил.

Дверь негромко хлопнула, закрываясь. Хозяин трактира вежливо поздоровался с Горынычем. Тот ответил и сел за стол рядом с нами, перед доверху наполненной миской.

– Договорился, – коротко сообщил он Леону. Мы с Алиной переглянулись и отвели глаза, уставившись в свои тарелки. А трактирщик продолжил разговор, прерванный появлением нового посетителя:

– Вот и мне староста хвастал, что это его старший сын голову Змею срубил. Да только я не поверил: видно, что голову не рубили, а отпиливали.

Арис обвел нас взглядом и молча принялся за еду.

– Агась, – отозвался старичок из Гишнянки. – Он потом и признался, что нашел змеюгу дохлую и башку ей откромсал. Правда, выглядел так, словно взаправду со змеем сражаться довелось – порезанный весь, в синяках да шишках. И дружки его, помощнички, не лучше.

Леон спрятал усмешку. Трактирщик со своим говорливым посетителем стали обсуждать дела гишнянского старосты да его беспутного сыночка, и мы, наконец, смогли уделить должное внимание обеду.

* * *

Задерживаться не стали. До Заповедного леса было не слишком далеко, но ночью туда сунулся бы разве что сумасшедший, а потому стоило найти укромное местечко для ночлега. Арис знал дорогу лучше всех и шел впереди, мы с Алиной – за ним. Подруга осторожно подхватила меня под локоть и задумалась, наверное, тоже вспоминала разговор в трактире.

Миновав церковь, наша компания свернула в узенькую улочку между аккуратных островерхих домиков. Прошли площадь с мраморным фонтаном по центру, еще несколько улиц... и город закончился. На этой дороге не было ни арок, ни сонных часовых. Маленькие тихие домики с нехитрым хозяйством и огородами подбирались к берегу речки, за которой начинался лес.

Мы как раз шли по мосту, когда Алинка дернула меня за руку:

– Жень, смотри! – запрокинув голову, она глядела в небо. Там, в переливах отгоревшего заката, кружила черная птица. Сперва показалось, что это ворона, но вот птица спустилась ниже... Слишком уж она большая для вороны, крылья рваными лоскутами темнеют на фоне неба, и вместо перьев дрожат на ветру ветхие лохмотья.

– Что это? – прошептала подруга.

Леон схватил ее за запястье:

– Бежим!

Дорога осталась позади. Над нами сомкнулись древесные кроны, но сквозь узор молодой листвы на темнеющем небе виден был черный силуэт.

Птица кричала. Ее голос был похож на скрип колодезного журавля, необъяснимо громкий, пронзительный. А скоро за нашими спинами послышался треск. Погоня прорывалась через лес уверенно и с таким шумом, словно ломала деревья на своем пути. Что-то толкнуло в спину, я едва не упала. Мимо пролетела ветка, царапнув Алинке плечо. Подруга ойкнула, но не остановилась – Леон упрямо тащил ее вперед, за собой.

Новая волна упругого воздуха налетела, сбив с ног всех четверых. Какая-то змея из Горынычевых подопечных, пролетев по воздуху, хлестнула меня хвостом и шмякнулась рядом. Я обернулась.

Арис привстал, ухватил с земли сухую палку и торопливо водил рукой вокруг нее, словно наматывая невидимую нить.

– Отойдите подальше, – крикнул он Леону. Тот подскочил, помог подняться Алинке, мне...

– Быстрее, идем! Идем!..

Показалась луна, ее лучи просочились сквозь листья. Теперь преследователям наверняка легко будет отыскать нас и без этой страшной, непрерывно кричащей над головами, птицы. Леон позволил нам остановиться, и теперь, прячась за деревьями, мы видели темную фигуру Ариса. Подобранную палку он воткнул в землю перед собой и ждал.

Сперва блеснули серебристые блики на доспехах, потом грузными тенями появились люди. Они ехали верхом, деревья перед ними валялись в разные стороны, освобождая проход. Одно упало, едва не задев Горыныча.

Его заметили. Кто-то засмеялся, кто-то выругался неприлично.

– Живым? – спросил незнакомый голос.

– Можно, – ответил другой. – Девчонок, главное, не прибеите. Пригодятся.

И снова хохот вперемешку с угрозами уже в наш с Алинкой адрес. Леон крепче прижимает нас к себе.

– Ну, так и будешь стоять? – нетерпеливо спрашивает все тот же голос. Горыныч не двигается с места, и один из всадников небрежно вскидывает руку. Арис отбрасывает назад, мощный поток срывает еще несколько веток, но воткнутая в землю палка каким-то чудом держится. Только покосилась немного.

Лошади неторопливо трогаются вперед, переступают поваленные деревья. Лунные блики скользят по доспехам. Всадники, словно сонные, качаются в седлах. Один с треском валится вниз, на поломанные ветви, у другого нога застреет в стремях, и обмякшее тело медленно волочится по земле. Еще двое сползают с седел, и тоже падают прямо у ног Ариса. Он поднимает руку, перехватывает поводья, и лошади останавливаются.

Арис проходит мимо лежащих тел, вытягивает из земли палку, проводит возле нее рукой и выбрасывает, ненужную. Запрокинув голову, смотрит вверх.

В вечернем небе истошно кричит черная птица.

Словно опомнившись, мы подняли головы. Птица кружила низко, над самыми верхушками, будто не боялась.

Щелкнул арбалет. Дважды. Новый крик, полный боли и ярости, ударил в уши. Арис что-то пробормотал, бросил трофейный арбалет на землю и поднял руку.

Огромная птица, сбита вдруг налетевшим ветром, ударилась о ствол высокой сосны, попыталась подняться, но ее подхватил вихрь и швырнул сперва на ветви деревьев, а потом – на прогалину, где лежали поваленные колдунами стволы. Отпустив нас, Леон ринулся туда, выхватил меч и пригвоздил все еще кричащую птицу к земле.

Она извивалась, хрипела, но освободиться не могла. И не умирала. Стараясь не попасть под удары рваных крыльев, Леон держался за рукоять меча, Горыныч спокойно и деловито собирал хворост и сбрасывал его просто на покрытую грязными перьями спину существа. Потом чиркнул спичкой и, прежде чем поджечь, посоветовал:

– Уши прикройте.

Что было дальше – помню урывками. Птица кричала долго и громко, потом затихла. Леон вытащил меч, вытер его листьями. Мы шли, шли... Спотыкались, хватались за ветви, ползли куда-то и, наконец, упали на каменный пол в небольшой круглой пещере. Небо в проеме светилось звездами, а в ушах еще звучал скрипучий голос умирающей птицы.

Глава 5. Подарок водяного

...

Огромные птицы в закатном небе... Как же он в них обманулся! Ждал – наивный глупец – что из багряной высоты к нему спустятся драконы!..

Вода негромко хлопала у ног, касаясь босых ступней. Мокрый песок хрустел на зубах. Черные птицы с крыльями, похожими на истрепанную ветошь, кружили в небе, словно стая ворон над падалью. А потом – шорох шагов, чьи-то ноги...

– Чего развалился? Думаешь, в сказку попал? – дружный хохот, затем серьезное: – Повезло тебе, парень, что мы тебя нашли.

Повезло?..

Поднявшись и отряхнув песок, он пошел за теми, кто встретил его на берегу, и не сразу понял, что идет... идет сам, своими ногами! Так, словно не было тяжелой болезни и долгих месяцев в инвалидном кресле! Радость поднялась, едва не заставив Виктора кричать от счастья, но... юноша лишь ниже наклонил голову, пряча улыбку.

Драконов – мечту своего детства – он в этом мире так и не встретил. Да он их и не искал, в общем...

...во взгляде просителя, обращенном к тому, кто стоял по левую руку от престола, читалась мольба и обещание благодарности. Среди разодетых в яркие шелка придворных советник правителя – с темными, гладко зачесанными волосами, в строгом костюме чернильного цвета – выглядел мрачной тенью, нахохлившимся вороном, неведь как оказавшемся посреди дворцового великолепия. Но люди, приближенные ко двору, уже знали, что воля государя во многом будет зависеть от произнесенных им слов.

– Он говорит правду, государь, – негромко произнес Виктор.

Князь важно кивнул:

– Мы рассмотрим твою жалобу.

Невысокий, ссутулившийся пред очами правителя человек не сдержал облегченного вздоха и, вытирая выступивший на лбу пот, бормоча благодарности, попятился к двери.

Виктор больше не обращал на него внимания. К усталым коврам ступенькам, ведущим на возвышение, где стоял княжеский трон, подошел крепкий светловолосый мужчина. Поздоровавшись и поклонившись по обычаю, заговорил. Он тоже пришел с жалобой, вполне справедливой: придворному колдуну было известно о бесчинствах, творимых боярами Грищенко и Моршелем в своих вотчинах. Но... оба боярина крепко сидели у колдуна на крючке и готовы были исполнить едва ли не малейшую его прихоть ради того, чтобы не выдал князю их махинаций с казной.

– Это ложь, государь.

В глазах светловолосого – изумление, затем – праведный гнев. К просителю подходит стража, выводит под локти, а дальше – известным маршрутом – в допросную, а после, если переживет беседу с дознавателями – на виселицу. Мужик упирается, рычит, словно раненый медведь. Пытается воззвать к справедливости, к князю, сыплет угрозами и проклятиями... Правитель лишь недовольно отмахивается – ему удобно, что стоящий по левую руку от престола колдун всегда подскажет, кому верить, а кому нет.

Виктору это тоже удобно. Нет, править княжеством ему неинтересно – слишком мелко, слишком хлопотно. Его горизонты шире, но пока...

– Он говорит правду, государь, – колдун снисходительно улыбается очередному просителю, мысленно делая пометку, что потребовать после за свою ложь.

К престолу молодой колдун пробивался целеустремленно и нельзя сказать, чтобы долго. Зная о его умении распознавать ложь, даже те, кто был значительно старше и, казалось, мудрее,

часто просили Виктора присутствовать при важной беседе или подслушать и рассказать после, что правдивым было в речах собеседников, а что – нет. И не могли устоять перед соблазном снова и снова воспользоваться его услугами – ведь это, если подумать, дешевле, чем оплачивать шпионов. Виктор никогда не просил много, и потому получал гораздо больше остальных. Сильные колдуны, церковные и государственные мужи враждовали, плели интриги, ссорились друг с другом, а Виктор с их помощью поднимался все выше и выше, пока не оказался у самого княжеского престола...

...этим вечером во дворце пили и развлекались. Никаких важных разговоров. По слякоти весенних улиц карета ехала медленно, хлюпая и переваливаясь, но вот, наконец, остановилась у особняка, окруженного высоким забором. Если бы кто-нибудь из жителей столицы оказался внутри этого дома, он бы невероятно удивился: в жилище колдуна ожидали увидеть сушеных жаб и змей, но никак не сверкающую чистоту сервизов, уютную мебель и много-много света.

Свет исходил от золотистых шаров, лежащих в металлических чашах светильников, выкованных в форме цветов. Поднимаясь по широкой деревянной лестнице, Виктор в который раз думал, что, когда построит свой собственный дом, в нем будут такие же светильники.

В просторном кабинете на втором этаже его ждали. Трое мужчин в дорогой, но довольно простой на вид одежде сидели в удобных креслах. Навстречу гостю поднялся сам хозяин – крепкий, с длинной бородой и усами.

– Я рад, что ты смог прийти.

– А ведь действительно, рад, – гость как будто удивился.

– Оставь свое красноречие для дворцовых попрошайек, – отмахнулся хозяин и, подойдя к дверям, повернул ключ в замке. Виктор постоянно умилялся в душе тому обстоятельству, что даже самым влиятельным и сильным колдунам многое приходится делать вручную. Сжечь город, выкорчевать дерево или поднять ураган – это запросто. А вот, к примеру, двери прикрыть, светильник принести или... заварить кофе. Хотя последний процесс Виктор не доверил бы никакому колдовству.

– Ну что же, раз все в сборе...

Хозяин особняка – в прошлом инженер-макетчик Борис Анатолиевич Шепитько, а ныне придворный колдун Яромир – опустился в глубокое кресло.

– Разговор предстоит серьезный. Вы знаете, что бояре строят заговор против Раславского воеводы, и князь, похоже, сам положил глаз на воеводскую казну. Нам же стоит решить – помешать им или, наоборот, помочь?

– Не хочется мне в это лезть, – пробормотал один из собеседников – мужчина с пышной рыжей шевелюрой, в которой уже угадывался проблеск седины.

– А придется, – возразил хозяин. – Помощь оценят куда больше, чем бездействие.

– Мне тоже не нравится эта затея, – вмешался Виктор. – Воевода Раславский исправно налог в казну платит, считай, весь дворец кормит. Нам невыгодно, чтобы земли остались без хозяина.

– Нам невыгодно быть на стороне проигравшего, – отозвался бородач. – К тому же воеводу люди уважают, и князь боится, что Алексей Леопольдович на его престол метит.

– Чушь какая! – фыркнул Виктор.

– Это мы знаем, что чушь. Князю с боярами нашими заодно жажда наживы глаза застит, а чужое богатство – как кость поперек горла.

Рыжий раздосадованно хлопнул ладонью по колену:

– Эх, если бы Алексей Леопольдович задумал собрать армию и пойти на столицу, я бы еще подумал, на чью сторону становиться! На Раславских землях многовато наших, и, если так пойдет и дальше, воевода сможет значительно укрепить войско колдунами.

– А вот этого мы не допустим, – хозяин особняка обернулся к Виктору: – Я полагаю, твои люди над этим работают.

– Как всегда, Борис Анатольевич. Не покладая рук...

– Ну, значит, других колдунов можно будет не опасаться.

Дальше разговор крутился вокруг дворцовых интриг, а Виктор, прислушиваясь к беседе, не мог оторвать взгляда от живого пламени в камине...

...сырость от мокрого снега пробирала до костей, серая вата застилавших небо облаков нагоняла тоску и сон.

– Полцарства за кофе, – мрачно сам себе пообещал колдун.

Обняв пальцами кружку с подогретым вином, он устроился кресле у очага и крикнул:

– Входите!

В тот день хотелось новостей. Неважно – хороших или нет: любых. Но, оказалось, сыщик в очередной раз пришел лишь за тем, чтобы сказать: не нашел. И замереть под недовольным взглядом придворного колдуна.

Но в такую погоду Виктору даже гневаться было лень.

– Продолжай поиски, – и он жестом велел оставить его одного.

Странно, как тоскливо иногда бывает от того, что не с кем поговорить. Была бы Алика рядом – они наверняка бы снова поругались. Но с ней, по крайней мере, можно было бы спорить по-настоящему. Не думая о последствиях, не опасаясь сказать лишнее слово... Так, как теперь можно поспорить лишь с самим собой.

Виктор часто возвращался мысленно к тому вечеру, когда загадал желание на купленный сестрой шар. Нет, раскаяния он не испытывал, но, перебирая в памяти минуты и секунды, думал: не ошибся ли в предположениях? Если бы у него был выбор: медленно умирать или шагнуть навстречу неизвестному – он не колебался бы ни мгновения! Но... либо Алике не удалось купить еще один шар, либо она сменила не только имя, но и внешность – найти ее не могли...

...за окнами чернела ночь, ставни скрипели от налетевшего ветра. В харчевне на окраине столицы посетителей всегда было немало, теперь же небольшое, приземистое помещение было забито до отказа теми, кто прятался от непогоды.

Виктор пришел сюда в компании плечистого детины, который, в случае чего, мог выполнять обязанности телохранителя. Выбрав место за угловым столиком, он опустился на скамью, предварительно брезгливо смахнув с нее крошки полрой плаща. Капюшона колдун не снимал, и его лицо скрывалось в тени от посторонних взглядов.

– Который? – Виктор огляделся, и его губы скривились в усмешке: – Давай угадаю... Этот?

Человек, на которого он при этом указал, сидел у окна, задумчиво сцепив пальцы над миской, от которой поднимался пар. Казалось, погруженный в свои мысли, он не замечает шумной компании, уместившейся за тем же столом, не слышит пьяных криков и стука пивных кружек. Но Виктор прекрасно знал, что эта отрешенность обманчива.

– Этот.

– Странно, я не думал, что он окажется настолько... щепетильным, – придворный колдун прищурился, приглядываясь внимательней к заинтересовавшему его человеку. – Что ж, с возрастом это проходит, если доживешь, конечно... Сколько ему? Двадцать? Меньше?

Светловолосый пожал плечами.

– Ты сам с ним говорил? – поинтересовался придворный колдун.

– Не сам: ребята говорили, я слушал. Ну и видел немного... Он сперва спрашивал, сколько платят и за что, потом послал подальше.

– Может, предложили мало?

Насмешки в словах Виктора его спутник не расслышал, хотел что-то еще добавить, но в это время тот, о ком они говорили, обернулся и посмотрел прямо в лицо придворного колдуна. Вернее, в тень под глубоким капюшоном. Смотрел недолго, но пристально. А когда отвернулся,

Виктор еще некоторое время разглядывал хмурый профиль сидящего у окна человека, потом сказал негромко:

– Ты прав, он нам не пригодится. Жаль... – Виктор поднялся, расправил плащ. – Отправь за ним надежных людей. Змеи еще спят, но советую поторопиться.

* * *

Дождь уютно шелестит в листве. Над головой – каменный свод. Рядом – Леон. Прижимаюсь к нему спиной, опасаясь шевельнуться. Тепло, уютно. Непонятно только, что же меня разбудило... Приподнимаюсь, оглядываюсь.

Алина спит с другой стороны от Леона, положив голову ему на плечо. Ее усталое личико в слабом сером свете кажется несчастным – вчера она долго плакала и никак не могла успокоиться. Я бы тоже ревела, но... не в кого было уткнуться в поисках утешения. Пришлось терпеть. А потом мы как-то сами не заметили, как устроились рядышком все втроем, согреваясь, словно только что забрались в тепло после зимней стужи, и заснули.

Горыныч дремал у входа, прислонясь к желтой каменной стене. Его плечи вздрагивали, словно от холода.

Осторожно, стараясь не разбудить своих соседей, я выбралась из-под одеяла, подошла к Арису, наклонилась, вглядываясь в его лицо. Здесь, у входа, было свежо, дождь шумел громче, заглушая все посторонние звуки. Капли воды дробились о камни, и брызги падали на носки моих легких ботинок. Неудивительно, что Горыныч мерзнет.

Арис открыл глаза так резко и неожиданно, будто и не спал вовсе. Смутившись, словно меня застали за подглядыванием, я постаралась улыбнуться:

– Доброе утро.

– День на дворе, – он посмотрел в серое небо, затянутое тучами, поморщился. – Часа два пополудни.

– Что, правда? – я выглянула из нашей пещерки, рискуя промокнуть. Унылый дождь погасил все краски, света почти не было, казалось, что солнце еще и не вставало. Надо же, полдня проспали! Зато как хорошо!..

Горыныч поежился, поправил ворот своей вязаной кофты.

– Может, у тебя температура? – протянув руку, я положила ладонь ему на лоб и тут же в замешательстве убрала.

– Арис, ты же совсем холодный! Надо... надо срочно тебя согреть!

В прищуренных серо-зеленых глазах мне чудится что-то, похожее на насмешку. Вот скажет сейчас: давай, мол, согревай, раз напросилась!

– Может, пойдешь на мое место? – предлагаю торопливо. – Там тепло... Или может воды нагреть? Горячего попьешь, а?

Последнее предложение он обдумывает всерьез, но все же отказывается.

– Не надо. Огонь еще заметят.

– Да не заметят! Кто здесь будет по такой погоде шастать?

Но Горыныча не переубедить. Ладно... Опасливо высовываюсь наружу. Дождь как будто стихает, но холодные капли все еще падают с неба.

Поднимаю воротник куртки и по привычке предупреждаю:

– Я недалеко.

Когда вернулась, сын воеводы сидел у входа рядом с Горынычем.

– Он, кажется, заболел, – сообщила я Леону. – Это из-за вчерашнего, да?

Леон поглядел на друга, словно спрашивая разрешения, провел рукой по волосам, приглаживая отросшие ниже плеч пряди, стянул их шнурком на затылке.

– Да. Арис слишком быстро убрал свою ловушку. Она не успела напиться силой и...

– Ловушку?

Несколько раз мне довелось видеть место, где когда-то были ловушки: обугленный ствол или дерево, очищенные от колдовской силы огнем. Вчера я такого не видела. Но... вспомнилась воткнутая Арисом в землю палка, над которой он до того колдовал и которую выкинул после, когда все было кончено. Возможно, именно так может уничтожить ловушку ее хозяин? Но – Арис?

– Разве он может... ставить ловушки? – я посмотрела на Леона, потом на Горыныча. А ведь правда, ловко он вчера сбил птицу – не арбалетной стрелой, а воздушным вихрем. Совсем так, как за несколько минут до того ударом воздушной волны его самого сбил с ног неизвестный колдун в доспехах. Получается, колдун умер, и его сила перешла к Арису?

– Это могут все, кто попал сюда до вас, разбив шар желаний, – ответил сын воеводы.

– Все? И сколько же их?

– Осталось не так-то много, – Леон задумался ненадолго. – При князе было несколько человек, а в Раславе, кроме Ариса, я знал шестерых, но... их давно уже нет в живых.

– Невероятно, – я покачала головой, изумленно глядя на Горыныча. Ему, судя по хмурым физиономии, такое внимание удовольствия не доставляло. – Арис, так значит, у тебя есть новые способности, да?

– Их надолго не хватит, – нехотя отозвался Горыныч. Овернул, посмотрел на спящую Алину. – Давай, буди подругу. Пойдем.

– Так дождь же!.. – возразила я.

Леон глянул на небо и уверенно заявил:

– Скоро закончится.

Дождь, и верно, закончился быстро, но погода стояла на редкость унылая. Солнце так и не выглянуло. Пахло влагой. Низкое небо казалось грязным. А вскоре похолодало, сырость пробирала до косточек. Постоянно приходилось лезть через поваленные деревья и покрытые мхом коряги, до слуха доносились какие-то странные звуки, напоминавшие уханье филина.

Арис, шедший первым, остановился. Мы с Алиной обошли его и встали рядом, взявшись за руки.

Перед нами было болото. Из зеленоватой жижи торчали метлы кустов и пучки травы, выглядывали маленькие белые и розовые цветочки. На круглых кочках сидели толстые грязно-зеленые жабы, покачивалась на тонкой былинке большая ярко-синяя стрекоза. После непогоды здесь было тихо, только загадочные ухающие звуки, да непрекращающееся хлопанье: словно чьи-то шаги то приближались, то отдалялись. Иногда где-то трещали ветки или шелестел расстроенный невидимым обитателем пучок высокой травы. Туман поднимался от болота белевой дымкой и на расстоянии десяти шагов делался непроглядным.

Алина сжала мою руку.

– Я туда не пойду...

– Арис, – позвала я шепотом – почему-то в полный голос здесь говорить не хотелось. – Нам что – туда?

– Да, – ответил он, и добавил: – Если пройдем.

– Но как?.. – я смотрела, как сгущающийся туман скрывает зеленые кочки. От мысли, что придется идти туда, в эту булькающую топкую неизвестность, становилось неуютно. – Может, есть другой путь?

Ни Арис, ни Леон не ответили. Скорее всего, надеялись, что ночью покажется Болотник, и можно будет с ним договориться.

Небо почернело, и в этой темноте болотный туман стал словно прозрачней. Растрепанные метлы кустов проглядывали сквозь дымку, и порой казалось, что кусты эти движутся сами по себе, стоит лишь отвести взгляд. А еще у меня появилась уверенность, что по болоту действительно кто-то ходит, и от звука этих шагов не спрятаться, даже если закрыть уши.

Костра мы не разводили, чтобы не спугнуть Болотника. Арис стоял у самой границы хлюпающей жижи и все вглядывался, вслушивался. Леон прижал к себе Алинку и настороженно поглядывал в темный лес за нашими спинами.

Шаги слышались совсем близко. Вот-вот кто-то пройдет рядом, так, что нельзя не заметить... Хлюпнуло у самого берега, я вздрогнула, а невидимка пошел себе дальше. Арис тихонько выругался ему вслед, послушал еще немного и крикнул:

– Эй, есть тут кто?

– Есть, – прошелестело в ответ едва слышно, словно ветер пробежался лугом.

– Ну так выйди, покажись!

– Выйди, – повторил тот же голос. – Выйди, покажись!..

– Эхо? – неуверенно спросила я.

Никто не ответил. Шаги ненадолго стихли, а после невидимка снова зашлепал по болоту.

– Арис! – негромко позвал Леон.

Мы с Горынычем обернулись вместе.

Мягкий голубоватый свет исходил от Алинкиных ладоней, сложенных лодочкой, словно она держала в руках маленькую зажженную лампочку. Только вместо лампочки там лежал белый цветок, похожий на лилию.

– Что это?

– Подарок водяного, – улыбнулась подруга. – Помнишь, Жень, он мне бутон подарил? Маленький. Я все думала – засохнет или нет. А он не засыхал, а сегодня, видишь, расцвел... Я смотрю: в кармане что-то светится. Вот, достала...

Мы молча любовались сияющим чудом, а потом Леон прошептал:

– Смотрите.

Маленькие белые цветы распускались у самого берега, отгоняя туман. Все новые и новые... И вот через болото в ночь протянулась тоненькая светящаяся дорожка, словно млечный путь.

– Идем, – скомандовал Арис.

Леон обнажил меч и первым ступил на подсвеченную цветущими звездочками тропу.

Так мы и шли всю ночь: впереди Леон, за ним Алина. Подруга побоялась прятать подарок водяного в карман и держала его в руках. Горыныч замыкал шествие. Он предусмотрительно прихватил с берега несколько жердин – на случай, если тропа обманет, – и одолжил одну из них мне в качестве посоха.

Ноги устали от медленной ходьбы и ныли, но никто и не заикнулся о том, чтобы остановиться: боялись, что тропа из цветов может исчезнуть, и мы останемся посреди болота, не зная даже, в какую сторону двигаться, чтобы выбраться на сушу. Дорожка петляла, а в темноте, когда не видно ни луны, ни звезд, сложно угадать направление.

Время близилось к рассвету. Путеводные цветы стали бледнеть. Алинка резко остановилась, я едва не налетела на нее.

– Он закрылся, – прошептала подруга. В ее ладонях лежал плотный бутон, нежные белые лепестки спрятались за жесткими зелеными листиками.

Цветы у наших ног тоже закрывались.

– Скорее! – крикнул Леон, и, согнав оцепенение, мы поспешили за ним.

Тропинка бледнела и терялась. Ноги все глубже проваливались в грязь. Закрытые бутоны еще покачивались на поверхности болотной жижи, потом стали тонуть.

– Скорее! – Леон тянул Алинку за собой, я едва не наступала ей на пятки. – Там островок! Скорее!

Нога провалилась по колено. Я уперлась шестом и кое-как смогла сделать шаг, и еще один... Посох ткнулся во что-то твердое, и в тот же миг меня схватили под локти – Алина за одну руку, Леон за другую, и втащили на покрытую влажной травой землю.

* * *

Две таблетки сухого спирта медленно сгорали. В закрепленном над огнем котелке готовилась каша, и от нее исходил вполне аппетитный запах. Мы вчетвером сидели на нашем малюсеньком островке: клочке суши пять шагов в длину и почти столько же в ширину, покрытом травой и украшенном несколькими пышными кустами. Обувь, кое-как очищенная от грязи, сушилась неподалеку от огня. Выглядела она страшно неудобно, но лучше уж ходить в грязных ботинках, чем босиком.

Поднялось солнце, и болото приобрело довольно жизнерадостный вид: летали стрекозы и бабочки, кричали какие-то птицы. И цветов хватало. Они были чем-то похожи на тот, уснувший в Алинкином кармашке – маленькие, нежные. Рассыпанные группками и поодиночке, они бы наверняка порадовали глаз художника, но... нам было не до этой красоты. Тропинка исчезла, и мы очень надеялись, что с заходом солнца она появится снова.

Когда каша была съедена, Леон предложил поспать. Арис вызвался караулить первым и уселся чистить котелок. Нам с Алиной поначалу спать не хотелось, но усталость взяла свое. Прижавшись друг к другу, мы лежали, слушали крики птиц, шелест ветра, дыхание болота, и сами не заметили, как уснули.

Когда я проснулась, солнце клонилось к западу, но было еще довольно светло.

Леон, сменив Горыныча, сидел у края островка, задумчиво глядя на болото, сейчас напоминавшее скорее сказочный луг, нежели коварную топь.

– Красиво, – я присела рядом и следила взглядом за яркой бабочкой, порхающей над цветущей желтой свечкой. Где-то очень далеко за лесом, окутанные голубоватой дымкой, проступали очертания горных вершин. – Даже не верится, что когда-то там жил огромный крылатый змей.

– Жил, – Леон прищурился, глядя на горы. – И, судя по рассказам, довольно прожорливый.

– Что ж он Горыныча не слопал?

– Арис говорил, что змею было скучно. Слушателя не хватало... Вот и не слопал, – сын воеводы прищурился, поглядел из-под ладони в небо. – Раньше, говорят, в каждом болоте кикиморы сидели, только я этого уже не застал.

– Русалок же застал, – напомнила я.

– Да уж, – он усмехнулся. – Застал на свою голову.

– Расскажешь?

– А что рассказывать? Это случилось лет пять назад. Русалки уже тогда были редкостью, а тут Арис проговорился, что знает озеро, где русалок много. Нам с друзьями посмотреть захотелось. Арис отговаривал, но мы втроем твердо решили ехать.

Он замолчал. Я ждала продолжения и, наконец, решила напомнить Леону, что у него есть слушатель:

– И что дальше?

– Дальше мы, как положено, спрятались в зарослях на берегу и стали ждать ночи. Думали поглядеть из укрытия, но... Русалки нас сразу заметили. Накинулись всей гурьбой, а мы и не сопротивлялись... Пока Арис меня не стукнул хорошенько. И то я не сразу опомнился... А потом мы вместе еще двух товарищей у русалок отбивали.

Леон задумался, а я представила себе красавиц-дев, готовых забавы ради человека на верную смерть заманить, и стало не по себе. Это с такими, как они, мы собираемся договариваться? Или с такими мелочными вымогательницами, как Осинка? Или с желающими жар чужими руками загребать, как встреченный нами хозяин реки?

– Мы сошли с ума, – я покачала головой, глядя на булькающую недалеко от моих босых ног зеленую жижу. – Леон, а ты, правда, веришь, что там, куда мы идем, нам помогут?

Он долго думал над ответом, потом пожал плечами:

– Я знаю, что они могут помочь. Если захотят. Если поймут, что это нужно им самим. И очень надеюсь, что не попросят слишком высокой платы за свою помощь.

Солнце садилось. Над болотом туман поднимался клочьями. В нем мерещились странные образы – то силуэт человека, то птица с рваными крыльями. Мы с Леоном смотрели на эти миражи, и рука мужчины уже нащупала рукоять меча, а я с трудом сдерживала желание схватить свой шест и ткнуть туда, в белесое марево, чтобы узнать наверняка, есть ли там кто, или только кажется.

Алинка что-то пробормотала во сне. Леон обернулся и тут же вскочил на ноги.

– Прочь! – крикнул он.

Я успела заметить, как существо с тонкими, похожими на сухие ветки лапками, скрылось в трясине. Алина и Арис безмятежно спали, а туман крался к ним, его призрачные крылья уже гладили их спокойные лица.

– Прочь! Прочь! – Леон взмахнул мечом, и туман отступил, прилег у границы нашего островка, выжидая.

Мужчина наклонился над Алиной, позвал, потрянул за плечи. Попытался разбудить Ариса. Но ни подруга, ни Горыныч не просыпались. Совсем близко послышалось хлюпанье шагов.

Вооружившись жердью, я встала за спиной Леона, прикрывая тыл. Вовремя. Какие-то лапы, похожие на птичьи, потянулись ко мне, но взмах шеста растрепал их в бесформенные клочья.

– Арис, проснись! Арис! Алина! – судя по тому, что я слышала, кто-то из спящих, а может, и оба, уже получили несколько звонких пощечин. Которые, увы, не действовали.

Что-то шевельнулось у ног. Я глянула вниз и закричала. По земле ползли змеи, и было их много, словно гады со всего болота решили собраться на нашем маленьком островке. Уже и земли не стало видно под их извивающимися телами.

– Арис! – крикнул Леон. Он поднял Алину на руки, а змеиное воинство, не обращая внимания на нас, окружило Горыныча. То ли ужи, то ли гадюки ползали по его ладоням, лезли за шиворот, трогали лицо раздвоенными язычками. Одна склонилась над ухом и шипела...

Арис поморщился, провел рукой по лицу. Приподнялся на локтях и, поглядев на нас с Леоном, потрянул головой, прогоняя остатки сна.

– Ура! – обрадовалась я, и тут же едва не упала, когда змеи дружным потоком хлынули с острова.

– Можешь ее разбудить? – спросил Ариса Леон.

Горыныч поднялся, взял шест, махнул им, отгоняя крадущийся морок.

– Нет. Цветок разбудит.

Марево клубилось вокруг островка, пугая нас образами разных чудовищ, а потом в небе зажглись первые звезды, и все стихло. Туман стал просто туманом. Мы с Арисом устало опустились на землю рядом с Леоном. Сын воеводы положил на ладонь Алины закрытый бутон, вынутый из ее кармана, и ждал.

И вот лепестки дрогнули, раскрываясь. Мягкий свет озарял лицо моей спящей подруги.

– Не просыпается, – прошептал Леон и позвал: – Алина!

Глядя на них, я вспомнила старые романтические сказки и неуверенно предложила:

– Может, надо поцеловать?

Не знаю, насколько глупым было это предложение, но Леон воспринял его всерьез.

Я, словно зачарованная, смотрела, как он наклоняется, целует в губы... Нежно проводит ладонью по ее щеке и прижимает Алину к себе, зарываясь лицом в ее длинные светлые волосы.

Руки Алины поднялись, обвивая его шею.

– Леон...

Отвернувшись, натыкаясь на взгляд Ариса, улыбаюсь через силу:

– Сработало!

Цветочная дорога не оставила нам выбора: пойти вперед или вернуться. Тропинка началась у островка и уходила вдаль, в сторону Заповедного леса. Леон все еще держал мою подругу на руках и не собирался отпускать. Горыныч поднял Алинкин рюкзак, закинул за плечо и обернулся ко мне.

– Пойдешь первой?

Я кивнула.

Алина медленно приходила в себя после колдовского сна. Но спустя полчаса Леон поставил ее на ноги и поменялся со мной местами, выйдя вперед.

Уже близился рассвет, когда мы выбрались на твердую почву. Впереди начинался лес – темный, древний, с заваленными буреломом давно нехоженными тропками. На болоте таяли звезды путеводных цветов. Подарок водяного в Алинкиных ладонях снова превратился в бутон, и подруга спрятала его в нагрудный карман.

Болотник весело хлюпал по трясине – верно, спешил укрыться до того, как взойдет солнце.

– Спасибо, что пропустил! – крикнул Леон в туман, только его благодарность прозвучала неискренне – сын воеводы так и не смог простить пережитого страха за Алину.

В ответ слышалось бульканье, похожее на смех. Леон вздохнул, взял мою подругу за руку:

– Идем?

Глава 6. Тайны Заповедного леса

Темно, словно и не день вовсе. То ли туча над лесом, то ли густое переплетение ветвей не пропускает свет. И тихо. Хрустнет сухая веточка под ногой – резко, громко, да так, что хочется оглядеться: уж не потревожил ли звук хозяев леса, не спешит ли кто уберечь чащобу от незваных гостей?

– А далеко нам идти? – шепотом спросила Алина Ариса. Нам обоим казалось, что Горыныч должен знать об этом лесу куда больше, чем его друг.

– Может, далеко. Может, нет, – ответил он. – Лес большой.

– Вопрос в том, где нас встретят, – откликнулся Леон.

– Кто встретит?

Этого не знал никто. Тем временем едва заметная тропка уводила все дальше от болота, в самую лесную глушь. Деревья здесь казались старыми, больными, их стволы были искривлены, в них зияли дупла, на корявых ветвях встречались неприятного вида наросты. То и дело приходилось перелезать через неохватный сухой ствол, преградивший дорогу, или подныривать под накренившуюся до земли ель, чьи ветви колючим пологом завешивали проход. Леон все так же шел впереди, не выпуская Алинкиной руки, помогая ей пробираться сквозь бурелом. Арис держался позади.

Внезапно он остановился. Оглянулся удивленно, словно увидел что-то странное. Я задержалась на мгновение, но не заметила ничего и, пригнувшись, пролезла следом за подругой под обросшей мхом корягой.

Алинки я не увидела, но спросить, где она, не успела. Обернувшись, Леон махнул мне рукой:

– Скорее. Сюда!

И быстро пошел прочь от тропы, мимо покрученных стволов.

Надо было подождать Горыныча, но он почему-то не появлялся.

– Скорее! – повторил Леон, и я побежала за ним.

– Что случилось? Где Алина? – мы уходили все дальше от тропки. Сын воеводы торопился, за ним сложно было успеть.

– Она попала в беду, – бросил на ходу, не оборачиваясь. – Скорее. Иначе мы не успеем помочь.

– Но что случилось? И где Арис?

– Его поймали.

– Кто?

– Потом...

За нашими спинами что-то трещало, все громче и громче, потом звук ушел куда-то в сторону. Леон пробирался вперед, изредка оборачиваясь, а я уже едва переставляла ноги.

– Подожди, пожалуйста, – запыхавшись, перелезла через бревно и остановилась. – А куда мы?..

Не договорила. В стороне за деревьями мелькнул серый силуэт, остановился, и я узнала Горыныча.

– Арис! – крикнула я. – Леон, смотри, это Арис!

– Это не он, – прошептал Леон, настороженно вглядываясь в темноту. – Морок... Это морок. Нас хотят обмануть, заманить. Бежим.

– Но...

– Бежим! – он рванул вперед, я побежала за ним.

Из чащи донесся голос, очень похожий на голос Горыныча:

– Стой!

Ветви царапали лицо, корни цепляли за ноги. Ступня подвернулась, я упала.

– Вставай, скорее! – Леон замер в двух шагах, требовательно глядя на меня. – Нужно спешить!

И резко обернулся, потому что из-за дерева рядом с ним вышел Арис. Схватил Леона за руку, едва не сломав запястье, и с силой приложил о шершавый ствол умирающей липы.

– Где остальные? Говори!

Леон, оглушенный ударом, скользнул вниз, оставляя темный след на коре. Я закричала, рванулась вперед, но Арис обернулся, и его взгляд – темный, пугающий – заставил меня замереть.

– Это не Леон, – сказал незнакомец, так похожий на Горыныча.

– Неправда.

– Правда. Подойди, проверь.

Леон очнулся и, вывернувшись, ударил в ответ с неожиданной силой. Арис отлетел к другому дереву, но тут же вскочил и бросился вперед. На Леона.

Происходящее не укладывалось в голове. Я подняла с земли увесистую палку, но, совершенно растерявшись, не знала, кому из этих двоих прийти на помощь. Теперь странными казались оба.

В этот миг из-за деревьев послышался крик:

– Помогите! Помогите! На помощь!

Алина! Значит, Леон сказал правду!

Пальцы сжались вокруг сухой деревяшки. В какой-то миг темный затылок того, кто при-
творился Арисом, показался мне удобной мишенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.